НАУКА РУССКОГО ЯЗЫКА

научный журнал

- ✓ *Языкознание (филология)*
- ✓ *Всеобщая история, отечественная история*
- ✓ *Теория литературы и текстология*
- ✓ *Культурология и история мировой культуры*

№1 -2024

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «НАЧАЛА РУССКОГО МИРА»

Издание ориентировано на публикацию научных изысканий в таких сферах научного знания, как языкознание (филология), всеобщая история, отечественная история (история Российского государства на разных этапах его развития), теория литературы и текстология, культурология и история мировой культуры.

В частности, филологическая тематика представлена в издании работами, раскрывающими проблематику современной лингвистики и лингвокультурологии, а также теории и истории языка; исследований в области литературоведения, теории и истории отечественной и зарубежной литературы, изучения и взаимовлияния литературных и культурных традиций; совершенствования педагогического мастерства и образовательных технологий в школе и вузе; методики преподавания иностранных языков; теоретических и прикладных аспектов изучения речевой деятельности, языка и культуры, способов анализа художественного текста; практики перевода, а также дидактических аспектов переводческой деятельности.

В области культурологии и искусствоведения тематика работ может быть связана с изучением культурологических воззрений, культуро- и антропогенеза, эволюции и типологии культурных форм, механизма формирования систем культурных ценностей, а также выявления роли культурного наследия в жизни общества (в том числе с учетом национального своеобразия и исторического контекста) и т. д.

В части исторических исследований проблематика очерчивается широким кругом вопросов, касающихся анализа различных периодов мировой и отечественной истории, становления и развития цивилизационных форм, эволюции международных отношений, роли личности в истории, генезиса социальных процессов и политической культуры и пр.

Проблемы истории и теории литературы и искусства раскрываются через анализ всего спектра разновидностей духовной деятельности человека (религиозной, философской, художественной), изучение поэтики художественных произведений (стиля и техники автора), выявление специфики художественного метода, жанрового своеобразия отдельных авторов и художественных школ на различных этапах исторического развития мирового искусства.

Читательская аудитория: представители академической науки – вузовских научных школ, профессорско-преподавательского состава и научно-исследовательских учреждений, независимые исследователи, молодые ученые (в том числе, аспиранты, соискатели, магистранты), а также студенты вузов и средних специальных учебных заведений России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Тексты статей, поступающие в редакцию от авторов, проходят научное рецензирование и в обязательном порядке проверяются на наличие недобросовестного научного цитирования, а также самоцитирования в программной среде «Антиплагиат».

Журнал «НАЧАЛА РУССКОГО МИРА» издается с 2011 года. Выходит в свет шесть раз в год.

Учредитель: Тихонова Жана Сергеевна

Издатель: ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «РОСТПОЛИГРАФ»

Адрес издательства: 105187 г. Москва, ул. Вольная д. 28/4 к.1

Типография: Индивидуальный предприниматель Тихонова Жанна Сергеевна, ИНН 615108078357, ОГРНИП 322619600168289

Адрес типографии: 346715, РОССИЯ, обл РОСТОВСКАЯ, р-н АКСАЙСКИЙ

ISSN электронного сетевого издания 3034-1337

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77-86774 от 05 февраля 2024 г.

Языки: Русский, английский

НАПРАВЛЕНИЯ ЖУРНАЛА

- Отечественная история
- Всеобщая история.
- Археология
- Этнология, антропология и этнография.
- Историография, источниковедение, методы исторического исследования.
- История науки и техники
- Документалистика, документоведение, архивоведение.
- Русская литература
- Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литератур)
- Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)
- Литература народов Европы, Америки и Австралии, Азии и Африки
- Теория литературы. Текстология
- Филология, языкознание
- Теория и история культуры
- Историческая культурология
- Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов
- Прикладная культурология

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:

Лаврикова Ирина Николаевна

Доктор культурологии, доцент, доцент кафедры правовой и гуманитарной подготовки, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Акчурина-муфтиева Нурия Мунировна

Доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств АРК, Лауреат Государственной премии РК, профессор кафедры Декоративного искусства, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет»

Альбеков Нурвади Насруддинович

Доктор филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков и международной коммуникации Чеченского государственного педагогического университета

Андриевская Светлана Владимировна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры технологии и методики преподавания Учреждения образования "Полоцкий государственный университет" (Республика Беларусь)

Билялова Альбина Анваровна

Заведующая кафедрой, доктор филологических наук (профессор), член диссертационного совета КФУ.10.03, эксперт Аттестационной комисси КФУ по гуманитарному направлениюНабережночелнинский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Голикова Татьяна Александровна

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и издательского дела факультета, бизнес-технологий РОСНОУ, член союза переводчиков России

Джелилов Ахтем Алиевич

Академик, профессор, доктор филологических наук. Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Долгополова Лилия Анатольевна
Заведующий кафедрой немецкой филологии Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым "Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова", доктор филологических наук

Иванян Елена Павловна
Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Самарский государственный социально-педагогический университет". Действительный член Международной академии наук педагогического образования, продолжатель научной школы П. А. Леканта, автор «Словаря эвфемизмов русского языка», специалист в области семантики и прагматики языковых единиц, теории эвфемии русского языка

Кремшокалова Марина Чафленовна
Доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино – Балкарского государственного университета им. Х.М.Бербекова

Лелис Елена Ивановна
Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Мапельман Валентина Михайловна
Профессор Московского городского педагогического университета (профессор, доктор философских наук)

Минералова Ирина Георгиевна
Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX-XXI веков, Московский педагогический государственный университет (Москва)

Павлова Елена Касимовна
Доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова МГУ (Москва)

Похилько Александр Дмитриевич
Доктор философских наук, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет»

Сложеникина Юлия Владимировна

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологии, Университет «Синергия» (Москва)

Соловьев Владимир Михайлович

Историк, культуролог, доктор исторических наук, профессор, специалист по отечественной истории и культуре. Профессор кафедры мировой культуры в Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ), является ассоциированным сотрудником Социологического института РАН и сотрудником Международного центра изучения русской при Институте философии Санкт-Петербургского университета

Шкунов Владимир Николаевич

Доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель школы Российской Федерации, Член Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Поволжского филиала Института российской истории РАН

*****

EDITOR-IN-CHIEF

Lavrikova Irina Nikolaevna

Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Associate Professor of the Legal and Humanitarian Training Department, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot

EDITORIAL BOARD

Akchurina-muftieva Nuriya Munirovna

Doctor of Art History, Professor, Honored Artist of the Republic of Crimea, Laureate of the State Prize of the Republic of Kazakhstan, Professor of the Decorative Arts Department, Crimean Engineering Pedagogical University

Albekov Nurvadi Nasruddinovich

Doctor of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Foreign Languages and International Communication of the Chechen State Pedagogical University

Andrievskaya Svetlana Vladimirovna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Technology and Teaching Methods of the Polotsk, State University Educational Institution (Republic of Belarus)

Bilyalova Albina Anvarovna

Head of the Department, Doctor of Philology, professor, member of the Dissertation Council of KFU.10.03, expert of the KFU Attestation Commission for the Humanities, the Berezhnochelninsky Institute (branch), Kazan (Volga Region) Federal University

Golikova Tatyana Alexandrovna

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Publishing, Faculty of Business Technologies, ROSNOU, member of the Union of Translators of Russia

Dzhelilov Akhtem Aliyevich

Academician, Professor, Doctor of Philology. Institute of Media Communications, Media Technologies and Design, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Dolgopolova Lilia Anatolyevna

Head of the Department of German Philology of the Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Doctor of Philology

Ivanyan Elena Pavlovna

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Russian Language Department, Culture of Speech and Methods of teaching them, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Samara State Socio-Pedagogical University". Full member of the International Academy

of Sciences of Pedagogical Education, a follower of the scientific school of P. A. Lekant, the author of the Dictionary of Euphemisms of the Russian Language, a specialist in the field of semantics and pragmatics of linguistic units, the theory of the euphemism of the Russian language.

Kremshokalova Marina Chaflenovna
Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics of Kabardino – Balkarian State University named after H.M. Berbekov

Lelis Elena Ivanovna
Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

Mapelman Valentina Mikhailovna
Professor, Doctor of Philosophy, professor of the Moscow City Pedagogical University

Mineralova Irina Georgievna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature of the XX-XXI centuries, Moscow Pedagogical State University (Moscow).

Pavlova Elena Kasimovna, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of English for the Humanities, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Alexander Dmitrievich Pokhilko
Doctor of Philosophy, Professor of the Philosophy, Law and Social Sciences and Humanities Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Armavir State Pedagogical University"

Slozhenikina Yulia Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology, Synergy University (Moscow)

Solovyov Vladimir Mikhailovich
Historian, cultural critic, Doctor of Historical Sciences, professor, specialist in national history and culture. Professor of the Department of World Culture at Moscow State Linguistic University, is an associate fellow of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences and an employee of the International Center for the Study of Russian at the Institute of Philosophy of St. Petersburg University

Shkunov Vladimir Nikolaevich
Doctor of Historical Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Teacher of the School of the Russian Federation, Member of the Expert Council under the Government of the Russian Federation, Leading researcher at the Volga branch of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Лейдерман Виктор Михайлович
ДОХОДНЫЙ ДОМ А.Г. ГУДЕРМАНА В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ. ИСТОРИЯ И АРХИТЕКТУРА **8**

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Коёвич Сара, Радан Лазар
РУССКАЯ ПОМОЩЬ МОНАСТЫРЮ ДУЖИ ***14***

Сулеева Гульжан Созакпаевна, Есетова Айнур Такеевна, Джансеитова Светлана Саттаровна, Алтайбаева Шолпан Юсипбаевна
МИРОМОДЕЛИРУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ МУЗЫКИ, ВЫРАЖАЮЩИЙ ИЗНАЧАЛЬНУЮ ГАРМОНИЮ: ЗВУК – КУЛЬТУРА – КОСМОС ***25***

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

Чэнь Цзясюй
ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В ЭПОХУ НОВЫХ МЕДИА ***32***

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Безруков Андрей Николаевич
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС: ВАРИАНТ ОЦЕНКИ, СТРУКТУРА, ГРАНИ ИЕРАРХИИ ***38***

Королева Юлия Викторовна, Пасевич Даниил Константинович
КОЛОРИСТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ЯЗЫКОВЫХ НОМИНАЦИЙ В ПОЭЗИИ ЕВГЕНИЯ ЕВТУШЕНКО ***43***

Лихачева Ольга Николаевна
АНИМАЛИСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКТАХ А.И. КУПРИНА ***52***

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Гилязева Эмма Николаевна
ТЕМАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ***59***

Мерешкова Хэди Рашидовна
СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ И СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АРХИТЕКТУРНЫХ ТЕРМИНОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ***65***

Первак Татьяна Владимировна
ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ВЕРБАЛЬНЫХ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ ***74***

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Соронкулов Гульжигит Умарович
РУССКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА КАК ХРАНИТЕЛЬ БАЗОВЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ***81***

Лаврикова Дарья Валентиновна
СТРАТЕГИЯ БРЕНДА КАК ФАКТОР ВЫБОРА СТИЛЯ КОММУНИКАЦИИ С ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИЕЙ ***89***

Сунь Цзе
ОСОБЕННОСТИ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА ***97***

Тымчук Елена Викторовна
ЗНАЧЕНИЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ***103***

*****

CONTENT

HISTORY

Leiderman Victor Mikhailovich
FEATURES OF THE FACADE PLASTICITY OF THE CULTURAL HERITAGE SITE "THE APARTMENT HOUSE OF A.G. GUDERMAN" **8**

CULTURAL STUDIES

Kojovich Sara, Radan Lazar
RUSSIAN AID TO THE DUŽI MONASTERY ***14***

Suleeva Gulzhan Sozakpaevna, Esetova Ainur Takeevna, Dzhanseitova Svetlana Sattarovna, Altaybaeva Sholpan Yusipbaevna
THE WORLD-MODELING ELEMENT OF MUSIC, EXPRESSING THE ORIGINAL HARMONY: SOUND – CULTURE – SPACE ***25***

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Chen Jiaxu
FEATURES OF RUSSIAN JOURNALISM IN THE ERA OF NEW MEDIA ***32***

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Bezrukov Andrey Nikolaevich
ARTISTIC DISCOURSE: VALUATION OPTION, STRUCTURE, FACETS OF HIERARCHY ***38***

Koroleva Yulia Viktorovna, Pasevich Daniil Konstantinovich
COLOR VECTOR OF LANGUAGE NOMINATIONS IN THE POETRY OF EVGENY YEVTUSHENKO ***43***

Likhacheva Olga Nikolaevna
ANIMAL VOCABULARY IN NARRATORY CONSTRUCTS A.I. KUPRINA ***52***

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

Gilyazeva Emma Nikolaevna
THEMATIC ORGANIZATION OF ENGLISH MUSICAL TERMINOLOGY ***59***

Mereshkova Hedi Rashidovna
METHODS OF FORMATION AND STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF ARCHITECTURAL TERMS OF THE ENGLISH LANGUAGE ***65***

Pervak Tatyana Vladimirovna
LINGUOSTYLISTIC PARAMETERS OF VERBAL TRADEMARKS IN ENGLISH LANGUAGE ADVERTISING DISCOURSE ***74***

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Soronkulov Gulzhigit Umarovich
RUSSIAN FOLK TALE AS A GUARDIAN OF BASIC NATIONAL VALUES ***81***

Lavrikova Daria Valentinovna
BRAND STRATEGY AS A FACTOR CHOOSING THE STYLE OF COMMUNICATION WITH THE TARGET AUDIENCE ***89***

Sun Jie
FEATURES OF SIMULTANEOUS TRANSLATION ***97***

Tymchuk Elena Viktorovna
THE IMPORTANCE OF SPEECH CULTURE IN SOCIAL COMMUNICATION ***103***

ИСТОРИЯ

УДК 94

ДОХОДНЫЙ ДОМ А.Г. ГУДЕРМАНА В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ. ИСТОРИЯ И АРХИТЕКТУРА

Лейдерман Виктор Михайлович
Студент магистратуры,
Донской государственный технический университет
E-mail: *vityaleiderman@yandex.ru*

В статье представлены общие сведения об объекте культурного наследия регионального значения «Доходный дом А.Г. Гудермана». Отражены история проектирования и строительства, а также сведения об архитекторе. Кратко были обозначены сведения об использовании здания. Был произведен архитектурно-художественный анализ здания. Также представлены сведения о разрушениях и реставрациях, сведения о предмете охраны. Выполнены выводы о современном состоянии сооружения.

Ключевые слова: архитектура Ростова-на-Дону, эклектика, русско-романский стиль, доходный дом, объект культурного наследия.

*****

Объект культурного наследия регионального значения «Доходный дом А.Г. Гудермана» (пер. Соборный №8 / ул. Донская №15-А) представляет собой купеческий дом, один из немногих уцелевших на Донской улице. Здание находится на пересечении пер. Соборного и ул. Донской. В архитектурном решении здания удачно сочетаются элементы романского и русского зодчества, характерные для эклектики XIX века. Такую стилистику современники именовали «русско-романской».

Прилегающая застройка ОКН «Доходный дом А.Г. Гудермана» включает историческую застройку, пятиэтажные здания советского периода и современные двух-, трех-, шести- и семиэтажные постройки.

В границах обследуемой территории находятся объекты различной историко-культурной ценности: ОКН «Доходный дом Степана Акимова» (ул. Ульяновская, 14), руины жилого дома А.А. Ерошевой (ул. Ульяновская 12/10), МБОУ «Гимназия №35» (пер. Соборный, 1).

На территории Ленинского района, где и располагается доходный дом Гудермнана, находится историческая часть Ростова-на-Дону, называемая ранее Солдатской слободой и размещавшаяся с запада на восток в границах современных Буденновского и Ворошиловского проспектов, а с севера на юг – улиц Большая Садовая и Набережная. Именно Солдатская слобода в 1811 году была преобразована в Ростов-

на-Дону согласно первому генеральному плану развития города, утвержденному императором Александром I.

ОКН «Доходный дом А.Г. Гудермана» был построен в 1885 году, что подтверждается записью в правовом деле БТИ г. Ростова-на-Дону по этому дому, в его учетной карточке за 1929 год, а также в «Алфавите по оценке имущества жителей Ростова-на-Дону за 1886 год», где дом оценен в 1000 руб. Перед продажей в 1893 году здание оценивалось уже в 2000 руб. На панораме города, снятой фотографом в конце 1880-х годов, отчетливо виден силуэт здания, фасад которого заметно выделяется на фоне других невысоких строений улицы.

При строительстве дома архитектор удачно использовал его расположение на склоне донского берега. Занимавший угловое положение в квартале дом своим южным фасадом протянулся вдоль улицы Донской, а западным – вдоль переулка Соборного. Оба фасада имеют два высоких этажа, а угловая часть здания – еще и высокий цокольный этаж. Появившиеся позже пристройки к фасадам образовали внутренний двор, куда можно было попасть через сводчатые ворота из переулка. Вдоль дворовых фасадов на уровне второго этажа разместились галереи с навесами и наружными лестницами. Дом П-образной конфигурации в плане выглядит практичным и надежным: цоколь и карниз выполнены из блоков известняка-ракушечника, кирпичные стены, «железная» кровля.

Особенности композиции и стиля фасадов купеческого дома говорят об его авторской принадлежности ростовскому городскому архитектору 1880-х годов Владимиру Ивановичу Якунину, имевшему в тот период частную практику в этом районе и предпочитающему популярный в то время кирпичный вариант «русского» стиля в оформлении фасадов.

В. И. Якунин проектировал и строил такие известные сооружения города, как контора мельницы Елицера на Таганрогском проспекте (начало 1880-х), театр В. Асмолова на Таганрогском проспекте (1883), зерновой склад П.Р. Максимова между улицами Береговой и Нижне-Бульварной (1883), колокольня собора Рождества Пресвятой Богородицы (1883-1886), первый ростовский крытый рынок (1885-1887), пожарная каланча на Сенной улице (1885-1887), первые трехэтажные купеческие дома города. В 1886 году архитектора по Таможенному ведомству перевели на службу в Варшаву, вопреки желанию гласных городской думы удержать его в городе. Однако, перевод состоялся и дальнейшая творческая судьба В.И. Якунина неизвестна.

За свою историю ОКН «Доходный дом А.Г. Гудермана» несколько раз менял владельцев.

Первым его хозяином, выстроившим дом на собственные средства, был временный купец Фёдор Николаевич Жуков, с 1865 года являющийся старостой булочного цеха ростовской ремесленной управы. Ф.Н. Жуков содержал пекарню в собственном доме на Донской улице, а готовый хлеб продавал в своих лавках на Старом базаре. Здание также использовалось для сдачи внаем квартир и комнат, попасть в которые можно было со двора по наружным металлическим лестницам и через парадную дверь со стороны западного фасада. На протяжении многих лет Фёдор Николаевич застраивал и улучшал свой особняк. Окончательный вид здание приобрело к 1891 году, когда его финансовая оценка окончательно установилась.

В мае 1893 года домовладение приобрел Арон Гершович Гудерман – мещанин из Варшавы. Фабрика картонных коробок Гудермана находилась в другой части города, а в доме проживала большая семья хозяина и сдавались внаем отдельные квартиры. В последующие годы изменилась отделка фасада, детали его были оштукатурены, стены побелены, наличники над окнами и воротами украсили маленькие рельефы маскаронов. Дом принадлежал Арону Гершовичу до самой его смерти в 1905 году, после чего перешел по наследству к его вдове и замужним дочерям. Известно, что в 1894 году в цокольном этаже дома располагался трактир, а в 1914 году – бакалейный магазин купца Самохвалова.

После революции, здание было национализировано и поделено на коммунальные квартиры. В тот период в доме проживали самые разные квартиросъемщики: А.Т. Андреев – сотрудник Центросоюза, Н.Н. Дубницкий – сотрудник трибунала, А.Т. Безуглова – студентка консерватории, П.Е. Сидельковский – сотрудник Рабкрина, Г.В. Усков – сотрудник ГПУ, а также торговцы, домохозяйки, кустари.

Сегодня ОКН «Доходный дом А.Г. Гудермана» расселён и ожидает реконструкции.

В едином ансамбле парадных фасадов ОКН «Доходный дом А.Г. Гудермана», включающих скошенный в плане участок, отчетливо видны несколько раскреповок по всей его высоте, подчеркнутые сдвоенными полуциркульными окнами, оформленными декоративными колонками-балясинами, с массивными архивольтами на втором этаже и П-образными уступчатыми сандриками – на первом. В угловой части здания раскреповки фасада объединяются над карнизом единым глухим аттиком, подчеркнутым четырьмя рядами геометрического орнамента. Углы здесь в уровне фриза, карниза и аттика замыкают уступчатые кронштейны, увенчанные тумбами, от которых сохранились только их основания. Подобное оригинальное решение вызывает ассоциацию с завершениями башен средневековья.

Массивному уступу и кордону цокольного этажа противопоставлен узкий междуэтажный пояс с рядом зубчиков; под венчающим карнизом – зубчики и аркатурный пояс.

Архитектурный облик фасада дополняют разнообразные сандрики проемов, многочисленные геометрические орнаменты и вставки. Пластическая активность и плотность декора нарастает от подоконных вставок первого этажа до венчающего карниза.

Все названные архитектурные детали фасада, выполненные из кирпича, отражают рационалистическое направление в архитектуре конца 19-го века, поклонники которого использовали кирпич в качестве средства художественной выразительности строений.

Парадный вход в доходный дом был оформлен в виде двухстворчатых филенчатых дверей с остекленной фрамугой, а соседний проезд имел деревянные двухстворчатые филенчатые ворота.

Лишенный должного ухода ОКН «Доходный дом А.Г. Гудермана» в годы Первой мировой, а затем гражданской войны пришел в технически непригодное состояние. В начале 1922 года перед советской муниципализацией в акте осмотра домовладения техником-строителем было записано: «…на 1-м этаже полы уничтожены вместе с балками, печи разобраны до основания, во 2-м этаже уничтожены часть полов и окна, крыша проржавела и требует полного перекрытия новым железом;

потолки 1-го этажа… грозят обрушением, из 12 квартир дома пригодны две, двор превращен в отхожее и свалочное место».

В 1930-х годах дом основательно отремонтировали и передали на баланс в Андреевское райжилуправление.

За период Великой Отечественной войны во время бомбардировок порта прямых попаданий в дом не было. Ударные волны от разрывающихся снарядов не смогли разрушить толстые стены купеческого дома, но повредили крышу и балкон на одном из фасадов.

После войны здание находилось в ведении домоуправления № 31 Андреевского района. В 50-е годы в доме все еще использовалось печное отопление. Проводимые небольшие ремонты только поддерживали здание в состоянии пригодном для проживания, а разрушенный балкон на фасаде и парапетные тумбы кровли так и не были восстановлены. Несколько окон на фасаде дома были заложены, дворовые галереи и их лестницы нуждались в ремонте.

В 1990-х годах единственный сохранившийся купеческий дом на Донской улице по-прежнему ждал ремонта. Принятие его на охрану в 1998 году в качестве памятника истории и культуры регионального значения ничего не изменило в судьбе этого великолепного строения.

Доходный дом Гудермана несколько раз горел, последний пожар в нем был 17 декабря 2021 г. В мае 2022 года оно частично обрушилось, в июне этого же года из-за состояния здания был введен режим чрезвычайно ситуации. Его восточную часть прорезают трещины, там же обрушилась крыша. Перекрытия верхних этажей и часть фасада, сильно обветшали, местами осыпается штукатурка и декор. Все элементы здания требуют капитального ремонта.

В документе, опубликованном на сайте городской администрации в январе 2023 года, указано, что на основании того, что доходному дому А.Г. Гудермана, грозит обрушение, сам дом и земля под ним будут выкуплены у собственников для муниципальных нужд.

В соответствии с п. 8. «Описания предмета охраны объекта культурного наследия» паспорта ОКН от 2 июля 2015г. № 1906 предметом охраны ОКН «Доходный дом А.Г. Гудермана» являются:

1) Местоположение ОКН регионального значения на пересечении ул. Донской и пер. Соборного;

2) Первоначальные строительные конструкции и объемно-пространственная композиция ОКН, кирпичного, двухэтажного с подвалом и многоскатной крышей, сложной конфигурации в плане;

3) Масштаб, композиционное построение, характер отделки и пластика парадных западного и южного фасадов;

4) Архитектурно-художественный облик парадных южного и западного фасадов, включая: угловую и рядовые раскреповки фасадов, завершенные аттиками в форме стилизованных машикулей; уступ высокого цоколя; контрналичники рядовых окон 1-го этажа, дополненные в нижней части декоративными вставками П-образной формы; сложносоставные, барочного типа, наличники окон 1-го этажа угловой и рядовых раскреповок, включающие плоские колонки-балясины и профилированные сандрики; декоративные накладные элементы в основании балясин; портал ворот местного проезда, включающий сандрик лучковой формы и плоские колонки-балясины; междуэтажный пояс, включающий рельефные вставки поребрика и ритмичный ряд плоских сухариков; контрналичники рядовых окон 2-го этажа, дополненные

в верхней части небольшими килевидными возвышениями; сложносоставные наличники сдвоенных арочных окон 2-го этажа раскреповок, включающие плоские колонки-балясины и профилированные архивольты оконных перемычек; двухъярусный сложносоставной фриз парадных фасадов, включающий рельефный поясок глухой аркатуры и ритмичный ряд плоских сухариков; декоративные вставки фриза, выполненные в форме стилизованных машикулей; венчающий карниз, выложенный из фигурных блоков известняка-ракушечника;

5) Первоначальная дверь парадного входа, деревянная двупольная филенчатая с остекленной фрамугой и декоративными резными деревянными накладными элементами, ее местоположение на западном парадном фасаде.

ОКН «Доходный дом А.Г. Гудермана» находится в аварийном состоянии. Зданию требуется ремонт с устранением локальных повреждений внешних архитектурных и конструктивных элементов, а также усиление несущих конструкций. Необходимо заложение нового фундамента на участке восточной стены и усиление фундамента южного фасада, устранение дефектов наружных стен с восстановлением кирпичной кладки, штукатурного и красочного слоев. Требуется замена всех конструкций кровли, восстановление оконных и дверных заполнений, устранение биоповреждений и увлажнений, создание отмостки по всему периметру здания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошинова Л.Ф., Береговые улицы Ростова: Береговая, Донская, Ульяновская: серия «Судьбы улиц, площадей, зодчих». – Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2021 – 272 с.: ил. – ISBN 978-5-904079-11-6
2. Планы и правовое дело БТИ по объекту культурного наследия регионального значения «Доходный дом А.Г. Гудермана» в учетной карточке за 1929 год.
3. Охранное обязательство собственника или иного законного владельца объекта культурного наследия «Доходный дому А.Г. Гудермана» от 11.08.2022
4. Паспорт объекта культурного наследия от 2 июля 2015г. № 1906.
5. Официальный портал городской думы и Администрации города Ростова-на-Дону: сайт, URL: https://rostov-gorod.ru (дата обращения 10.04.2023)
6. Официальный портал Правительства Ростовской области: сайт, [Электронный ресурс]: URL: https://donland.ru (дата обращения 12.04.2023)

FEATURES OF THE FACADE PLASTICITY OF THE CULTURAL HERITAGE SITE "THE APARTMENT HOUSE OF A.G. GUDERMAN"

Leiderman V. M.

The article presents general information about the object of cultural heritage of regional significance "The Apartment house of A.G. Guderman". The history of design and construction, as well as information about the architect, are reflected. Information about the use of the building was briefly outlined. An architectural and artistic analysis of the building was carried out.

It also provides information about the destruction and restoration, information about the subject of protection. Conclusions about the current state of the structure are made.

Keywords: Russian-Romanesque Rostov-on-Don architecture, eclecticism, apartment building, cultural heritage site.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 94

РУССКАЯ ПОМОЩЬ МОНАСТЫРЮ ДУЖИ

Коёвич Сара
Аспирант,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
E-mail: *sara.kojovic96@gmail.com*

Радан Лазар
Аспирант,
Нови-Садский Университет

Монастырь Дужи – один из самых значительных монастырей Захумско-Герцеговинской епархии за всю историю. Монастырь приобрел важную историческую роль после венецианского взрыва и разрушения монастыря Тврдош в 1694 году. С этого года и до 1763 года Дужи был резиденцией Герцеговинской митрополии. В последующий период история монастыря Дужи ознаменовалась эпохой мятежей и войн, восстанием герцога Луки Вукаловича, а затем восстанием в Герцеговине (1875–1878). В этот период произошел важный для монастыря эпизод – монастырь получил в дар от России церковный колокол. Таким образом, Дужи стал первым религиозным сооружением, из которого звонил колокол, в районе Требине после падения под властью турок в 1466 году. Это во многом способствовало значимости и истории монастыря, о котором мы подробно писали в статье. Этот научный труд был обработан на основе исторических источников, литературы и периодической печати, с полным применением научной методологии, с целью пролить свет на еще один важный исторический эпизод этого святилища.

Ключевые слова: Монастырь Дужи, Герцеговинская митрополия, Герцеговина, колокол, турки-османы, восстание, помощь, Россия, освобождение.

*****

Епархия Захумско-Герцеговины и Приморской была основана в 1220 или 1221 году благодаря Савве Неманичу как одна из девяти вновь основанных епархий Сербской Церкви после приобретения автокефалии [1, С.4]. Исторически епархия Захумско-Герцеговинская чаще всего называлась митрополией. Ее название часто менялось, как и ее местонахождение или размер территории, о чем мы укажем в статье. Учитывая, что название епархия – митрополия упоминается в нескольких

случаях, в статье мы будем использовать его одинаково. Епархия была основана на территории, ранее управляемой его дядей Мирославом (1165–1196/99), во время правления которого было написано „Евангелие Мирослава“ – сербское культурное наследие, внесенное в список ЮНЕСКО «Память мира» (Фототипическое издание Мирославова Евангелия хранится в нескольких местах, среди прочего оно доступно широкой публике для просмотра и использования в библиотеке Фонда «Кнез Мирослав Гумский» в Требине). Местопребывание епархии располагалось на Стонском полуострове, в монастыре Стонской Богородицы [2, С. 85-86]. Вскоре его перенесли в церковь Св. Апостола Петра в Лиме [3, С. 171-175], так что первоначальное место, как монастырь, постепенно угасло и остается невосстановленным по сей день. За свою историю епархия/митрополия несколько раз меняла свое название и местонахождение. После падения под власть Османской империи резиденция Герцеговинской митрополии обосновалась в монастыре Тврдош. Митрополия вскоре разделился на две, т. н. Требиньскую и Милешевскую, которые исторически снова были объединены и чьи архиепископы иногда управляли обеими епархиями (известно, что святой Василий Тврдошки и Острошки управлял областями, в состав которых входил даже монастырь Морача, что указывает на то, что Герцеговинская митрополия была уникальной и довольно большой во время службы митрополита Василия Йовановича (1639–1671). Исторически эти две епархии были также известны как Загумская, Полугерцеговачка, Петровская и другие [4, С. 127-135]. Герцеговинская митрополия получила свое новое место в монастыре Дужи вскоре после разрушения Тврдоша в 1694 году. Впервые монастырь пострадал во время сильного землетрясения 1667 года. Во время Великой Венской войны (1683–1699) братия монастыря обратилась за помощью к австрийцам и венецианцам. Турки заняли монастырь в 1693 году, поскольку он имел стратегически важное положение на самой границе с Венецианской республикой. В 1694 году венецианцы заняли монастырь и разрушили его, чтобы турки не могли пользоваться монастырем [17, С. 26–27]. Монастырь был снова перестроен во время австро-венгерской оккупации благодаря Николе Руневацу из Требине Полицы, который построил новый «на руинах старого Тврдоша» [18, С. 69].

С приходом турок-османов на территорию Герцеговины жизнь христиан, особенно православных, осложнилась. Хотя вначале Османская империя представляла собой настоящий военно-военный механизм, со временем был построен целый административный аппарат, и все население было подвергнуто множеству законов и налогов. Таким образом, население подверглось жестоким пыткам и наказаниям, о которых помнят и сегодня. Согласно государственной религии Османской империи – исламу, в беду попало всё неисламское население. Они не только должны были платить налоги, как в денежной, так и в натуральной форме, но их религиозные обряды также были ограничены. Наиболее заметно это было в случае богослужений, сопровождавшихся звоном церковных, храмовых или монастырских колоколов. Сама эта практика была запрещена сразу после прихода османов на нашу территорию. Выяснится, что этот запрет длился почти четыреста лет.

А именно, зная, что Требинье попало под власть Османской империи в 1466 году [5, С. 17] и что согласно историческим данным,

которые мы напишем и проанализируем более подробно в остальной части статьи, первый колокол прозвенел только в 1861 году, при ясном расчете мы приходим к периоду в 396 лет молчания и отстраненной молитвы православного населения в районе Требине, т. е., как сообщал журналист сербской газеты от 1861 года, «почти 500 лет с тех пор, как эти замечательные сербские края лежать в темноте» [6]. Первый колокол на территории города Требине прозвенел в монастыре Дужи. Мы представим две газетные статьи об этом событии с нашими сопроводительными комментариями.

А именно, «Зетский лист», как официальная газета бановины Зета, Королевства Югославия, в своем номере 759 от 31 декабря 1938 года опубликовал на третьей странице следующий текст:

«Колокол монастыря Дужи

Монастырь Дужи расположен в Герцеговине, недалеко от Требине. Монастырь был основан монахами из монастыря Тврдоша, изгнанного турками в 1693 году. Из-за турецкого насилия монахи нашли убежище в Герцег-Нови, откуда некоторые вернулись и поселились возле церкви Св. Пантелеймона, рядом с разрушенным Тврдошем. Они перестроили церковь и посвятили ее Успению Богородицы. Так прославился монастырь Дужи, который некоторое время был резиденцией митрополии. В 1855 году была построена новая красивая церковь, сожженная турками во время восстания Луки Вукаловича. Нынешняя церковь довольно маленькая и неприглядная. 1861 г. в монастырь поступил колокол – подарок графини Татьяны Василичковой из Петрограда. По случаю этого звонка сербская газета No. 10 от 24 января 1861 года принесло вот такое интересное письмо:

Вчера долгожданный колокол в монастыре Дужи возвестил о наступлении Нового года, которого ждали четыреста с лишним лет! Его звук озаряет всю Шуму и Требине и вскоре принес неожиданную и чрезвычайную радость всем окрестным православным сербам. 1861 г. в истории этого монастыря остался знаменитым именно этим. Была радость, когда колокол несли. Дубровницкие факини привезли его из Дубровника 29 декабря в 9 часов утра, так что несмотря на весь вес (5 ½ центов) и некрасивую дорогу при въезде в Герцеговину, они прибыли в монастырь Дужи в тот же день в 8 часов утра. Окружающие сербы, когда услышали, что звонят в колокол, сразу же без чьего-либо зова вскочили и побежали к немецкой границе за колоколом; хотя факинам хорошо платили, чтобы привезти колокол в Дужи целый и здоровый, сербы опять же охотно заменили их и помогли. К тому времени, когда они добрались до монастыря, собралось более 400 сербов, которые шли мимо колокола, пели и стреляли из ружей. Всю ночь они не переставали играть, петь и стрелять. Может быть, кто-то скажет, что радость превзошла всякую меру. Но я бы ответил, что его даже не празднуют целиком, если подумать, что почти 500 лет, с тех пор как эти чудесные сербские края лежат во тьме и тишине, наконец, вместо плача и причитаний раздастся звон церковного колокола. Слава Богу, что мы столько пережили в этом нашем горе. Этот колокол, как и другие церковные предметы, был подарен монастырю Дужи графиней Татьяной Василичковой из Петрограда». [7, С. 3]

Из упомянутого текста мы впервые видим исторический обзор монастыря Дужи, в котором говорится, что монастырь был основан группой монахов, бежавших из разрушенного Тврдошского монастыря в 1693 году, сначала укрывшихся в монастыре Савина в Герцег-Нови, а

затем вернувшиеся в Требинье возле церкви Святого Пантелеймона (Церковь Святого Пантелеймона, о которой идет речь в этой статье, – старинная церковь в составе монастырского комплекса, рядом с нынешней церковью Плащаницы Пресвятой Богородицы. Речь, конечно, об этом здании, а не о стоящей рядом церкви Св. Пантелеймона в Алексина Меджа недалеко от Требине). После 1693 года митрополит Герцеговинский Саватий Любибратич бежал в монастырь Дужи. Таким образом, начиная с 1693 и начиная с 1694 года монастырь был резиденцией Герцеговинской митрополии. В качестве резиденции митрополии монастырь оставался в течение следующих шестидесяти лет, до митрополита Аксентия II Йовановича Паликучи (1751–1763). Он также был последним митрополитом, базирующимся в Дужи, поскольку перенес резиденцию из монастыря Дужи в Мостар, который в то время превратился в торговый, а затем и культурный центр. Именно в Мостаре первый епископ-фанариот Антим основал Мостарский церковный муниципалитет [8, С. 34-35].

Далее в статье говорится, что первые монахи из Тврдоша перестроили церковь Успения и таким образом образовали монастырь, очевидно, мужской. Сегодня церковь посвящена Плащанице Пресвятой Богородицы [9, С. 47], и в следующих строках мы поговорим о ее истории.

Церковь, упомянутая автором статьи в «Зетском гласнике», простояла в таком виде до 1855 года. В этом году монастырь был отреставрирован и построена новая церковь, а через два года – школа. Известно, что Владимир Чорович писал, что помимо Сараево в Боснии и Герцеговине существовали еще две школы, действовавшие до XIX века: в Мостаре и Требине [19, С. 128]. Кроме того, в монастыре Дужи располагалась начальная школа, которую, согласно одному источнику, основали Никифор Дучич и Серафим Перович в 1857 году. В этом училище в 1857 году, во время прохождения А. С. В Гюльфердинге через Герцеговину получили образование «восемь малышей» [20, С. 32]. Помимо начальной школы в Дужи, существовала еще начальная школа в самом Требине, которая была основана примерно в тот же период и могла начать работу примерно в 1863 году. С новой церковью монастырь стал духовным центром герцеговинских монахов, собрав почти в один и тот же момент некоторые из самых важных имен духовной и православной Герцеговины и региона Требинье того периода. А именно, Евстатий Дучич был настоятелем монастыря Дужи в период с 1849 по 1864 год. При его управлении, в 1855 году, была построена большая монастырская церковь Покрова Пресвятой Богородицы [10, С. 217]. Церковь была построена в период с 4 апреля 1855 года по 4 ноября того же года. Руководителем работ был мастер Джуро Шушич [11, С. 24]. Важно отметить, что Лазар Мамула, австрийский губернатор в Задаре, считал его инициатором действий во время восстаний Вукаловича, делая вывод, что «пока эти монахи находятся в стране и пока они управляют монастырями, будут постоянные волнения и восстания в Герцеговине» [12, С. 269]. Упомянутыми монахами, которые находились в монастыре Дужи в течение более короткого или длительного времени в указанный период, были: Серафим Перович, Мелентий Перович, Никифор Дучич и Леонтий Радулович.

Серафим Перович (Горица недалеко от Требине, 22 июня 1827 г. – Мостар, 17 февраля 1903 г.) был одним из самых важных священнослужителей Герцеговины. При рождении его назвали Саввой. Детство он провел в родном селе и монастыре Дужи, где настоятелем был

его дядя Парфений. Он стал монахом в Дужи в 1848 году и получил имя Серафим. В том же году он был рукоположен в иеромонахи рукою митрополита Герцеговинского Иосифа. В сане иеромонаха он оставался в монастыре Дужи до 1853 года. Затем уехал учиться в Белград, где в 1857 году окончил семинарию. Год спустя он переехал в монастырь Житомислич, где герцеговинский митрополит Григорий назначил его настоятелем монастырской семьи. Шестидесятые годы XIX века были для него особенно важными. Сначала он был назначен архимандритом в 1864 году рукою Герцеговинского митрополита Прокопия. В том же году, после поездки в Россию за помощью, он был награжден золотым наперсным крестом императора Александра II (1855–1881). Через два года, собрав помощь и выучив русский язык, архимандрит Серафим вернулся в Герцеговину. Он сразу же присоединился к тайной сети соратников Илии Гарашанина и тайным планам правительства Княжества Сербия в Боснии и Герцеговине. Эта группа, в которую входили Мичо Любибратич и архимандрит Никифор Дучич, работала над подготовкой крупного восстания против турок в Герцеговине. Эти действия были ненадолго остановлены в 1868 году убийством князя Михаила Обреновича, но они продолжались снова в последующие годы только для того, чтобы правительство Княжества Сербия фактически и официально отказалось поддерживать их работу в 1873 году. Уже тогда архимандрит Серафим Перович сильно пострадал из-за своей деятельности. В 1870 году османские власти арестовали его и заключили в тюрьму вместе с его братом Йовой и его соратником иеромонахом, а затем митрополитом Леонтием Радуловичем (1888 г.) в Фезане в Северной Африке. Дорога в Фезан проходила через Сараево, Стамбул и Триполи. В плену они провели целых пять лет, до 1876 года. Тогда архимандрит Серафим предоставился восставшим и двору в Цетинье. После окончания восстания в 1878 году он вернулся в монастырь Житомислич. В следующем году император Франц Иосиф (1848–1916) наградил его Рыцарским крестом. Он оставался в монастыре Житомислич до 1888 года. В том же году от туберкулеза умер Леонтий Радулович, первый сербский митрополит Герцеговины после упразднения Печского Патриархата в 1766 году. С назначением австро-венгерского императора архимандрит Серафим Перович стал митрополитом Заумским и Герцеговинским. Он оставался в этом кресле до своей смерти в 1903 году. Его помнят за то, что он начал и разжег острые споры и борьбу с политической и культурной элитой сербского народа в Мостаре и Герцеговине во время борьбы сербов Боснии и Герцеговины за свою церковную и школьную автономию [21, С. 441; 22, С. 197-198; 23, С. 188; 14, С. 61-63; 24, С. 91-109].

Мелентие Перович (Горица близ Требине, 16 ноября 1835 г. – монастырь Дужи, 7 июня 1887 г.) – был одним из самых выдающихся герцеговинцев в истории. Известно, что он родился 16 ноября 1835 года в деревне Горица недалеко от Требине. Его родители, мать Магдалина и отец Томо, были набожными православными христианами. При рождении его назвали Маттиа. Можно с уверенностью утверждать, что образование он получил в монастыре Дужи, как и его родственник Серафим Перович. В 13-летнем возрасте отец Томо привел его в это святилище и с тех пор его жизнь связана с Дужи. Серафим Перович был тогда одним из учителей монастырской школы, поэтому свое первое образование он получил именно там. Помимо него, членом монастырского братства был уже упомянутый дядя Мелентия Перовича,

Евстатия Дучич. После Дужи он продолжил образование в Белграде, поступив в семинарию в 1854 году. Он пробыл там всего два года, когда из-за болезни ему пришлось прекратить обучение и вернуться в родной город. Год, когда Мелентий стал монахом, неизвестен, но считается, что это 1856 год. Известно только, что Мелентий был рукоположен в иеромонахи в 1857 году герцеговинским епископом Григорием. В последующий период Мелентий был участником восстания герцога Луки Вукаловича, из-за которого он подвергся различному давлению и жестокому обращению. Мелентий стал настоятелем душким в 1864 году – в том же году, когда Серафим Перович стал архимандритом и уехал в Россию. Мелентие Перович оставался на этом посту двадцать три года, до 1887 года, когда он умер. Он был назначен в сан архимандрита в 1873 году и в этом звании присоединился к Герцеговинскому восстанию в 1875 году. Во время этого восстания он был аббатом и герцогом. Он командовал повстанческим батальоном Шум Требиньской, одним из 16 герцеговинских батальонов во время восстания. После восстания он предоставил себя австро-венгерским властям и вскоре удалился в монастырь Дужи. Из Дужи, монастырь который он полностью восстановил к 1886 году, он поставил себя во главе комитета по строительству Спасо-Преображенского собора в Требине. Хотя он начал эту акцию и восстановил Дужи, архимандрит Перович стал свидетелем того, как монастырь снова сгорел в результате несчастного случая в 1886 году. Год спустя он умер сам [25, С. 49–72].

Никифор Дучич (Луг близ Требине, 21 ноября 1832 г. – Белград, 5 марта 1900 г.) – выдающийся священнослужитель, писатель, восставший герцог, архимандрит и академик из Требине. Дучич в основном провел свое детство в монастыре Дужи со своим дядей Евстати. Там он изучил «букварь, псалтырь и часловац» и в 1849 году постригся в монахи. Через четыре года после принятия монашества он поступил в Белградскую духовную семинарию. В 1857 году он оказался государственным кадетом. Сразу после окончания семинарии он вернулся в Герцеговину, в монастырь Дужи. Там в том же 1857 году вместе с архимандритом Серафимом Перовичем он основал школу, в которой преподавал. Ту же профессию он получил несколько лет спустя в монастыре Житомислич. В 1861 году он вернулся в Дужи и присоединился к восстанию герцога Луки Вукаловича, став командиром отряда. Он также был секретарем герцога Вукаловича и с этой должности участвовал в переговорах 1861 года между повстанцами и турками. Вскоре после разногласий с Вукаловичем он переехал в Черногорию, в Цетинье. Там он много работал над строительством школ и улучшением образования. Его величайшей заслугой и самым значительным начинанием стало открытие в 1863 году Временной духовной семинарии в Цетинье. В этот период он получил сан архимандрита. Он побывал в Вене и Белграде с конфиденциальной миссией князя Николы, а в Белграде просто пробыл, поступив на службу Княжеству Сербскому. В Сербии он стал президентом школьного совета, а также серьезным секретным агентом перцового восстания в Герцеговине и Боснии. После этого он учился в Большой школе в Белграде и в Сорбонне в Париже, где посещал курсы истории, географии и философии. Во время сербско-турецких войн 1876–1878 гг. он был командующим армией Ибара и повстанческими ротами Джавора, выделяясь храбрым бойцом и хорошим военачальником. После войны он работал в Белграде библиотекарем Национальной библиотеки,

охранником Национального музея и вице-президентом Великого духовного суда. Кроме того, он какое-то время был членом Национального собрания, а в 1889 году управлял Жицкой епархией, отказавшись от епископской должности. Своим ценным и богатым резюме он обеспечил себе «путёвку» в Сербскую королевскую академию. С 1869 года он был членом Сербского учёного общества. Под его президентством в 1892 году она объединилась с Академией. С этого года Дучич является членом Сербской королевской академии, произнеся вступительную речь на тему «Святой Савва, Сербская церковь и Сербское королевство в XIII веке». Кроме того, он был членом-корреспондентом ЖАЗУ и почетным членом Императорской Российской Академии с 1899 года. За сорок лет работы он опубликовал более ста письменных, научных трудов в стране и за рубежом. Он также собрал коллекцию народных промыслов и дал описания некоторых монастырей, особенно в Герцеговине. Он умер в Белграде 5 марта 1900 года в возрасте 68 лет [26, С. 87–93; 27; 28, С. 9–22].

Леонтий Радулович (Тулье близ Требине, 1835 г. – Мостар, 12 (24) октября 1888 г.) был выдающимся священнослужителем и первым сербским митрополитом, возглавившим кафедру митрополитов Герцеговины после упразднения Печского Патриархата в 1766 году. Его назвали Лазарем в рождение. Образование он получил сначала в Мостаре в 1844–1849 годах, а затем в монастыре Дужи. Радулович провел свое образование в Мостаре у своего дяди архимандрита Йоаники Памучина. Завершив образование в монастыре Дужи, он поступил в семинарию в Белграде, но вскоре покинул ее из-за болезни. Он стал монахом в 1856 году и получил имя Леонтия. Он был рукоположен в монахи митрополитом Григорием в Фоче 12 марта 1856 года. В том же году он был рукоположен в иеродиакона, а затем во иеромонаха Дужского монастыря. Как и его предшественники, он был участником восстания герцога Луки Вукаловича и сам подвергся из-за этого преследованиям. Он был помощником уполномоченного сербского правительства по подготовке повстанческих дел в Герцеговине Серафима Перовича. Таким образом, он подвергся политическому преследованию, когда османские власти арестовали его в 1870 году и заключили в тюрьму вместе с Серафимом Перовичем в Феццане на севере Африки. Дорога в Фезан проходила через Сараево, Стамбул и Триполи. В плену они провели целых пять лет, до 1876 года. После возвращения Радулович укрылся в Черногории, а затем в 1879 году отправился в Мостар. Он также был арестован и интернирован в Мостаре новыми австро-венгерскими оккупационными властями. Это только подняло его репутацию среди народа. Как человек с большой репутацией и тяжелым прошлым, он был назначен митрополитом Герцеговины 19 марта 1888 года. Таким образом, он стал первым сербом на этом знаменитом кресле после упразднения Печского Патриархата в 1766 году. Он пробыл там всего полторы недели. года, скончавшись 12 (24) октября 1888 года. останки были захоронены в кафедральном соборе Святой Троицы в Мостаре и мирно почивали там до 1992 года. В этом году, в начале войны в Боснии и Герцеговине (1992 – 1995 гг.),), церковь была заминирована, а его могила повреждена. В 2009 году его могила с нетленными мощами была найдена среди руин храма, который на протяжении 17 лет подвергался воздействию непогоды и невзгод. Его мощи были помещены в старую церковь в Мостаре, а затем возвращены в Сабронский храм Святой Троицы во время его ремонта [29, С. 51–72; 30, С. 7–20].

В целом упомянутый период после восстановления церкви Покрова Пресвятой Богородицы был весьма неспокойным для жителей Требинье и Герцеговины. Это был период восстания герцога Луки Вукаловича, который на протяжении десятилетия (1852–1862) с небольшими перерывами вел войну с османами. Сам монастырь одно время был штабом повстанческих формирований и как таковой несколько раз пострадал в указанный период [13,14]. Мало того, что у населения были проблемы с реакцией XVIII века, а верующие подвергались гонениям, но у всех верующих была еще одна проблема – епископы-фанариоты. Фанариоты не только не поддержали восстание, но, как говорит Васо Пелагич, «они писали публичные циркуляры и рассылали их людям повсюду в мирных районах, а сами читали в залах судов, хорах и церквях: что каждый должен делать свое дело мирно, в царском здравии и что он нигде не помогает и не присоединяется к кругу усташей, которые, по мнению святых отцов, отпали от Бога и народа...» [15, С. 472].

Независимо от обстоятельств, с такой историей и значимыми личностями, монастырь Дужи, несомненно, представлял собой одно из важнейших духовных и восстающих мест Герцеговины. Упомянутый колокол и его очень интересная история способствовали этому значению. Согласно статье, его подарила монастырю русская графиня Татьяна Василичкова из Петрограда. Монастырь также незадолго до этого получил в дар от российской императрицы Марии Александровны 1500 рублей. Эти средства были направлены в монастырь по инициативе Александра С. Гилфердинг [11, С. 24–25]. Соответственно, что он проезжал через эти края в 1857 году, деньги должны были поступить в монастырь в период с 1857 по 1861 год, когда прибыл колокол, как очередной подарок из России. Подробно описывая путь из Дубровника, куда на корабле прибыл колокол, к монастырю Дужи, автор ярко отразил энтузиазм народа по поводу этого поступка. Это был очень важный момент для сербского народа Герцеговины, который после 396 лет молчания ждал звонка из их религиозного здания и призывающего людей к молитве и поклонению [6].

Вес 5,5 центов, составлявший в расчете 275 кг (Стоимость одной метрики составляла 50 кг. По четким расчетам, 5,5 метрических центов равны 275 кг), не помешал трудолюбивым Факинам (Факин – грузоперевозчик) и герцеговинцам за одиннадцать часов вынести ее и доставить из Дубровника в саму монастырскую церковь. С 1861 года этот колокол призывал верующих жителей Требинского края на богослужение, а также информировал их о волнениях и угрозах в период восстания. Как писал архимандрит Никифор Дучич, ссылаясь на существовавший в монастыре маленький колокол, который «долгое время находился в тюрьме», его «не было слышно за монастырской оградой, а другой (имеется в виду новый большой колокол из России) очень четко до города Требине! Это нанесло поражение туркам Требине». [16, С. 46]

Потребовалось почти четыреста лет, чтобы один монастырский колокол зазвенел в районе Требине, но этот колокол, в том числе и монастырь Дужи, сохранил искру духовности, самобытности и борьбы сербского народа за освобождение этих регионов. Хотя турки Требинье грозились снести и сжечь монастырь, поскольку колокол «побеспокоил их муэдзина», тем не менее, с разрешения Порты, он прозвенел без помех [16, С. 46–47]. Монастырь Дужи, как духовная резиденция Требинского края в указанный период, был наиболее значимым учреждением для сохранения сербского народа, а также местом почти всех повстанческих

действий во время восстания в Герцеговине (1875–1878 гг.) в Требинский район. Не только до этого восстания князь Вукалович держал здесь свою штаб-квартиру, но и во время следующего восстания монастырь был штаб-квартирой отрядов князя Мича Любибратича[12], а также князя и архимандрита Мелентия Перовича. Именно Перович, как подчеркивалось в работе, был одним из наиболее достойных людей по восстановлению монастыря и подчеркиванию значения монастыря в указанный период. Князь Мичо Любибратич разместил в монастыре штаб повстанцев в начале восстания 1875 года. Из монастыря Дужи он командовал операциями во время битвы при Требине в 1875 году. Хотя битва имела отличные перспективы на успех, она была подавлена из-за разногласий. среди сербского командования, что привело к разрушению монастыря [10, С. 141–143; 14, С. 82–85]. Позже монастырь был восстановлен благодаря князю и архимандриту Меленти Перовичу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поповић П. Ј. Шематизам српско-православне митрополије и архидијецезе Херцеговачко-захумске за годину 1890. Сарајево: Штампарија Спиндлера и Лешнера, 1890.
2. Кораћ В. Седишта двеју западних Савиних епископија: Стон и Превлака. Свети Сава у српској историји и традицији, ур. Сима Ћирковић. Београд: САНУ, 1998.
3. Јанковић М. Епископије и митрополије Српске цркве у средњем веку. Београд: Историјски институт САНУ, 1985.
4. Слијепчевић Ђ. Хумско-херцеговачка епархија и епископи (митрополити) од 1219. до краја XIX века. у: Епископија Захумско-херцеговачка, приредио Стево Ћосовић. Београд: Свет књиге, 2006.
5. Korać V. J. Trebinje – istorijski pregled. Period od dolaska Turaka do 1878. god, knjiga 2 – dio 1. Trebinje: Zavičajni muzej Trebinje, 1971.
6. Српске новине, Београд 1861.
7. Зетски гласник, Цетиње 1938
8. Ђоровић В. Мостар и његова српска православна општина. Београд: СПО Мостар, 1933.
9. Шематизам Епархије Захумско-херцеговачке и приморске, ур. Радивоје Круљ. Мостар–Требиње: Епархија ЗХиП – Видослов, 2021.
10. Дучић Н. Историја Српске православне цркве од првијех десетина VII в. до наших дана и други књижевни радови. Гацко: ДОБ, 2002.
11. Поповић В. Ј. Историјски преглед манастира Тврдоша и Дужи. Требиње: Штампарија Пахер и Кисић, 1928.
12. Ивановић М, Бачановић В, Радосављевић Н, Мастиловић Д, Гулић М, Круљ Р. Историја Епархије захумско-херцеговачке и приморске. Требиње–Мостар: Епархија ЗХиП – Видослов, 2022.
13. Берић Д. Устанак у Херцеговини 1852–1862, друго издање. Билећа–Гацко: СПКД „Просвјета“ Гацко – Билећа, 2007, passim.
14. Радан Л. Устанак у Источној Херцеговини (1875–1878). Требиње: Задужбина „Кнез Мирослав Хумски“, 2023, passim.
15. Слијепчевић, Ђ. Историја српске православне цркве, књига 2. Београд: БИГЗ, 2002.
16. Дучић Н. Манастир Дужи у Херцеговини. Манастир Дужи у Херцеговини, ур. епископ Атанасије Јефтић. Требиње: Видослов, 2000.

17. Манастир Тврдош поводом 2000 година Хришћанства, приредио: Ђорђе Јанковић. Требиње: Манастир Тврдош, 2003.

18. Прота Давидовић С. Српска православна црква у Босни и Херцеговини од 960. до 1930. Год. Сарајево, СПЦО Сарајево – „Дабар“, 1991.

19. Ђоровић В. Босна и Херцеговина. Београд: СКЗ, 1925.

20. Гиљфердинг А. С. Путовање по Херцеговини, Босни и Старој Србији. Сарајево: ИП „Веселин Маслеша“, 1972.

21. Вуковић С. Српски јерарси од деветог до двадесетог века. Београд-Подгорица-Крагујевац: Евро-Унирекс-Каленић, 1996.

22. Bataković D. T. The foreign policy of Serbia (1844–1867). Ilija Garašanin's Načertanije. Beograd: Institute for Balkan Studies – Serbian Academy of Sciences and Arts, 2014.

23. Милошевић Б. Митрополит Захумско-херцеговачки Серафим Перовић“, у: Зборник радова са научног скупа историчара на тему Знаменити Херцеговци кроз историју, ур. проф. Радомир Вучковић, (Гацко: СПКД „Просвјета“, 2023).

24. Радан Л. Архимандрит Мелентије Перовић – између душког калуђера и устаничког војводе. Зборник радова са научног скупа историчара на тему: Знаменити Херцеговци кроз историју, ур. проф. Радомир Вучковић. Гацко: СПКД „Просвјета“, 2023.

25. Радан Л. Читуља Митроносном архимандриту Нићифору Дучићу у Босанској Вили“. Видослов бр. 89, година 30, 2023.

26. Радојчић Ј. С. Срби западно од Дунава и Дрине, том 1, А–З. Нови Сад: Прометеј, 2009, 1085.

27. Монах Игњатије Тврдошки. Животопис Архимандрита Нићифора Дучића“, у: Манастир Дужи у Херцеговини, ур. епископ Атанасије Јефтић. Требиње: Видослов, 2000.

28. Радан Л. Митрополит Леонтије Радуловић (1835–1888) – први Србин херцеговачки митрополит од укидања Пећке Патријаршије 1766. Српски историјски часопис бр. VI, 2023.

29. Гојачић М. Митрополит Леонтије Радуловић. Поводом 135 година од устоличења и упокојења митрополита Леонтија Радуловића, Мостар: Видослов, 2023.

30. Радан Л. Војвода Мићо Љубибратић у Херцеговачком устанку 1875 – државотворна идеја једног Требињца. Зборник радова са научног скупа историчара на тему: Српско национално питање у Босни и Херцеговини: историјски процеси, личности и идеје. Гацко: СПКД „Просвјета“, 2022.

RUSSIAN AID TO THE DUŽI MONASTERY

Kojovich Sara, Radan Lazar

The Duži Monastery is one of the most significant monasteries of the Zahumlje-Herzegovina Eparchy throughout history. The monastery acquired an important historical role after the Venetian blasting and demolition of the Tvrdoš Monastery in 1694. From that year until 1763, Duži was the seat of the Metropolitanate of Herzegovina. In the following period, the history of the Duži Monastery was marked by the era of rebellion and wars, the uprising of duke Luka Vukalović and later the uprising in Herzegovina (1875–1878). In that period, an important episode happened for the Monastery – the Monastery received a church bell as a gift from Russia. Thus, Duži became the first religious building from which a bell rang in the Trebinje area, since 1466. This greatly contributed to the importance and history of the Monastery, which we wrote about in detail in the paper. This scientific work/paper was processed based on historical sources, literature and newspapers, with the full application of scientific methodology, with the aim of illuminating another important historical episode of this sanctuary.

Keywords: Duži Monastery, Metropolitanate of Herzegovina, Herzegovina, bell, Ottoman Turks, uprising, aid, Russia, liberation.

УДК 78.01

МИРОМОДЕЛИРУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ МУЗЫКИ, ВЫРАЖАЮЩИЙ ИЗНАЧАЛЬНУЮ ГАРМОНИЮ: ЗВУК – КУЛЬТУРА – КОСМОС

Сулеева Гульжан Созакпаевна
Кандидат филологических наук, профессор,
Казахская национальная консерватория им.Курмангазы
E-mail: *esimail5577@gmail.com*

Есетова Айнур Такеевна
Кандидат педагогических наук, доцент,
Казахская национальная консерватория им.Курмангазы

Джансеитова Светлана Саттаровна
Доктор филологических наук, профессор,
Казахская национальная консерватория им.Курмангазы

Алтайбаева Шолпан Юсипбаевна
Кандидат филологических наук, доцент,
Казахская национальная консерватория им.Курмангазы

В данной статье мы рассматриваем аксиологическое понимание Вселенной и Музыки, задавшее координаты исследования в многопрофильном, общегуманитарном аспекте, выводя в мир мифологии, религии, музыкознания, философии, акустики, духовных постулат; постижение ценности музыки как особой субстанции, взаимодействия человека с миром музыки, Космосом, Вселенной; место музыки в современной картине мира. Человек чувствует любые звуковые вибрации, так как каждая клетка его организма резонирует с ними такими же частотами. Это дало основание рассматривать музыку не только как музыкальное сообщение в культуре, но как важнейший миромоделирующий элемент, который сам способен определять картину мира. В задачи нашего исследования входят такие вопросы, как: воспроизведение мира; художественная «логика»; какой «сеткой координат» человек улавливает мир; какой космос, он передает в музыкальном, изобразительном, поэтическом творчестве; иерархическая соподчиненность человека с Космосом; музыкальная ценность, коррелирующая не только с музыкальными, но и с ритуальными, этическими, вербальными, поведенческими особенностями, выражающими изначальную гармонию особой системы: Звук – Культура – Космос.

Ключевые слова: музыка, картина мира, художественная ценность, мировоззренческие установки, космос, слуховые ассоциации, вибрации, универсальный язык музыки, эстетические потребности.

*****

Звук имеет тысячи нюансов, также как цветовой спектр, соответственно и цвет имеет звучание. Вселенные и Галактики, вращающиеся одна внутри другой, как Атомическое целое, сияющие определенным цветом, звуча каждый по своему, приходят в существование, благодаря вибрационным колебаниям звука и цветовых отражений. Из звуковой основы интонирующего сознания рождается сознание музыкальное. Основные звуковые частоты, нашедшие выражение в гаммах, составляющих музыку, отражают звуковые тональности частоты Атомического целого. Древние мудрецы утверждали, что музыка играет важную роль в понимании окружающего пространства и космоса. В зависимости от силы звука мы можем слышать, либо не слышать его, но мы чувствуем звуковые вибрации. Музыка, задавая Космосу гармонию, как феномен совершенного, определяет полноту бытия, отражает связь Космоса, Социума, Личности, она есть упорядоченная коммуникативная система.

Методы исследования ориентированы на системный подход, допускающий соединение нескольких методологических оснований, главными из которых является аксиологический, трансцендентный, концепции современного естествознания.

Духовно-культурная энергетика цивилизации была сосредоточена в Музыке. Существует много различной музыки, и человек выбрает свою музыку, оказывающую влияние на настроение, психику, поведение, отношение к себе, окружающему миру, дающую энергетику, силу противостоять трудностям, согласно своим вибрациям и вкусу. «Музыка – путь, по которому нисходит Высшая Реальность Бытия» [1]. Возникновение музыки как сферы сознания основывается на «звучащей символизации эмоций и переживаний, движения мысли» [2], поведенческих действиях. Под музыкой мы понимаем не только слуховые ассоциации, но и «неслышимые природные вибрации, как божественную музыку сфер и художественную ценность, дающие возможность «удовлетворять эстетические потребности этноса» [3].

Музыка в культуре функционирует не только в сфере художественной деятельности, но и во всей жизнедеятельности человека: космогонической, материальной и духовно-практической. Разные мировоззренческие установки, имеют культуротворческие основания: приоритет Космоса, Бога, Природы, Человека и Социума. В зависимости от этих приоритетов можно выделить различные типы картины мира. В основе космоцентрической картины мира, лежит понимание, осознание и восприятие Космоса, Мироздания как целостности, упорядоченности и организованности в соответствии с законами Вселенной. Являясь художественно-эстетической формой, музыка позволяет охватить Мир как целостность. Роль музыки в постижение мира человеком, огромна. Модель мира выражает тождественность и взаимосвязанность макрокосма и микрокосма, отсюда – предельная космологизированность сущего, сопричастность всего – Космосу.

С семью нотами “до”, “ре”, “ми”, “фа”, “соль”, “ля”, “си” связаны звуковые тональности Вселенского Целого, циклические этапы жизни человека, её возрастные особенности: рождение и смерть как новый цикл перевоплощения, становление, резонирующие с основными этапами создания, рождение музыкальной структуры, как идеальной модели целого: вынашивание замысла, формирование образно-художественной формы, перевод её на нотный материал, кристаллизация, завершение,

как итог – концертное воплощение. Частота До – первая ступень – этап рождения человека, знакомство с реальным миром; в музыке – подключение музыкального сознания, чувственное восприятие картины мира, влияющие на акт интонирования смысловых, образно-эмоциональных форм, т.е. вынашивание замысла, рождение музыкальной структуры. РЕ – вторая ступень, отличающаяся частотой мысли, космическим не завуалированным ведением; в музыке – частота мысли, космическое ведение внутренних потребностей в интонировании познаваемого мира, незавуалированность сознания. МИ – третья ступень – восприятие мира в соответствии со способностями; в музыке – способность к формированию музыкального сознания как довербального этапа интонационного смысла, выстраивание содержания звучащей формы. ФА – четвертая ступень, готовность сознания поглощать Божественные вибрации, адаптироваться к религиозным измерениям, соответствующая вибрационной частоте характерной для Рая. В музыке улавливание Божественных вибраций, необходимость перехода к вербальному осознанию образа, точной передаче структуры звуковой ткани с помощью знаковой символической системы, способной передать музыкальную мысль, композиционную структуру. СОЛЬ – пятая ступень – нахождение своего Бога, осознание роли Вселенского Абсолюта в возникновении Галактических миров, Гюрзов, познание себя как частицы Бога; в музыке – процесс Вознесения, усиление вибраций, контакт с душой, направленный на очищение, наполнение светом, любовью. ЛЯ – шестая ступень – формирование Вселенского сознания, отказ от религиозного сознания, повышение частоты звуковых вибраций, резонирующих с колебаниями спиральных вибраций Первой Вселенной, как заключительный этап, подготовка к входу Второй Вселенной. СИ – седьмая ступень есть Звуковые вибрации Второй Вселенной, символизирующие врата Карены – врата отражения на Первую Вселенную. Для неё характерны целостность восприятия мира, ценностный статус человека, социальная роль, стиль поведения, общения, выбор жизненных позиций. Седьмая ступень завершает жизненный цикл, переход в новый вибрационный мир, отрешенность от мирских страстей, житейской суеты; в музыке – седьмая ступень, завершение работы над музыкальным произведением, суждено ли ему жить в веках, стать гениальным творением, повышающим космос духовного мира, или его ждет забвение. Восьмая ступень как основные вибрации звуковой тональности Атомического Целого символизирует возвращение и начало Нового, нового жизненного цикла в мире безмолвных вибраций, тишины, покоя, в царстве высоких вибраций духовности, дающих возможность пройти через Врата Карены.

Космос человеческой души уподобляется Космосу Вселенной, а музыка является «порталом» в космическое пространство звездных миров, куда устремляются наши души, связывая нас с другими измерениями, отражая иные миры, иное пространство. Звучат, поют звезды, планеты, Галактики, кометы, акустические эффекты, которых представляет уникальное явление, вдохновляющее на создание фантастических композиций. Посредством музыкальных структур мы ощущаем Космос, бесконечную Вселенную. Загадочная Вселенная, Космос находили отражение в структурах песен, разных композиций, в художественной, научной и фантастической литературе, в живописи, архитектуре. Под впечатлением природных красот, звездного неба, фантастически

меняющихся облаков, завораживающих бликов моря, стали появляться картины, изображавшие межгалактические полеты; в музыке образы изображались бесконечности загадочных черных дыр, звезд – во всем этом чувствовались вселенские масштабы.

Человек и Вселенная – это одно целое. На сегодня, сознание человека выходит за рамки ограничений трёхмерного мира вместе с нашей планетой, мы начинаем чувствовать другую реальность, другие вибрации, с каждым днем мир вокруг нас меняется, это происходит на тонком уровне, меняется наш ДНК, идет мощнейшая перестройка организма, растут духовные вибрации, раскрываются каналы – мы эволюционируем. Человек – своеобразный микрокосмос – голография макрокосмоса, элементы человеческого организма идентичны элементам, образующим Вселенную: вода, дыхание, огонь, земля. Мир божественный определял суть Человека, человек был создан по образу и подобию божьему. Вера в абсолютность Бога формирует Мир реальности, не только созданный по воле божьей, но и постоянно находившийся под воздействием Бога. Мир, его смысл, его картина могут открываться только тем, кто живет с Богом. Космос, Природа, Человек, Социум – не представляют собой автономную Вселенную, они являют форму единства, Миропорядка, который был создан Всемогущим Абсолютом.

Во всех религиях музыка играла колоссальную роль: католической, православной, мусульманской, буддийской. Психо-эмоциональное значение музыки в плане воздействия на сознание верующих целенаправленно использовалось ими. Не случайно в этой сфере работали лучшие композиторы – музыканты своего времени, их сочинения до сих пор поражают силой, красотой, мощью воздействия на слушателей. Пройдет еще несколько столетий, но произведения Баха, Палестрины, Генделя, Моцарта, Коркута, Курмангазы будут жить века, даря нам минуты божественного наслаждения. Сохраняя некоторое подобие звуков реальной жизни, музыкальное звучание отличается строгой высотной и временной (ритмической) организованностью сложившейся системы, основу которых составляют тон. В музыкальном произведении тоны образуют систему вертикальных соединений (созвучий) и горизонтальных последований – форму. Человек способен чувствовать и понимать музыку безошибочно. В музыке открываются тайны движения, её сущность, управляющая миром, Галактиками, Вселенной; в поэзии Вселенная была выражена описанием явлений действительности; в живописи – изображением красочной её стороны. Обладая универсальным языком музыка, есть мысль, неслышимая и неосязаемая, которая становясь звуком обретает возможность быть воспринятой, где никакие слова не могут описать движение музыкальной мысли. Мы все находимся в звуке, мы все звучим, наше высшее Я слышит свой неповторимый звук, неповторимую тональность. Для того, чтобы жить в гармонии с собой, нужно не просто слышать, нужно чувствовать, видеть, любить окружающий мир, находить в нем яркие краски, эмоции, настраиваться на нужную волну, для обретения соответствующего мироощущения. Являясь многослойным способом проявления межвидовой ассоциативности форм художественного мышления, музыка воссоздает неповторимую гармоничную связь музыкального, поэтического, художественного наследия, вовлекая нас в свой таинственный мир.

Особое место занимали музыкальные инструменты, посредством которых устанавливалась связь между их звучанием, вибрациями различных органов тела, колебаниями космоса. Под влиянием музыки и пения переставали кровоточить раны, Ахилл успокаивал свой гнев и ярость пением и игрой на лире. Архаичные египетские, древнегреческие и тюркский инструмент кобыз были настроены на 432 ГЦ. Не случайно Орфей, который являлся богом музыки, играл на инструменте с этой частотой – древние знали о единстве Мироздания. О сакральной силе музыки повествуют нам легенды о Коркуте, прожившем 370 лет. Звуки его волшебного кобыза завораживали всех – зверей, птиц и даже смерть. «Даже Сырдарья на время задерживала свое течение, умолкали птицы» – гласит сказание. Создатель древних кюев Коркут жил на рубеже VIII – IX вв., его имя встречается в летописях раннего средневековья у многих тюркских народностей. Коркут сочинял музыку, основанную на определенных мелодиях и ритмах, которые восстанавливали гармонию души. Различные интерпретации мифа о Коркуте воссоздают различные пути сотворения Космической Гармонии; объединяет их одно: небытие у древнетюркского народа гармонизируется и превращается в Космос только Музыкой. Кобыз, созданный Коркутом, призван поддержать разграничение миров, утверждать гармонию Космоса. Выполняя эстетическую функцию, он обладал всеми антропоморфными чертами, становясь соучастником шаманского действа. В камлании кобыз и бубен занимают главенствующее место – баксы (шаман) поднимая и опуская бубен, совершая круговые движения, структурировал Космос. Антропологическая конструкция строения кобыза подтверждает его связь с космической гармонией: «бас» (головка), два «құлақа» (уши), регулирующие две струны, воспроизводят Верхний мир. Корпус, выдолбленная часть инструментов, как «две половинки мозга, представляют Средний мир. Нижний мир – низ инструментов, есть не что иное, как воды – Хаос. Соприкосновение смычка и двух струн – есть объединение двух видов энергии – солнечной и лунной, мужской и женской» [4]. Фантастический густой тембр кобыза гипнотизировал и завораживал слушателей, вовлекая в совместную медитацию, возвышал душу и умиротворял сердце, открывал портал сакральной связи с высшими мирами, проявляя истинный, божественный лик музыки.

Шаманская музыка дар высших сил, воздействие музыки – магия. Музыка, выполняла роль «транспортного средства» в путешествии в иные миры. Шаману была предопределена высокая судьба – связывать сознание человека с его подсознанием, влиять на дух и тело, на ход событий в этих мирах, соединять явленный и неявленный миры Универсума. Шаманская музыка по своей сложности сопоставима с партитурами вагнеровских опер, её звуковая технология, могла вызывать не только общее состояние транса, но и воздействовать на сознание, постулируя специфическую связь между тонами определенной частоты и отдельными чакрами. В эпоху неолита баксы было ведомо, что негативные эмоции нарушают ритмичность организма, и что с помощью соответствующей музыки можно восстановить здоровый ритм, исцелить больной орган. Баксы знал, что организм человека – это система вибрирующая, а шаманская музыка – это тоже вибрация, только упорядоченная, определенным образом синхронизированная.

Известно, что медитативная музыка синхронизирует работу обоих полушарий мозга, звуки индийской свирели, тибетских чаш, звон

церковных колоколов, пение мудзинов поднимают вибрацию, раскрывают чакры, подпитывают энергией душу и тело. Энергетика тела, соединяющая нас со Вселенной, связана с чакрами. По частоте своего излучения чакры соответствуют семи цветам радуги и семи нотам. Энергия движется от восьмой чакры к первой и от первой к восьмой, двигается точно таким же путем, как в музыкальной гамме. Открывая новые сферы, чакры подпитывают божественной энергией сознание, тело, душу. Каждый орган имеет свой частотный резонансный спектр колебаний, «работающий» в резонансе с музыкой».

Могущество и сила государства напрямую «зависят от того, какая музыка в нем звучит, нет худшего разрушения нравов, чем отход от скромной и стыдливой музыки» – писал Платон. Возможности музыки многогранны, она формирует нравственные качества, стимулирует творческие способности, содействует успешной социализации, нейтрализует агрессивные импульсы, эмоциональные состояния неудовлетворённости, депрессии, подавленности, гармонизируя состояние человека, влияет на интеллектуальную, нравственную сферу восприятия, усиливает мозговую активность, активизируют участки коры головного мозга, развивает пространственное мышление, воздействует на духовную и эмоциональную сторону, позволяя сформировать вкусы, взгляды, характер. Таким образом, являясь интернациональным языком, музыка «способна объединить людей разных национальностей, культур, возрастов, профессий, помогая раскрепоститься, музыка способствует преодолению разного рода коммуникационных барьеров, помогает справляться с болью» [5], повышает космические вибрации, помогает жить в гармонии с самим собой, улавливать, впитывать энергию Земли и Космоса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аязбекова С. Ш. Картина мира этноса: Коркут-ата и философия музыки казахов: Монография. – Изд. 2-ое. – Астана, 2011. – 284 с.
2. Каракузова Ж. К., Хасанов М. Ш. Космос казахской культуры. – Алматы: Евразия, 1993. – 79 с.
3. Коломиец Г. Г. Концепция ценности музыки как субстанции и способа ценностного взаимодействия человека с миром: дисс. ... док. филос. наук: 09.00.04 Москва, 2006. – 454 с.
4. Турсынов Е. Д. Возникновение баксы, акынов, сери и жырау. Астана, ИКФ: Фолиант, 1999. – 267 с.
5. Хоппал М. Шаманы – культуры – знаки. – Тарту, Научное издательство ЭЛМ, 2015. – 241 с.

THE WORLD-MODELING ELEMENT OF MUSIC, EXPRESSING THE ORIGINAL HARMONY: SOUND – CULTURE – SPACE

Suleeva G.S., Yesetova A.T., Dzhanseitova S.S., Altaybaeva S.Yu.

In this article we consider the axiological understanding of the universe and music, which set the coordinates of research in a multidisciplinary, general humanitarian aspect, bringing into the world of mythology, religion, musicology, philosophy, acoustics, spiritual postulates; comprehension of the value of music as a special substance, human interaction with the world of

music, cosmos, universe; the place of music in the modern picture the world. A person feels any sound vibrations, as every cell of his body resonates with them with the same frequencies. This gave reason to consider music not only as a musical message in culture, but as the most important world-modeling element, which itself is able to determine the picture of the world. The tasks of our research include such questions as: reproduction of the world; artistic "logic"; what kind of "grid of coordinates" a person captures the world; what kind of cosmos he conveys in musical, visual, poetic creativity; hierarchical subordination of a person to the cosmos; a musical value that correlates not only with musical, but also with ritual, ethical, verbal, and behavioral features that express the original harmony of a special system: sound – culture – space.

Keywords: music, worldview, artistic value, worldview, cosmos, auditory associations, vibrations, universal language of music, aesthetic needs.

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В ЭПОХУ НОВЫХ МЕДИА

Чэнь Цзясюй
Бакалавриат, Хэйхэский университет
E-mail: *kqsrus@mail.ru*

Современные реалии таковы, что потребитель новостей постоянно желает получать их быстро, по требованию, в любое время и, как правило, в режиме реального времени. Кроме того, существует большое количество альтернативных источников помимо газет, журналов и телевидения, что заставляет журналистов переходить в социальные сети, мессенджеры, а также вести блоги и привлекать в широком сегменте дизайн, в указанном контексте, медиа дизайн. Издания борются за аудиторию, привлекают ее разнообразными способами, подключая рекламу, анимацию, интересные новости, делая это качественно и достоверно, что является неотъемлемой частью в аспекте доверия к изданию.

В данной статье рассматриваются особенности российской журналистики в современных медиа реалиях, указаны положительные стороны воздействия данной сферы на потребителя.

Ключевые слова: журналистика, медиа – сфера, коммуникация, массовая культура, дизайн, развитие, аудитория.

*****

Современное общество характеризуется информатизацией и цифровизацией, соответственно, все сферы деятельности подвержены указанным направлениям и трендам. Журналистика не является в данном контексте исключением и переходит постепенно в новое русло, которое обусловлено появлением новых медиа. Они также называются новые СМИ. Термин введен в конце 20 века для интерактивных электронных изданий и новых форм общения производителей контента с аудиторией – потребителем информации [1]. Технологии не стоят на месте, соответственно, появляются современные, интересные средства передачи контента, а именно, цифровые, которые позволяют охватить более массивную аудиторию, сделать это эффективно, получить обратную связь и разнообразие.

Новые медиа представлены интернет – СМИ, интернет – телевидением, интернет – радио, мобильным телевидением, блогами, социальными сетями, виртуальными сообществами, интернет – кино. К основным характеристикам новых медиа относятся интерактивность, гипертекстуальность, цифровой характер и принадлежность к медиа – пространству [2].

Медиа – контент распространяется при помощи самого потребителя, т.е. он же и формирует информацию, которая ему интересна – это одна из базовых характеристик медиа – коммуникации.

Следует отметить, что медиа и СМИ отличаются. Медиа – это все средства массовой коммуникации, включая информацию, отдых, развлечение, рекламу и прочий контент. Журналистика же занимается только передачей информации, несет новостную функцию, которая является первостепенной. Современные реалии вносят свои коррективы, расширяя новостной контент, но все же в приоритете у СМИ – информирование людей о политических, экономических и прочих событиях, не обязательно о горячих новостях, материал охватывает все происходящее в стране и мире и презентуется по определенным канонам, правилам и законам.

Выделим базовые отличия медиа коммуникаций от журналистики.

Журналистика представляет собой социальный институт, а медиа коммуникация более является профессией, современной, востребованной и креативной. Журналистика предусматривает авторство, медиа коммуникация при этом анонимна. Для журналистики характерны стандартные шаблоны и правила в отличие от медиа коммуникации, нацеленной на творчество, креативность. Журналистика освещает все темы: это и политика, и экономика, и спорт, и туризм, и многие другие аспекты современной действительности. Специалисты с сфере медиа коммуникаций рассматривают лишь наболевшие, злободневные вопросы, протестную тематику [3]. Это делается для привлечения как можно большего количества аудитории, для получения обратной реакции, для одобрения и распространения информации среди своих друзей и знакомых. Отметим, что все же журналисты ориентированы в идеологическом плане, при этом специалисты в сфере медиа коммуникации не имеют такой характеристики. Журналисты освещают события в позитивном ключе, размеренно, понятно, обстоятельно. Медиа коммуникации освещают, в основном, негативные события, которые более четко запечатлеваются в человеческом восприятии [4].

Современная журналистика должна соответствовать реалиям. Основная ее функция – передача новостей аудитории, публике. Новостной контент должен быть проверен на достоверность, журналистам следует использовать только проверенные источники информации.

Новостные издания в современных реалиях могут иметь также электронные версии, как правило, это касается журналов и газет, которые в современном мире практически не используются. Интернет – издания более востребованы, охватывают большее количество аудитории, привлекают молодежь, являются быстро меняющимися и доступными в любое время, характеризуются, как правило, интерактивностью, т.е. потребитель может оставить отзыв о статье, дать свои рекомендации по той или иной проблематике, что также делает коммуникацию с потребителем новостного контента более эффективной.

Отметим также, что некоторые журналисты могут вести свои блоги, рассказывая и комментируя то или иное событие, ситуацию, давая советы населению, как правильнее и целесообразнее поступить. Новости могут интерпретироваться, приводятся сопоставления и примеры, в соответствии с которыми событие становится более понятным, его понимают широкие массы, а не узкий круг избранных .

Также отметим, что в социальных сетях журналистские издания могут иметь свой канал, по которому оповещают население о происходящем в стране и мире, о местных, региональных достижениях, о спортивных мероприятиях, там же можно также увидеть обратную реакцию потребителей информационного продукта, оставить комментарии, дать рекомендации при необходимости.

Отметим, что современная журналистика не может обойтись без использования дизайнерских технологий для популяризации своих изданий и привлечения дополнительной аудитории. Существуют определенные дизайнерские подходы в журналистике и медиа текстах.

Во-первых, имеется перенасыщение информацией, и публика хочет чего-либо особенного, того, что может захватить ее внимание. В данном контексте дизайн используется с целью концентрации ее внимания именно на определенном источнике. Статья, оформленная в виде красочного поста в соцсетях, с большей вероятностью привлечет внимание читателя, который, возможно, даже дочитает ее .

Во-вторых, необходимо активизировать внимание как можно большего количества людей к новостному источнику, и в данной связи использование дизайна увеличивает вовлеченность публики. Читатель знакомиться со статьей, читает ее, она ему нравится, нужно, чтобы он вернулся к данному источнику, одобрил его, а также обсудил в чатах. Читатель может изучить и другие публикации данного автора, проявить интерес к его тематике, манере письма, стилистическим приемам. Возникает эмоциональное взаимодействие читателя с контентом, положительное отношение к материалу.

В-третьих, дизайн в журналистике помогает читателю более эффективно воспринимать информацию. Работает визуализация, акцентируя внимание на главном, поясняя сложные моменты, фокусируя публику на актуальности ситуации или истории посредством визуального компонента. Дизайнерское оформление может способствовать восприятию непростой истории, пояснению сложных вещей в понятной и краткой форме.

В-четвертых, дизайн создает визуальный образ медиа. Оформление текста является важным дополнением к узнаваемости медиа бренда. И вновь это способствует привлечению аудитории, концентрации внимания на источнике, лайках и прочих особенностях.

В-пятых, хороший, качественный дизайн способен вызвать положительные эмоции. Для публики это означает, что новостное издание очень внимательно относится к деталям, даже тем, которые не связаны с журналистикой [5]. Таким образом, читатель вновь и вновь будет возвращаться именно на указанную платформу, выбирать именно ее среди прочих источников, что и нужно журналисту и издателю.

Особо следует подчеркнуть интерактивность журналистики. Это означает, что созданы различные форумы в интернете, которые позволяют вступать в диалог с читателем или слушателем, обсуждать написанное, вносить коррективы, критиковать. При этом стоит отметить, что журналисты

стали универсальными специалистами в отличие от своих советских коллег, когда специалист практиковался в одной какой-либо сфере.

Отметим, что журналисты должны особо тщательно относиться к электронной аудитории, всматриваться в нее, так она является получателем и потребителем медиа – контента, а также его распространителем и производителем, так как они работают с такой коммуникацией, в которую максимально вовлечена аудитория, она порождает контент. Соответственно, авторам следует придерживаться особого стиля и норм для поддержания вот такой интерактивной коммуникации. При этом формируются и совершенствуются особые порталы, платформы, блоги и прочие формы интернет – журналистики.

Журналисты, работая с медиа – контентом, учатся новому, шлифуют компетенции изложения и передачи информации именно в цифровом формате, изучают специфику интернет – коммуникации. Их компетенции должны соответствовать реалиям и запросам интернет – публики. Иными словами, появляется новый пласт авторов, работающих с медиа – контентом. Происходит смещение информирования к коммуницированию, которое характеризуется интерактивной деятельностью.

Для полного понимания сущности интернет – автора, важно обратиться к понятиям информатизации и информационного общества, его признакам, характеристикам, структуре, что дает понимание особой типологии коммуникации и новых медиа.

Интерактивная природа новых медиа представляет собой мощный коммуникативный ресурс, который основан на базовых понятиях и определениях, которые включают концепты *компьютер, интернет, пользователь*. Данное трио составляет основу виртуальных интеракций в новых медиа. При этом интернет – журналистика переходит от массовой информации к сетевой коммуникации, которая является зеркалом реальности и особой формой действительности. Переход СМИ в цифровой формат с интерактивом и цифровизацией позволяет контенту быть переданным по любым каналам связи, новость в интернете способна разрушить любые границы без каких-либо особых технических усилий [6]. Интернет, как видим, расширяет аудиторию для журналиста, а также обеспечивает его интерактивное взаимодействие с публикой. Интернет делает информацию открытой, доступной, свободной, творчески преподнесенной, независимой.

Новостные порталы, каналы и платформы дают возможности делиться новостями, дополнять их, выражать свое мнение, предоставлять видео и аудио материалы, оценивать публикацию. Автор и подписчик часто меняются ролями, как уже было упомянуто выше, стираются границы между ними, за счет чего увеличивается количество подписчиков и популярность издания.

Однако стоит упомянуть уязвимость интернет – журналистики, происходящую в том случае, когда идет отторжение представленной информации или отрицательная реакция на нее. Появляются тролли и хейтеры, которые дополняют авторов интернет – публикаций.

Также следует обратить внимание на те издания, где непосредственно пользователи могут добавлять информацию. Она может быть недостоверной, приближенной к реалиям, искаженной [7].

Отсюда могут появляться фейковые новости и контент в целом. К сожалению, современная действительность не застрахована от

фейковой журналистики и фейковых авторов. Поток информации огромен, контролировать каждую статью не представляется возможным. Некоторые издания пользуются этим для привлечения публики, ее вовлеченности в обсуждения, несколько беспокоят и волнуют общество, что неприемлемо и не нужно.

Данные аспекты подтверждают и указывают на настоятельную необходимость изучения все особенностей интернет – коммуникации именно в контексте журналистской науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Д.С. Профессиональная этика журналиста. МГУ, 2014, 264 с.
2. Ворошилов В.В. Журналистика для бакалавров. М., КноРус, 2018, 144с.
3. Колесниченко А.В. Практическая журналистика. Учебное пособие. М., МГУ, 2016, 192 с.
4. Лазутина Г.В. Основы творческой деятельности журналиста. М., Аспект Пресс, 2022, 156 с.
5. Сафина А.В., Газизов Р.А. К вопросу о признаках речевой манипуляции и средствах ее выражения. Вестник Башкирского университета. 2015. №3. Т.20. С.1027-1030
6. Горина Е.В. Дискурсивная модель интернета. Известия Уральского федерального университета. 2015, № 2, С. 22-30
7. Леонтович О.А. Компьютерный дискурс: языковая личность в виртуальном мире. М., 2019, С. 45-49

FEATURES OF RUSSIAN JOURNALISM IN THE ERA OF NEW MEDIA

Chen Jiaxu

Modern realities are such that the news consumer constantly wants to receive it quickly, on demand, at any time and, as a rule, in real time. In addition, there is a large number of alternative sources in addition to newspapers, magazines and television, which forces journalists to move to social networks, instant messengers, as well as blogs and involve design in a wide segment, in this context, media design. Publications fight for the audience, attract them in a variety of ways, including advertising, animation, interesting news, doing it with high quality and reliability, which is an integral part in terms of trust in the publication.

This article examines the features of Russian journalism in modern media realities, indicates the positive aspects of the impact of this sphere on the consumer.

Keywords: journalism, media sphere, communication, mass culture, design, development, audience.

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

УДК 81.13

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС: ВАРИАНТ ОЦЕНКИ, СТРУКТУРА, ГРАНИ ИЕРАРХИИ

Безруков Андрей Николаевич
Кандидат филологических наук доцент,
Башкирский государственный университет, Бирский филиал
E-mail: in_text@mail.ru

В статье рассматривает вопрос организации литературно-художественного дискурса. Анализ проблемы сводится к систематизации имеющихся критических источников. На основе оценки конкретизируется и собственная точка зрения. Литературный дискурс отличается от других часто анализируемых типов, так как его структура максимально подвижна. Следовательно, каждый отдельный случай целесообразно соотносить еще и со стилем писателя, в котором отражается сущность взгляда, неповторимость речи. Материал может быть дополнен далее, ибо имеет дискуссионный характер. Основная цель работы заключается в актуализации проблемы оценки художественного дискурса, а также обозначении иерархии уровней обозначенного конструкта.

Ключевые слова: дискурс, текст, язык, стиль, автор, структура, иерархия, интерпретация.

*****

Языковая система традиционно воспринимается как упорядоченное сферическое образование. Фактические номинации уровней еще с античности были определены как магистральные и не меняются до настоящего времени. Их набор закреплен и ориентирован на такие ряды как фонемный, морфемный, лексическо-семантический, синтаксический. Определенной оппозицией языку в середине XX века становится неоднозначный термин «дискурс»; введение этой категории должно было дифференцировать «язык» как таковой, «речь» и т.д. Однако создалась ситуация еще большей путаницы. Следовательно, вопрос объяснения и анализа дискурса все же продуктивен, актуален и дискуссионен [4, 5, 6, 7, 8, 9]. На наш взгляд, для исследователей дискурсивных практик было важным не столько блокировать терминологическую путаницу, сколько расширить методологический спектр оценки и анализа «дискурса». Стоит взять во внимание этот тезис, так как он сможет сорганизовать исследование представленной категории более продуктивно и точечно.

Понятие «дискурса» в последнее время все чаще попадает в ряд научных изысканий, и как следствие, достаточно фактурно рассматривается исследователями. Дискурс – это не только фиксация какого либо знакового образования, это еще и принцип оценки. Стоит отметить, что дискурс множество научных интерпретаций, единой точки зрения на природу формирования дискурса нет. Однако, дискурс есть некое промежуточное состояние между речью и текстом. Оба термина нарочито раскрываются в научной сфере, собственно они, на наш взгляд, верифицированы более точно.

Дискурс следует рассматривать как процесс динамически неоднородный. Поэтому варианты оценки также целесообразно расширять, или использовать инструментарий смежных с лингвистикой наук – например, психолингвистикой, культурологией, лингвофилософией, семиотикой, социолингвистикой. Вариативный вектор оценки дискурса является наиболее конструктивным, так как учитывает разные уровни и условия становления дискурсивной парадигмы.

При этом дискурс является определенной системой, которая не всегда, но с учетом той или иной ситуации, может быть полновесно проанализирована. Основные элементы дискурса, так или иначе, упорядочены, связность дает врозможность объективировать смысл сказанного, либо настроить на некую правильную волну коннотаций. Именно связность дискурса в некое единое целое и анализируется в формате научных изысканий. Отметим, что бесспорно признается исследователями только живая, спонтанная сторона дискурса, которая и отличает номинацию от «речи» и «языка». Таким образом, коммуникативная природа дискурса оправдана полновесно. Не исключается этот предел и в становлении художественного дискурса, так как связность «автор» и «читатель» по определению граничат на уровне рецепции, анализа, оценки сказанного.

Модели оценки дискурса вариативны: ряд исследователей склонны усматривать векторный тип – от горизонтали к вертикали, ряд – сферический, ряд – формально-прагматический. Н.Д. Арутюнова отмечает, что дискурс нельзя отрывать от речи, он вписывается в коммуникативное событие, фиксируя при этом социальную догматику, не случаен тезис, который уже давно дается буквально, «без прямой» ссылки, что «дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [2, с. 121]. Стоит согласиться с этим, так как проекция приращения индивидуального к общему намечается, становится очевидной.

Продублируем мысль, что термин «дискурс» в сфере научных изысканий все чаще воспринимается многозначным и расширенным понятием. Стоить предположить, что это связано с разными методологическими подходами в его оценке. При этом допускается и ряд крайних подходов, которые порой диаметрально отличаются друг от друга. Ученые сходятся во мнении, что дискурс иерархически упорядочен, основные уровни дискуса соотносятся с так называемой языковой системой, это верно, ибо практический ряд граничит с живой речью. Но дискурс не тождествен речи, не равен буквально и тексту, он близок этим категориям лингвистики, ибо находится в состоянии движения, некоей динамики, ступенчатой трансформации.

Спорным вопросом остается вопрос иерархии дискурса. Авторы научных изысканий стараются обратить внимание на то каким образом разные уровни дискуса совмещаются, соседствуют друг с другом. При

этом рождая смысл дискурс направляет воспринимающего и на вариант оценки. Поэтому собственно лингвистическая сторона компилируется с экстралингвистической. В данном случае серьезных нарушений нет, языковые ряды (фактическая сторона) координируются ситуативной составляющей. Художественный дискурс многомерен, ситуация уже не будет типичной, ибо литературные тексты отличным манерой написания, стилем, разной трактовкой той или иной проблемы. Писатели, художники слова не только создают текст, то есть его фиксируют, он формируют полярный, рождающийся смысл. Строгость формы при этом также подвергается некоей трансформации, условно движется в пространстве исторических изменений.

На наш взгляд, в рамках дешифровки проблемы иерархии дискурса можно допустить и трех, и четырех частный случай: это словоформа, как вариант предложение, а также ситуация и прагматика. Уровни дискурса не могут быть дифференцированы четко, мешает, вероятно, его условно знаковый характер. И все же частные компоненты в исследованиях лингвистического порядка выделяются.

На наш взгляд, правильнее ориентироваться при оценке дискурса на его векторно-смысловой момент. Фактор принятия, обдумывания, коррекции синтезируются в единый фон, определяющий объективную суть дискурсивной практики. Формальная составляющая, а это может быть применимо и к языку, переводится говорящим, слушающим в режим смысловой параллели. В виду подобной ступенчатой схемы и происходит размывание границ дискурса, растягивание его во временном спектре. Стоит согласиться с некоторыми исследователями, которые конструктивно подходят к оценке дискурса. В частности, как отмечает В.И. Карасик, «социально-прагматический подход к дискурсу не противоречит структурно-стилистическому подходу, а переакцентирует внимание исследователей: в соответствии с основной задачей прагмалингвистики в центре внимания оказывается речевое действие, участниками которого выступают определенные типы языковых личностей, действующие в рамках определенных обстоятельств и условий общения» [5, с. 27]. Ситуация достаточно точно комментируется исследователем, и, что нам кажется уместным, смещает в методологию прагмалингвистики, где условия и обстоятельства диалога, или контакта все же доминируют.

Как уже было отмечено, структура дискурса подвергается анализу достаточно сложно. Взгляды и позиции исследователей разнятся, но общий ориентир на достижения лингвистики первой половины XX века заметен. «Русско-американский лингвист Роман Осипович Якобсон первостепенным считает не столько получение сообщения адресатом, сколько его максимально точную дешифровку. Этот процесс, по мнению ученого, значительно облегчается применением метода дискурс-анализа, состоящего из поэтапного изучения следующих элементов: 1) адресант; 2) сообщение; 3) контекст; 4) контакт; 5) код; 6) адресат [3, с. 68]. Данная позиция работает и по настоящее время, ибо она связана еще с вариациями Аристотеля, которые предлагал в режиме оценки языковой коммуникации учитывать три базовых компонента: стороны продукции и восприятия и сам тематический сегмент, который и является связкой для достижения итогового результата. В чем-то смежен в оценке, при этой конкретизации и дискурс, который, вероятно, размывает границы, но и ориентируется на достижение цели путем языковых операций.

Отметим, что дискурс есть не только языковой продукт, но и объективная форма диалога. На наш взгляд, целесообразно сопоставлять дискурс с такими нарочито звучащими понятиями как «текст» и «стиль». Продуктивность подобного сравнения заключается также в том, что можно векторно дифференцировать эти три номинации. При этом дискурс будет ориентирован на процесс, текст – на фиксацию продуктивной деятельности, а стиль следует соотносить с индивидуально-авторской манерой исполнения. При таком подходе корреляция имеет более взвешенный вид, да и объективная составляющая также очевидна. Художественный дискурс в большей степени подвергается интерпретации, он не так конкретен, таким образом, его можно изучать и с позиций герменевтики, принципа так называемой условности смысла, но близкого самому знаковому образованию, вольность в данном случае не допустима, он только будет отвлекать от значимого. Как отмечает Е.Н. Бобыкина, «особенность, которую можно считать основополагающей для научной интерпретации художественного текста, состоит в том, что литературная коммуникация имеет две дискурсивных ипостаси. С одной стороны, это внешнее по отношению к тексту, планируемое и подготавливаемое каждым автором реальное «общение» с потенциальным читателем, имеющее несколько этапов практического воплощения (придание тексту определенной языковой формы, подготовка завершенного текста). С другой стороны, это внутри-текстовая коммуникация, которая происходит между вымышленными действующими лицами изображаемых автором сюжетных событий, имеющая имажинарный или фикциональный характер» [3, с. 69]. Данная позиция, точка зрения оправдана, ибо она поднимает на должный уровень потенциал художественного дискурса. Для читателей это, несомненно, является важным и значимым. Подобный реверс сводится и к автору, который не закрывает наличный текст, но дает возможность импульсной оценки сказанного.

Грани иерархии художественного дискурса [10, 11, 12, 15], на наш взгляд, должны быть соотнесены с уровнями художественного целого, так как манифестация литературной формы уже долгое время в принципе неизменна, за исключением ряда случаев. Динамика формы в литературе не есть показатель эффективности и значимости, традиционный подход наблюдается и в XIX, и в XX, и в XXI веке. В ряде критических статей [14, 16, 17] манифестируется мысль, что «художественное произведение влияет на читателя не только посредством перлокутивного акта (прямое влияние на чувства и мысли), но также посредством использования определенного типа речевых актов, которые создают контекст для восприятия определенной идеи или представляют модель «художественной реальности» [1, с. 48]. Представленный вариант достаточно правильный, он направлен на дифференциацию реальности условной, и реальности действительной. Для писателей важным является момент фиксации настоящего, которое трансформировано сознанием и передано, ретранслировано читателю. Вероятно, что «в художественном произведении замысел автора не отражается четко в художественном тексте, он передается читателю через определенные репрезентации. Эти изображения включают риторические средства, речевые фигуры. Эстетичность художественного дискурса объясняет природу его действия» [1, с. 48]. Фактическая структура дискурса направлена, конечно же, на ризому, открытый срез смыслов.

Дискурс [13] является той сферой, где максимально воплощается смысловая разверстка. Текст в отличие от дискурса имеет все же более линейный характер, думается, что основная нагрузка текста есть передача информации. Для дискурса же характерно увеличение смыслового множества, редупликация знаний, удвоение и усложнение информационного поля. Диалог относительно дискурса в науке набирает обороты, в критических наблюдениях последних лет определений дискурса введено достаточно много. Думается, что это связано с вариантами оценки и структуры, и иерархии, и толкования. Несомненно, проблема дискурсивных практик находится в состоянии определенного движения, окончательно точку поставить точку пока не получает.

Таким образом, можно подвести следующий итог данной работы: проблемная ситуация, связанная с анализ дискурсивной практики не так проста. В ходе систематизации данных было замечено, что исследования разняться как в методологическом ключе, так и общетеоретическом. Отчасти это неплохо, но корректива в одной направленности оценки кажется более правомерной. Литературно-художественный в отличии от философского, социологического, культурного не может быть однозначно интерпретирован, его основная направленность в расширении, а не сужении границ. Смысл в художественном дискурсе рождается при столкновении, некоего синтеза разных единиц. Уровневый состав в этой ситуации также дифференцирован. На наш взгляд, точечная оценка литературно-художественного дискурса должна быть связана с такими базовыми номинациями как «текст» и «стиль». Версии прочтений конкретных текстов при этом будут двигаться в режиме полярности, что, несомненно, важно для литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алджанова А. Д. Прагматика, дискурс и художественный текст / А. Д. Алджанова, З. С. Гусейнова // The Scientific Heritage. – 2022. – № 98(98). – С. 47-49. – DOI 10.5281/zenodo.7148269.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – 3-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 383 с.
3. Бобыкина Е. Н. Алгоритмы дискурс-анализа художественного текста / Е. Н. Бобыкина // Научный альманах. – 2023. – № 5-3(103). – С. 68-70.
4. Большова А. В. Цвет как компонент художественного дискурса / А. В. Большова // Научный старт-2023 : Сборник статей аспирантов и магистрантов / Редколлегия: Л.Г. Викулова (отв. ред.), И.В. Макарова, О.И. Короленко, В.Г. Караваева. Том Часть 2. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Языки Народов Мира", 2023. – С. 22-26.
5. Карасик В. И. Структура институционального дискурса / В. И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации : Межвузовский сборник научных трудов. – Саратов : Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 2000. – С. 25-33.
6. Кобелева В. П. Информационная структура художественного дискурса / В. П. Кобелева // Актуальные исследования. – 2023. – № 42-1(172). – С. 37-39.
7. Кудрявцева М. И. Метатекст в художественном дискурсе постмодерна: когнитивно-прагматический аспект / М. И. Кудрявцева //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, № 9. – С. 2954-2959. – DOI 10.30853/phil20220483.

8. Купцов А. Е. Дискурсивные маркеры как средство создания когерентности художественного дискурса / А. Е. Купцов // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 4(55). – С. 581-584.

9. Макаров М. Л. Основы теории дискурса М.Л. Макоров. – М.: ИТДГК Гнозис, 2003. – 280 с.

10. Мартиросьян Е. Г. Лингвистические методы анализа художественного дискурса / Е. Г. Мартиросьян, Т. Б. Самарская // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2023. – № 2(317). – С. 89-94. – DOI 10.53598/2410-3489-2023-2-317-89-94.

11. Миловидов В. А. Семиотика литературно-художественного дискурса: монография / В. А. Миловидов. – М.: Буки Веди, 2016. – 172 с.

12. Самсонова Л. С. Аксиологический аспект художественного дискурса / Л. С. Самсонова // Научный альманах Центрального Черноземья. – 2022. – № 2-7. – С. 314-317.

13. Сидоров Е.В. Онтология дискурса / Е.В. Сидоров. – М.: Издательство УРСС, 2009. – 232 с.

14. Силантьев И.В. Текст в системе дискурсных взаимодействий / И. В. Силантьев // Критика и семиотика. – 2004. – № 7. – С. 98-123.

15. Тюпа В.И. Художественный дискурс: (введение в теорию литературы) / В. И. Тюпа. – Тверь: Тверской государственный университет. 2002. – 80 с.

16. Фещенко В. В. Художественный дискурс: к определению термина в перспективе лингвоэстетики / В. В. Фещенко // Новый филологический вестник. – 2021. – № 1 (56). – С. 16-35.

17. Шерматова А. М. Понятие дискурса и интернет-дискурса в современной лингвистике / А. М. Шерматова, К. Ж. Алимжан // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2023. – № 2. – С. 256-258. – DOI 10.26104/NNTIK.2023.80.65.055.

ARTISTIC DISCOURSE: VALUATION OPTION, STRUCTURE, FACETS OF HIERARCHY

Bezrukov A.N.

The article examines the issue of organizing literary and artistic discourse. Analysis of the problem comes down to systematizing the available critical sources. Based on the assessment, one's own point of view is also specified. Literary discourse differs from other frequently analyzed types because its structure is as flexible as possible. Consequently, it is advisable to correlate each individual case with the writer's style, which reflects the essence of the view and the uniqueness of speech. The material can be supplemented further, because it is of a debatable nature. The main goal of the work is to actualize the problem of assessing artistic discourse, as well as to designate the hierarchy of levels of the designated construct.

Keywords: discourse, text, language, style, author, structure, hierarchy, interpretation

УДК 81.116

КОЛОРИСТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ЯЗЫКОВЫХ НОМИНАЦИЙ В ПОЭЗИИ ЕВГЕНИЯ ЕВТУШЕНКО

Королева Юлия Викторовна
Старший преподаватель,
Кубанский государственный технологический университет
E-mail: koroleva79@mail.ru

Пасевич Даниил Константинович
Старший преподаватель, НАН ЧОУ ВО Академия Имсит

В данной статье анализируется колористическая лексика на примере стихотворных текстов Евгения Евтушенко. Подобный вариант рассмотрения проблемы не так часто встречается в массе критических наблюдений. Следовательно, работа является актуальной и значимой, она обладает должной практической новизной. Методология исследования ориентирована на оценочно-концептуальный тип, однако, не исключается и эмпирическая форма расшифровки представленных в поэзии Е.А. Евтушенко цветовых оттенков. Материал имеет концентрический характер, его целесообразно использовать при изучении поэтического языка, а также идиостиля Е.А. Евтушенко. Намеченная в работе перспектива может быть продолжена и далее, так как колористика в поэтических конструктах XIX – XX веков продуктивно используется авторами. Цель исследования сводится к вероятному выявлению наиболее значимых примеров цветового изображения, что позволяет визуализировать пространство и время указанных событий, фактически представить читателю образный, портретный ряд.

Ключевые слова: лексика, колористика, художественный образ, Евгений Евтушенко, поэзия, цвет, время, пространство, литературный текст.

*****

Поэзия Евгения Евтушенко [6, 7] явление мирового масштаба, которое уже давно признается исследователями [1, 3, 14, 15] его творчества. Стоит отметить, что поэтический текст в отличие от прозы обладает иной смысловой и эмоциональной направленностью. Регулирование данного свойства связана как раз с колористической лексикой, которая продуктивно используется поэтами для визуального, да и смыслового эффекта.

Стоит отметить, что цель данной работы заключается в выявлении наиболее значимых цветовых [2, 4, 5] оттенков изображения в лирике Е.А. Евтушенко, которые, несомненно, претворяются и манифестируются на уровне лексики. На наш взгляд, колористический тон позволяет поэту визуализировать пространство и время изображаемых событий, а также фактически представить читателю образный или портретный ряд.

Спектр задач в данном случае вариативен, это не только буквальное нахождение в поэзии Евгения Евтушенко спектрального ряда, но и анализ значимости того или иного цвета в общей палитре

стихотворных текстов. Думается, что яркость художественной картинки зависит как раз от необычно сложного совмещения разностей.

Для лирики Е.А. Евтушенко характерен открыто-визуальный проспект изображений, он не столько пытается завуалировать фон, сколько показать его действенно и планомерно. Практически с самого начала творчества эта тенденция заметна, собственно она и позволяет внимательно относиться к номинациям образов, визуальным [8, 9, 10] чертам. При этом пространство, которое создается в текстах Е.А. Евтушенко, также обладает некоей неизмеримо многомерной колористикой [11, 12, 13]. Хотя быт, реалии, место действия очень понятны и доступны. Например, это встречаем в следующих поэтических строчках автора:

«Красивая **красная** папка,
к рукам прикасаясь шершаво,
японскими вишнями пахла
и по-человечьи дышала» [7, с. 26].

Или:

«Бинтов не хватало тогда на войне,
сапог, самолетов, тротила,
но все же материи **красной** вполне
на флаг над Берлином хватило» [7, с. 41].

Или:

«Вся в бородавках, жирная старуха,
она, качая брюхо на весу,
внезапно с **красно-сизой** мочки уха
клипс выронила в ноги мертвецу» [7, с. 138].

Или:

«Каплет ли над лирой
или в нее – молния,
не капитулируй.
Белый флаг – безмолвие…» [7, с. 149].

Или:

«Она высокопарно раздувала,
как **черный** огнь,
свой ложный сложный плач
и профессионально раздирала
лицо себе,
как скрипочку скрипач» [7, с. 138].

Таким образом, можно констатировать, что цвет для Е.А. Евтушенко является неким фоном, дополнением, не играющим изначально определенную роль или выполняющим функцию. Коларистика срабатывает несколько далее, уже при постановочной комбинации образов и событий.

Определим в начале работы ряд существенных уровней, на которых и происходит динамическая корректива цвета:

– это *заголовок*,
– некий *событийный* пласт,
– визуальное претворения *образов*,
– оттеночный тип, играющий роль *фона* или ретроспекции *содержания*.

Лирический текст, как следует из ряда теоретических работ, обычно основан не на визуальном эффекте, а на смысловом, импульсом для

создания картинки визуальном тоне происходящего. Именно он определяет объективное восприятие поэзии, отчасти расширяет и границы коннотаций. На наш взгляд, поэзия Евгения Евтушенко дает возможность действенно обрисовать смену кадров, которые поддерживают парадигму визуализации. Лексика в данном случае как никогда играет большую роль, причем как в режиме номинаций, так и семантики.

Стоит отметить, что колористическая составляющая языка достаточно часто попадает в поле лингвистических наблюдений, это связано и с прозой, и с поэзий, и с драматургией. При анализе данного языкового звена авторы обычно обращают внимание на формальное включение лексики, не учитывая ее функциональность. Хотя именно ролевая раскладка важна и значима.

Для лирики Е.А. Евтушенко номинация в заголовке не так частотна, как например, у Роберта Рождественского, или Булата Окуджавы, Андрея Вознесенского, если взять во внимание плеяду поэтов-шестидесятников. Евгений Евтушенко раскрывает указанный лексический ряд в самих текстах, что, может быть, и является неким исключением, которое притягивает и волнует.

Ориентир на колористическую лексику в пространственных планах перспективно значим у Евгения Евтушенко, ретроспекция рождается в момент наивысшего акцента на том или ином цвете. Например, наблюдаем это в следующих фрагментах:

«Не спал в вагоне **голубом**,
где сны совсем не **голубые**.
Плакат женатым не бывал.
Плакат бездетен» [7, с. 9]

Или:

«Не позабыл я супчик твоей мамочки.
Теперь тебе конец. Теперь мой час.
Я апельсин купил пять килограммчиков.
А видишь хвост **зеленый**? Ананас» [7, с. 135].

Или:

«А рядом,
там, где плющ **зеленый** вьется,
на двери, еще мокрой от **побелки**,
прочел я: «Ателье за производство...»
и дальше: «...на метальные табелки» [7, с. 168].

Или:

«И лошадь уводят, и шляпа, плюмажем дерзя,
как **черный** цветок, на погибший сценарий возложена,
и тысячи маленьких скользких «нельзя»
сливаются в «жить невозможно» [7, с. 170].

Или:

«И прорывался вдруг
из окон на ветер вздорный,
как дым пожара,
чей-то локон,
чертенок **черный**» [7, с. 172].

Варианты колористической лексики в данных фрагментах, конечно же, имеет характер явной смысловой отсылки. При этом текст не дробиться на составляющие, а является неким единым целым, которое манифестирует знак-цвет, знак-символ. Думается, объективная основа

лирических вариаций Е. Евтушенко заключается в том, что гармония цвета для поэта есть ключ к дешифровке смысловых векторов. Не так открыто это было в лирике XIX века, более оппозиционно это выглядит в экспериментальных формах XX века.

Абрис конкретного образа в цветовой палитре и колористике Евгению Евтушенко также достаточно оригинален и интересен. Оттенки, порой, имею значение более, чем фактическая номинация. Стоит признать, подобный прием и у Александра Блока, и Владимира Маяковского, и у Марины Цветаевой. Следовательно, для поэтов главным является не только вариант называния, обозначения цветовых пятен, но и общее гармоническое соучастие цвета в объективации основного рисунка, общей проекции событийного пространства.

В статье не имеет смысла давать общий, номинационный блок колористической лексики, принцип сплошной выборки в данном случае не работает, желательно ориентироваться на точеный, контрапунктивный выбор, он, на наш взгляд, действен и не противоречит основным, актуальным подходам анализа языковых единиц. Также отметим, что лексика цветового порядка у Евгения Евтушенко играет еще роль усложнения эмоционального тона. Эффект большей сферичности смыслов отчасти раскрывается и этим ядром языка. Например, отсылка к полутонам на уровне «темный», «чистый», заметна в следующих фрагментах:

«Тот не народ, в ком есть корысть.
Но мало быть трудягой скромным.
Жизнь превратится просто в жисть
и прозябаньем станет **темным**» [7, с. 16].

Или:

«Облако набухшее набито
Темным содержанием грозы,
И такое содержанье скрыто
В форме человеческой слезы!» [7, с. 148].

Или:

«Без тебя горизонт
быть не может в России **лучистым**.
Если ты загрязнен,
не могу себя чувствовать **чистым**» [7, с. 101].

Формат, номинированный в указанных лексемах, дает возможность читателю спектр смены цвета представить более открыто и вариативно. Поэт сближает порой чувство с действием, не оговаривая это случайно, но настраивая на подобный не такой встречающийся эффект.

Пространственно-временные рубежи лирики Евгения Евтушенко в рамках колористической лексики, таким образом, нарушаются, или подвергаются некоей подвижке. Для лирического текста это особенно важно и ценно. Вектор многообразия становится пластичнее, не обязывает к однозначной трактовке.

Отметим, что стандарт цвета [16, 17, 18], который универсален по отношению к реалиям жизни у Е.А. Евтушенко, практически исключает такие номинации как «синий», «фиолетовый», «пурпурный» и т.д. Палитра данного оттенка воспринимается как холодная и не значимая. Образный ряд в данном случае не укладывается в рамки подобного расклада, может быть, он мешает адекватному, объективному художественному

рисованию. Исключение некоторых колористических лексем прогнозируемо, так как смысл особо от них и не зависит.

Можно предположить также, что цвет в режиме лексической номинации в лирике Евгения Евтушенко является вектором реагирования на события и факты истории. Однако, не все окрашивается в точечный цвет, большая часть редуцирована иными составляющими. На наш взгляд, вполне уместна оценка своеобразия поэзии Е.А. Евтушенко, которая дана О.И. Рыбальченко и В.К. Калинкиной: «идиостиль Е. Евтушенко отличает жанровое, стилевое и тематическое многообразие: стихи о войне, родине, гражданской позиции, лирические строки о любви, поэмы. Поэтика Е. Евтушенко – синтез русской лирики, поэзии «серебряного века» и русского авангарда. В текстах автора отразились настроения целого поколения, перемены в сознании общества» [14], «в его текстах совмещаются различные образные средства языка: фонетические повторы, словообразовательные элементы, метафоры, сравнения, эпитеты, знаки-коннотации» [14]. Стоит согласиться с данным утверждением, так как основной срез поэтических изменений заметен на всех основных языковых уровнях, которые указаны.

Таким образом, поэзия Евгения Евтушенко являет собой не только грамотный и серьезный аналитический вариант оценки социальных, исторических, онтологических событий, но и проектно касается частной, т.н. читательской жизни. Для автора было главное запечатлеть изменения окрест себя, зафиксировать то, что неизгладимо меняется, при этом обратить внимание и на языковое оформление текстов, которое также сложно организовано. Е.А. Евтушенко – поэт с большой буквы, он многое сделал для русской поэзии, русского языка, русской словесности. Его имя прочно впиталось в набор основных медийных фигур XX – XXI веков. Вклад Е.А. Евтушенко в поэтическое искусство имеет вес еще и в режиме явной демократизации языка, умении передать суть явлений и процессов точечно, конкретно. Думается, что колористическая лексика, которая используется поэтом, играет, несомненно, значимую роль в процессе расширения смысловых граней как текста, так и сознания читателей. Изучение это уровня позволяет объективировать ряд номинаций, а также свести в единое целое фактор преемственности литературного процесса. Евгений Евтушенко позиционно продолжает диалога языкового плана с А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, А.А. Фетом, Ф.И. Тютчевым, Александром Блоком, Владимиром Маяковским, Анной Ахматовой, Мариной Цветаевой и другими. Следовательно, языковой состав поэзии неизменен, он по определению выверен, точен и правилен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексенцева Е. О. Особенности функционирования синтаксических средств выражения категории диалогичности в лирике А.А. Вознесенского, Е.А. Евтушенко, Р.И. Рождественского / Е. О. Алексенцева // Грани познания. – 2022. – № 3(80). – С. 59-63.

2. Андреева Л. А. Колористическая лексика в романе Харпер Ли «Убить пересмешника» и его русском переводе / Л. А. Андреева, Д. Н. Дементьева // Филологический аспект. – 2020. – № 3(59). – С. 138-144.

3. Безруков А. Н. Проблемно-тематический градиент поэтического сборника Евгения Евтушенко «Не теряйте отчаянья» / А. Н. Безруков //

Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 10(136). – DOI 10.23670/IRJ.2023.136.52.

4. Гетманская М. Ю. Интерпретация теории цветонаименования в современной лингвистике / М. Ю. Гетманская, О. А. Классовская // Успехи современной науки. – 2016. – Т. 8, № 11. – С. 44-47.

5. Дельва А. Е. Цветообозначения в различных лингвокультурах (на материале психолингвистического эксперимента) / А. Е. Дельва, А. Д. Дудина // Гуманитарные научные исследования. – 2016. – № 1(53). – С. 69-71.

6. Евтушенко Е. А. Малое собрание сочинений / Е. А. Евтушенко – СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2009. – 576 с.

7. Евтушенко Е. А. Утренний народ. Новая книга стихов Е.А. Евтушенко. – М.: Молодая гвардия, 1978. – 207 с.

8. Журавлева Е. А. Символика цвета в произведениях Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» и дж. Оруэлл «1984» / Е. А. Журавлева // Modern Science. – 2023. – № 5-1. – С. 41-43.

9. Кочетова И. В. О динамике цветообозначений в поэтической картине мира Н. Гумилёва / И. В. Кочетова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2008. – № 2(76). – С. 52-56.

10. Осинцева-Раевская Е. А. Колоронимы в сказках А. С. Пушкина / Е. А. Осинцева-Раевская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2(38). – С. 149-155. – DOI 10.21685/2072-3024-2016-2-14.

11. Полынкова Е. С. Особенности перевода колористической лексики с английского языка на русский / Е. С. Полынкова // Новая наука: Проблемы и перспективы. – 2016. – № 6-3(85). – С. 129-133.

12. Рахимова Г. Р. Колористическая лексика в аспекте языковой картины мира / Г. Р. Рахимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 3(7). – С. 130-133.

13. Романов Д. А. Лингвопоэтика стихотворения И.А. Бунина "Запустение" / Д. А. Романов // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 4(47). – С. 248-259.

14. Рыбальченко О. И. Фонетические, словообразовательные и лексико-стилистические особенности идиостиля Е. Евтушенко / О. И. Рыбальченко, В. К. Калинкина // Наука и Образование. – 2023. – Т. 6, № 1.

15. Свердлов А. З. Анализ литературных произведений Е. Евтушенко / А. З. Свердлов // Человек. Социум. Общество. – 2023. – № 8. – С. 16-28.

16. Соскина С. Н. Оценочная функция колоронимов в романе А. С. Пушкина "Евгений Онегин" / С. Н. Соскина, Е. А. Осинцева-Раевская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1(33). – С. 95-102.

17. Чжан Ж. Принципы создания словесного портрета в ранней прозе А. Грина / Ж. Чжан // Отечественная филология. – 2023. – № 5. – С. 132-140. – DOI 10.18384/2949-5008-2023-5-132-140.

18. Ястремская И. Г. К вопросу о семантике цветообозначений в современном немецком языке / И. Г. Ястремская // Язык. Культура. Коммуникация. – 2023. – № 24. – С. 421-426.

COLOR VECTOR OF LANGUAGE NOMINATIONS IN THE POETRY OF EVGENY YEVTUSHENKO

Koroleva Ju.V., Pasevich D.K.

This article analyzes coloristic vocabulary using the example of poetic texts by Yevgeny Yevtushenko. This type of consideration of the problem is not so often found in the mass of critical observations. Consequently, the work is relevant and significant, it has proper practical novelty. The research methodology is focused on the evaluative-conceptual type, however, the empirical form of deciphering those presented in the poetry of E.A. is not excluded. Yevtushenko color shades. The material is concentric in nature, it is advisable to use it when studying the poetic language, as well as the idiostyle of E.A. Yevtushenko. The perspective outlined in the work can be continued further, since color in the poetic constructs of the 19th – 20th centuries is productively used by the authors. The purpose of the study boils down to the probable identification of the most significant examples of color images, which makes it possible to visualize the space and time of these events, in fact, to present the reader with a figurative, portrait series.

Keywords: vocabulary, coloristic, artistic image, Eugenie Yevtushenko, poetry, color, time, space, literary text.

УДК 81.116

АНИМАЛИСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКТАХ А.И. КУПРИНА

Лихачева Ольга Николаевна
Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры Педагогики и межкультурных коммуникаций
Академии маркетинга ИМСИТ
E-mail: olga-lihacheva@rambler.ru

В статье рассматривается проза А.И. Куприна через призму проявления в ней анамалистического начала. Для писателя начала XX века, несомненно, человек является основным объектом изучения, однако, мир природы часто проникает в тексты А.И. Куприна. Работа является актуальной, так как в массе критических источников указанный вопрос поднимается достаточно редко. Исследователи не обращают внимание на анималистическую лексику, хотя она значима у А.И. Куприна, именно она играет особую роль в его прозаических наррациях. Методология работы соотносится с аналитическими, эмпирическими, формальными принципами. Выборка текстов является свободной, так как основная цель сводится к объективации наличного лексического состава, который ориентирован на мир животных, номинации анималистического порядка. Материал можно продуктивно использовать при изучении прозы А.И. Куприна, а также смежно-тематических произведений. Для текстов А.И. Куприна языковой состав анималистики конструктивен и принципиален, так как реалистическое начало доминирует, является базисом сюжета, образного ряда.

Ключевые слова: зоонимы, лексика, художественный образ, Александр Куприн, проза, цвет, пространство, литературный текст, анималистика, сюжет.

*****

Прозаические формы Александра Куприна стали для русской словесности знаковыми, символическими. Безусловно, в рамках языкового сознания состав лексем [1, 2, 3, 4, 5] художественного текста вариативен, но при этом он работает и на создание условности, неповторимости, что является ценным и значимым. Главный вопрос данной статьи сводится к дешифровке **анималистики** в прозе А.И. Куприна, ибо это сегмент значим для его творчества, а также интересен для исследования, причем работ [6, 7, 8, 10] подобной направленности в критике очень немного.

СтоВт отметить, репрезентация анималистических образов в художественных текстах – это способ эмоционального выражения, и возможность влияния на сознание потенциально заинтересованного читателя. Произведения художественной литературы, в которых задействовано изображения животного мира, отличаются наибольшей выразительностью, а также непринужденным глубинным смыслом, который порой не сводится к буквальной **номинации**, а требует более

детального анализа. Отражение жизни людей через призму фауны, одна из основных задач анималистики, это манифестируется в статьях, монографиях, частных исследованиях. Большое количество писателей разных времен и эпох брали за основу **образы животных** [11, 12, 13, 14]. Образы живого, естественного мира, выражают и ряд определенных функций, общезначимых и социально адаптированных.

Фактически любой период в истории литературы манифестировал образ животного как некоего носителя природного начала, как цитадель коннотаций, как, несомненно, рядом стоящую с человеком условность. Не исключается это и в формате русского языка, русской литературной классики. Отметим, что поэты Античности, включали подобный номинативный ряд в свои текста, не был исключением и Данте Алигьери, и Уильям Шекспир, А.С. Пушкин, Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев, А.П. Чехов, Максим Горький и другие. Не исключается подобная тенденция и в прозе А.И. Куприна, что собственно и будет интересовать нас в рамках данного научного исследования.

В свое время, при формировании собрания сочинений А.И. Куприна Константин Паустовский писал, «любовь Куприна к человеку проступает ясным подтекстом почти во всех его повестях и рассказах, несмотря на разнообразие их тем и сюжетов. Она лежит в основе таких разных произведений, как «Олеся» и «Анафема», «Чудесный доктор» и «Листригоны» [9, с. 8]. Следовательно, не только человек становится объектом пристального внимания автора, его взгляд направлен также на формы и иного, живого мира, к которому и относится анималистка – сущностное начало мира животных, находящихся где-то рядом с нами. Со ссылкой на первоисточник, отметим, что «словесное творчество самим своим образным строем устанавливает определенное соотношение между животным и человеческим.

Анималистические образы в литературе часто являются чем-то большим, нежели просто способом изобразить окружающую действительность, во многих произведениях животные помогают более полно раскрыть образ главных героев» [9, с. 8]. Вариация природного бытия, которая предлагается А.И. Куприным, наиболее активна и действенна, в соотношении с рядом писателей XIX, да и XX века. Для большинства мир анимализма был той поверхностно сферой, трогать и воссоздать, которую не имело смысла. А.И. Куприн же обратил внимание не только на формальное проявление образов животных, но и на их характер, нрав, силу и некое вольное проявление.

Стоит согласиться, что «в произведениях писателей XIX – XX вв. животные выступают как дар судьбы, дающийся героям для того, чтобы проявить свою сущность и по-новому взглянуть на окружающую действительность, возможно, даже изменить её» [3, с. 97]. Дейксис художественного порядка проявляется в том, что мыслимое выполняет и передает откровения, а также фоновый извод, и чувственный гейд. Животный мир это не только формальное проявление, но и содержательная граница настоящего. Стоит отметить, что для А.И. Куприна анималистика играет роль контактного звена.

Анималистика в прозе А.И. Куприна имеет точечно выверенный вид, манифестация дается в прямом, непринужденном тоне: например, на уровне заголовка – «Воробей», «Певчий», «Заяц», «Собачье счастье», «Кляча» и т.д. Для писателя важно было подчеркнуть самостоятельный тип характера, его настоящий, непринужденно открытый тип характера.

Образы живого мира часто у А.И. Куприна совмещаются с характерами мира настоящего.

На языковом уровне это проявляется в следующих форматах. Например, в рассказах «В зверинце» и «Пиратка»: «Цезарь спит и тихо, точно бредящая собака, взвизгивает во сне. Одна из его могучих желтых лап высунулась в ту щель внизу решетки, куда просовывают пищу, и небрежно свесилась наружу. Голову он спрятал в другую лапу, согнутую в колене, и сверху видна только густая темная грива. Рядом с ним свернулась в клубок, точно спящая кошечка, его львица. Цезарь спит беспокойно и иногда вздрагивает. Дыхание клубами горячего пара вылетает из его широких ноздрей [9, с. 226]», или «и он тащил к себе Пиратку за голову, причем собака жалобно взвизгивала, обнимал ее и громко и жарко целовал ее в холодный, мокрый нос. Пиратка старался вырваться, но делал это по возможности деликатно, чтобы не обидеть хозяина» [9, с. 336]. У А.И. Куприна нарочитая оценка животного мира дана для того, чтобы максимально прочувствовать мир социального порядка, где, несомненно, есть ужас, страх, трагедия и гибель. Вариация лексического тона становится для писателя объективной данностью: «Если он отправлялся с отцом, то не бежал скромно сзади экипажа, как это делают в подобных случаях порядочные псы. Он кидался на всех встречных лошадей, подпрыгивал с громким лаем к самым их мордам и только тогда пугливо отскакивал в сторону, если одна из них с тревожным храпом нагибала быстро шею, чтобы схватить зубами нахала» [9, с. 138]. Поучается, что анималистическая лексика поддерживает сюжет, ориентирует потенциального читателя на сферическую оценку событий происходящего в рассказе. Оценивая тексты А.И. Куприна, стоит отметить, что его проза наполнена кореллятами природного мира так, что создается некое пространство настоящего и живого. **Зоонимы** есть выражения авторского неравнодушия к миру природы.

Варианты зоонимов у А.И. Куприна разнообразны, однако, все они действенны, живы, открыты. Тут и собаки, и кошки, и лошади, и дикие животные, и опасные, и хищные. Морализация образов животного мира несколько иная, нежели у других писателей; для А. Куприна важно подчеркнуть нрав, своеобразие персонажа живого мира, нацелить читателя на правильный, но и вариативный формат оценки. Например, насколько условен образ лошади в рассказе «Лолли»: «Вы, может быть, и не поверите мне, что когда-то у меня не было соперников в моей профессии, но это так. Я был одинаков и на турнике, и в воздушной работе, и в сальто-мортальях. Но моим лучшим номером все-таки были прыжки с арены на лошадь, и в них мне до сих пор нет равного» [9, с. 344]. Как тонко передает автор грацию и умелость лошади, как грациозен образ в тексте, как наглядно зримо читатель его видит и следит за ним.

Пространство рассказов А.И. Куприна тяготеет к всеобщему, объемному, целостному, следовательно, и анималистика тоже должна быть фактурной и значимой. Нельзя упускать из виду мелочей, деталей, нюансов. Даже вскользь и то образ получается полным, важным и необходимым: «Если не было войны, он проводил время на охоте за дикими кабанами и тиграми. Вода из лесного ручья и кусок хлеба служили ему пищей, седло – изголовьем. Наконец, через три пятилетия, в один из тех дней, когда выезжала на колеснице богиня смерти, глашатаи объявили народу имя Аль-Исса» [9, с. 148], или «Любопытно мне было все эти вещи рассматривать, какие князь из путешествия с собою привез. Шкуры

тигровые и львиные, сабли кривые, божков, чучела зверей разных, дорогие камни и материи» [9, с. 255], или «Я вам расскажу про Лоренциту такой случай. Когда она служила в будапештском цирке, то однажды в последнем номере, по недосмотру укротителя, вырвался из клетки дрессированный тигр. Публикой овладел ужас... Крик, давка, вопли женщин... Даже многие артисты обезумели от страха и бросились к выходу» [9, с. 343]. В каждом случае свой императив, свой настрой на изображение, но при этом автор универсален, точен и правдив. Константин Паустовский в очерке о А.И. Куприне отмечает: «Куприн читается легко. Таково общее мнение. И это верно. Но для того чтобы погрузиться в тот житейский материал, какой «подымает» Куприн, чтобы оценить всю обширность купринских познаний в науке жизневедения, надо читать его книги медленно, надо запоминать множество точных н метких черт «быстротекущей жизни», схваченных острым глазом писателя и целиком перенесенных им из жизни на страницы книг, где они продолжают жить, как и в действительности» [9, с. 11]. Чтение [15, 16, 17] А.И. Куприна на уровне лексических формальностей есть увлекательный процесс приобщения к деталям и тонкостям.

Вертикаль пространства у А.И Куприна достаточно фактурна, здесь и некая твердь, и облачная соразмерность, например: «Курильницы благоухали ароматами Аравии и Персии... причудливые фонари лили волшебный свет... в золотых клетках качались пестрые священные птицы, шелковые ткани тяжелыми складками одевали стены...» [9, с. 149]. Другой вариант читаем далее: «Мне казалось, что и птицы пришли в безумный восторг от этого чудесного утра, так они возились в кустах, так щебетали, свистели и чирикали. Боже мой! А у меня-то, у меня-то как в душе пелось, сколько во мне трепетало радости и силы!.. Был ли я когда-нибудь счастливее, чем в эти мгновения? Едва ли [9, с. 180]. Не исключается у А.И. Куприна и модель расширительного порядка: ««Все реже, тише и отдаленнее раздаются: то скрип колес, то нежная малорусская песня, то звонкое лошадиное ржанье, то возня и последнее щебетанье засыпающих птиц, то, наконец, те неведомые, загадочные, прекрасные аккорды ночной гармонии, которую каждый слышал и которую никто не мог ни понять, ни описать...» [9, с. 305]. Модель мира может приобретать и другие очертания: «Вдруг пахнуло ветерком. Привлеченная нашим огнем, мимо нас низко, легко и бесшумно пролетела какая-то большая серая птица. Я вздрогнул. Очарование исчезло, и мне стало немного скучно» [9, с. 504].

Сюжетная основа текстов А.И. Куприна соразмерна [18, 19, 20] настоящей, не вымышленной действительности. Автор все более тяготеет к номинации не только в режиме буквальной картинки, но целого образа. Поэтому, видимо, художественный кадр в рассказах получается многомерным и объемным. Оценка рассказов А.И. Купина с позиций зооморфизма, лексики анималистическог толка показывает неоднозначность суждений, умение писателя передать должное настроение с помощью природного и естественного существа. Собственно этим и интересен А.И. Куприн читателю.

Можно сделать вывод, что проза Александра Куприна в массе контекста начала XX века отлична, зрелищна. Ее основное достоинство в невероятно умелом мастерстве писателя выводить самое важно и ценное на авансцену, позволяя допускать при этом и версию оценки. Рассказы А.И. Куприна отличаются особой направленностью, особым эффектом

гармонии всего со всем; для прозаика важно наметить путь верификации, соединить разные полюса – природный, социальный, философский, эмпирический. Анималистическая лексика у А.И. Куприна это не только назывная часть, но и коннотативная; для писателя является ценным обогатить фон, свести к точке невозврата уже имеющийся онтологический потенциал. Читатель понимает, что образы животного мира в текстах Куприна все чаще становятся заглавными образами, которые трудно заменить настоящими, человеческими типами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Ю.И. Тематическое поле «Домашние животные» в диалектной языковой картине мира / Ю. И. Андреева // Дни науки и инноваций НовГУ : Материалы XXI Всероссийской научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ. В 4-х частях, Великий Новгород, 25 апреля – 13 2022 года / Сост. и науч. редакторы О.В. Алексеева, Г.В. Волошина. Том Часть 1. – Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2022. – С. 8-12. – DOI 10.34680/978-5-89896-813-7/2022.DN-1.01.

2. Боваева Г.М. Лингвокультурные особенности зоолексем диких зверей во фразеологической картине мира / Г. М. Боваева, Т. В. Бураева // Казанская наука. – 2021. – № 10. – С. 131-133.

3. Борисова О.Г. Анималистическая лексика как вербализатор зооморфного культурного кода в диалектной картине мира жителей Кубани / О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2021. – № 2(41). – С. 97-104.

4. Глаголы звуков животных: типология метафор / Ред. Т. И. Резникова, А. С. Выренкова, Б. В. Орехов, Д. А. Рыжова. Сост. Е. В. Рахилина. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 400 с.

5. Кирова М.М. Жанрово-тематическое своеобразие анималистических произведений Ф. А. Искандера / М. М. Кирова // Litera. – 2023. – № 8. – С. 127-140. – DOI 10.25136/2409-8698.2023.8.38756.

6. Козинец С.Б. Зоонимы в образном пространстве языка: метафора, сравнение, фразеологизм / С. Б. Козинец // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2022. – Т. 22, № 3. – С. 254-260. – DOI 10.18500/1817-7115-2022-22-3-254-260.

7. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – 2-е изд., исп. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

8. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

9. Куприн А.И. Собрание сочинений в 6-ти томах. – Т.1. – М.: ГИХЛ, 1957. – 591 с.

10. Маматгереева Д.Ш. Антропонимический корпус в романной трилогии Н. Абгарян «Манюня» / Д. Ш. Маматгереева // Национальный стиль русской литературной классики : Материалы VIII Межвузовской научно-практической конференции, Москва, 07 апреля 2022 года. – Москва: Московский городской педагогический университет, 2023. – С. 169-180.

11. Николаева Н.В. Зоометафора в языковой картине мира разносистемных языков / Н.В. Николаева // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации : сборник материалов II Всероссийской научно-практической онлайн-конференции, Орел, 31 марта 2022 года. – Орел: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2022. – С. 422-428.

12. Портнова И.В. О семантике образа животного в древнерусском искусстве. К предыстории анималистического жанра / И. В. Портнова // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 9(101). – С. 145-149. – DOI 10.24158/fik.2022.9.24.

13. Свистунова И.А. Зоонимические термины-метафоры в английском языке / И. А. Свистунова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2022. – № 4(37). – С. 121-125. – DOI 10.36809/2309-9380-2022-37-121-125.

14. Сторожева А.А. Образ волка в степной анималистике Древней Руси: семантика и поэтика / А. А. Сторожева // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2023. – № 3(80). – С. 84-92. – DOI 10.37724/RSU.2023.80.3.008.

15. Тимофеева О.М. Лингвокультурологический аспект изучения анималистической лексики (на материале английского и русского языков) / О. М. Тимофеева, А. А. Соломатина // Поволжский педагогический вестник. – 2022. – Т. 10, № 4(37). – С. 34-43.

16. Федунина О.В. Криминальный бестиарий: зверь – текст – жанр : Монография / О. В. Федунина. – Тула : Аквариус, 2023. – 148 с.

17. Хетагурова Д.К. Трансформация бестиарных образов в поэтике модернизма (Ф. Сологуб, К. Д. Бальмонт, В. И. Нарбут, Д. Б. Хетагуров, Г. Г. Малиев, И. Арнигон) / Д. К. Хетагурова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 10. – С. 3526-3533. – DOI 10.30853/phil20230543.

18. Цуй Л. Символическое значение зоонима "сова" в русской и китайской лингвистических культурах: контрастивное исследование / Л. Цуй // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 6(97). – С. 441-444. – DOI 10.24412/1991-5497-2022-697-441-444.

19. Черемных Ю.А. Реализация концепта «собака» в русском поэтическом дискурсе / Ю. А. Черемных // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2023. – № 2(29). – С. 106-111.

20. Чжао Т. Образы животных в китайской и русской фразеологии / Т. Чжао // Мультикультурный мир: проблемы прикладных наук и коммуникации : Сборник статей 12-й Всероссийской студенческой научно-практической конференции (с международным участием), Санкт-Петербург, 22 мая 2023 года. – Санкт-Петербург: Российский государственный гидрометеорологический университет, 2023. – С. 228-236.

ANIMAL VOCABULARY IN NARRATORY CONSTRUCTS A.I. KUPRINA

Likhacheva O.N.

The article examines the prose of A.I. Kuprin through the prism of the manifestation of the anamalistic principle in her. For a writer of the early twentieth century, undoubtedly, man is the main object of study, however, the

natural world often penetrates into the texts of A.I. Kuprina. The work is relevant, since in the mass of critical sources this issue is raised quite rarely. Researchers do not pay attention to animalistic vocabulary, although it is significant and plays a special role in the prosaic narratives of I.A. Kuprina. The methodology of work corresponds to analytical, empirical, formal principles. The selection of texts is free, since the main goal is to objectify the existing lexical composition, which is focused on the animal world, animalistic nominations. The material can be used productively when studying the prose of A.I. Kuprin, as well as related thematic works. For texts by A.I. Kuprin, the linguistic composition of animal art is constructive and fundamental, since the realistic principle dominates and is the basis of the plot and imagery.

Keywords: zoonyms, vocabulary, artistic image, Alexander Kuprin, prose, color, space, literary text, animal art, plot, subject.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 811.111

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Гилязева Эмма Николаевна
Кандидат филологических наук, доцент,
Набережночелнинский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
E-mail: emma.giljazeva@mail.ru

Музыкальная терминология функционирует как постоянно развивающаяся система, обогащающаяся новыми терминологическими единицами по мере развития музыкальной науки. Цель настоящего исследования состояла в том, чтобы выявить тематические группы, которые образуют англоязычные музыкальные термины. Анализ позволил сделать вывод, что англоязычные музыкальные термины, извлеченные методом сплошной выборки из учебников по теории музыки, образуют семь основных тематических групп: 1) музыкальные формы и их компоненты, 2) музыкальные инструменты и их составные компоненты, 3) наука о музыке, 4) профессии, специальности в музыкальной сфере, 5) жанры, виды и различные области музыки, 6) музыкальные произведения, 7) музыкальные ансамбли. Результаты исследования привели к выводу, что наиболее продуктивные тематические группы в англоязычной музыкальной терминологии – «музыкальные формы и их компоненты» и «музыкальные инструменты и их составные компоненты».

Ключевые слова: термин, терминология, терминосистема, музыка, тематическая группа.

*****

Динамичный характер терминологии любой области знаний проявляется в количественных и в качественных сдвигах. Термины, которые когда-то были неотъемлемой частью конкретного дискурса, со временем могут устареть и исчезнуть по мере развития языка. Одновременно появляются новые термины, обозначающие либо совершенно новые понятия, либо предлагающие более точную формулировку существующих.

Постоянно меняющийся состав музыкальной терминологии на разных этапах ее развития представляет собой интересную область исследования. В изучение музыкальных терминов с их специфическими свойствами внесли вклад такие ученые, как А. В. Алешинская [1], Н. Г. Ткаченко [6], А. А. Шевчук [7], И. С. Эшматова [8] и др. Динамизм

музыкальной терминологии не только отражает лингвистическую эволюцию, но и дает представление о культурных и концептуальных сдвигах в самой сфере музыки.

Цель данного исследования состояла в выявлении тематических групп, присущих англоязычной музыкальной терминосистеме. Термины были отобраны с помощью метода сплошной выборки из широко распространенных англоязычных учебников современной музыки, ориентированных на разнообразную читательскую аудиторию [12, 13]. Для уточнения значений, заключенных в музыкальных терминах, исследование опиралось на данные, полученные из одноязычных и двуязычных словарей [10; 11].

Терминология является основой языка науки, привлекая все большее внимание как отечественных, так и зарубежных ученых. В иерархии научных дисциплин терминология занимает приоритетное место как самостоятельная дисциплина [3]. В основе теории терминологии лежит стержневое понятие термина. Многочисленные лингвистические исследования посвящены изучению этого понятия как особой языковой единицы, наделенной уникальным значением.

Определение термина представляет собой значительную проблему, учитывая отсутствие общепринятой характеристики в современном языкознании. Отсутствие четкого, исчерпывающего определения, отражающего суть терминов, является примечательной особенностью современного лингвистического научного дискурса, как подчеркнул В.М. Лейчик [5]. Определение понятия термина варьируется в зависимости от области его изучения. Таким образом, его значение в рамках общего понимания очень широко. С этой точки зрения термином можно считать любое понятие, выраженное словом. В более узком смысле термином считается лексическая единица или специальное слово, принятое для обозначения определенного предмета или явления в определенной области знания.

Ученые пытаются сформулировать определение термина, учитывая ключевые критерии, позволяющие отличить его от общеязыковых единиц. К основным критериям относятся связь термина с научным понятием, его взаимосвязь со значениями других терминов внутри конкретной системы, высокий уровень абстракции и его связь с определенной научной или профессиональной областью [4].

В русле этих соображений в данной статье придерживаемся определения термина, предложенного В.М. Лейчиком: термин – это языковая единица, закрепившаяся в рамках исторически сложившейся терминосистемы, служащая для определения понятия и ее положения в более широкой системе взаимосвязанных концепций. Выраженный через слово или сочетание фраз, термин облегчает общение между людьми, объединенными общей специализацией. Важно отметить, что он является неотъемлемой частью словарного запаса языка и подчиняется лингвистическим законам, управляющим данным языком [5, с. 91].

Терминосистема музыки включает совокупность узкоспециализированных понятий, определяемых как музыкальные термины. В контексте музыкального дискурса музыкальный термин трактуется как глубоко специализированное понятие, сопряженное с признанием того, что «терминология искусства, литературы, истории такова, что при их изучении обычно невозможно провести грань между термином и нетермином» [1, с. 5].

В области терминоведения понятие терминосистемы имеет большое значение. Лингвисты подчеркивают, что терминологическая система выходит за рамки простого набора слов; она представляет собой совокупность слов или словосочетаний, определенным образом связанных между собой [2].

Крайне важно различать понятия «терминология» и «терминосистема». Несмотря на то, что эти понятия часто рассматриваются как взаимозаменяемые, терминология не является синонимом системы терминов. Терминология представляет собой совокупность терминов, интегрированных в определенную терминологическую систему.

Современная англоязычная терминологическая система имеет отличительную особенность в своей организации – наличие четко выраженных тематических групп, отражающих семантическую систематичность входящих в нее единиц [2].

В контексте музыкальной терминологии, встречающейся в специализированных текстах по теории музыки, были выделены следующие тематические группы:

1. Музыкальные инструменты и их составные компоненты:

mouthpiece – съемная часть музыкального инструмента, например духового или деревянного духового инструмента, в которую музыкант дует, чтобы произвести звук [10];

sustain pedal – педаль фортепиано, при нажатии на которую струны продолжают вибрировать даже после отпускания клавиш, увеличивая продолжительность или сустейн звука [10];

snare drum – ударный инструмент с металлическими струнами или проволокой, натянутыми по нижней части пластика барабана, создающими характерный дребезжащий или жужжащий звук при игре на барабане [10];

fretboard – передняя поверхность грифа струнного инструмента, особенно гитары, отмеченная металлическими полосками (ладами), которые определяют высоту нот при нажатии пальцами [10] и др.

2) музыкальные ансамбли:

string quartet – ансамбль камерной музыки, состоящий из четырех струнных инструментов: двух скрипок, альта и виолончели [10];

brass quintet – небольшой ансамбль, состоящий из пяти духовых инструментов, обычно трубы, валторны, тромбона, эуфониума и тубы [10];

chamber orchestra – оркестр меньшего размера по сравнению с полным оркестром, часто без дирижера, предназначенный для исполнения камерной музыки [10];

jazz combo – небольшая группа джазовых музыкантов, обычно состоящая из ритм-секции (фортепиано, бас-гитара, барабаны) и одного или нескольких мелодичных инструментов (например, саксофон или труба), участвующая в импровизационных джазовых выступлениях [10];

woodwind quintet – камерный ансамбль, состоящий из флейты, гобоя, кларнета, фагота и валторны [10];

rock band – группа музыкантов, обычно состоящая из вокалиста, гитариста, басиста и барабанщика, исполняющая современную популярную музыку в жанре рок [10] и др.

3) профессии, специальности в музыкальной сфере:

sound engineer – специалист, отвечающий за технические аспекты звукозаписи и усиления во время живых выступлений, обеспечивающий оптимальное качество звука [10];

arranger – музыкант или композитор, который адаптирует и реорганизует музыкальные композиции для различных инструментов или ансамблей [10];

concertmaster – главный скрипач или первый скрипач оркестра, отвечающий за руководство струнной секцией и часто исполняющий сольные отрывки [10];

music critic – профессионал, который оценивает и анализирует музыкальные исполнения, композиции и записи, предоставляя обзоры и идеи посредством письменной или устной критики [10] и др.

4) жанры, виды и различные области музыки:

reggae – жанр ямайской музыки, характеризующийся характерным ритмическим рисунком, обычно с необычными акцентами и социально ориентированными текстами [10];

bluegrass – жанр музыки американских корней, часто характеризующийся акустическими струнными инструментами, такими как банджо, скрипка и мандолина [10];

opera – форма музыкального театра, сочетающая в себе пение, актерское мастерство и оркестровую музыку [10];

salsa – жанр латиноамериканской музыки и танца, связанный с кубинскими и пуэрториканскими традициями; включает разнообразные влияния: джаз, афро-кубинские ритмы и другие латинские стили [10] и др.

5) музыкальные произведения:

aria – самостоятельная выразительная мелодия, исполняемая солистом в опере или оратории [10];

prelude – короткое музыкальное произведение, обычно для фортепиано, служащее вступлением к более крупному произведению [10];

ballad – повествовательная песня, часто на романтическую тему [10];

rondo – музыкальная форма, в которой повторяющаяся основная тема перемежается контрастирующими частями [10];

cadenza – виртуозный сольный отрывок концерта или другого расширенного произведения, часто ближе к концу, позволяющий исполнителю продемонстрировать свои технические навыки и интерпретацию [10] и др.

6) музыкальные формы и их компоненты:

coda – заключительная часть музыкальной композиции, обычно служащая заключением или завершением [10];

staccato – стиль музыкальной артикуляции, при котором каждая нота резко отделена от других. Отрывки стаккато отмечены короткими и отчетливыми звуками [10];

harmony – одновременное сочетание различных музыкальных нот для образования аккордов [10];

ritardando – постепенное замедление темпа музыкального произведения [10];

ostinato – повторяющийся музыкальный мотив или образец, который сохраняется на протяжении всей композиции [10] и др.

7) наука о музыке:

harmonic series – последовательность музыкальных тонов, математически связанных, причем каждый тон имеет частоту, кратную основной частоте [10];

counterpoint – искусство сочетать различные мелодии гармоничным, интересным и приятным способом [10];

diatonic scale – семинотная гамма, состоящая из определенного набора целых и полутонов [10] и др.

Представим количественное соотношение выделенных тематических групп англоязычных музыкальных терминов (Рис. 1).

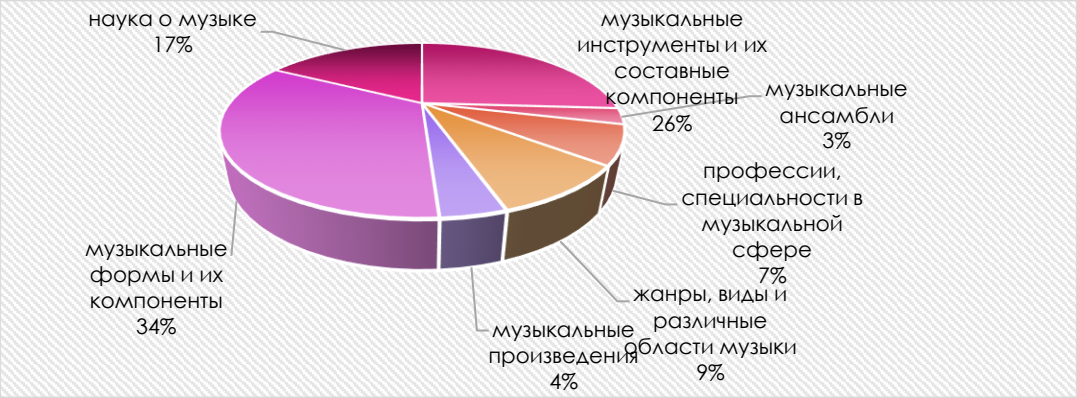

Рисунок 1 – Количественное соотношение выделенных тематических групп англоязычных музыкальных терминов

Тематическое распределение музыкальных терминов в проанализированных англоязычных текстах по теории музыки позволило выделить их продуктивные группы.

Тематическая группа «музыкальные формы и их элементы» (34%), составляющая самую большую часть, включает структурные и организационные аспекты музыкальных произведений. Тематическая группа «музыкальные инструменты и их компоненты» (26%) отражает разнообразный мир музыкальных инструментов и их составных частей, являясь второй по продуктивности тематической группе. Тематическая группа, посвященная науке о музыке (17%), подчеркивает теоретические основы и систематические аспекты музыкальных знаний. Далее следуют в порядке убывания продуктивности тематические группы «профессии и специальности в музыкальной сфере» (7%), «жанры, виды и различные области музыки» (9%), «музыкальные произведения» (4%) и «ансамбли» (3%).

Современная музыкальная терминология представляет собой относительно устойчивую лексико-семантическую систему. Эта система динамична, находится в постоянном движении и постепенном совершенствовании. Одна из отличительных особенностей терминологии сферы музыки заключается в наличии четко определенных тематических групп, демонстрирующих присущую этим специализированным единицам семантическую системность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешинская Е.В. Современный американский музыкальный термин / Е.В. Алешинская // автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Нижний Новгород, 2008. – 26 с.

2. Базарова Л.В. Подходы к классификации терминов / Л. В. Базарова, Э. Н. Гилязева, Д. Д. Хайруллина, Э. М. Вильданова // Reports Scientific Society. – 2023. – № 3(35). – С. 13-16.

3. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие / Е.И. Голованова. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 224 с.

4. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – Москва: Высшая школа, 1987. – 105 с.

5. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – Москва: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.

6. Ткаченко Н. Г. К истории музыкальной терминологии // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва: «Филология», 1998. № 5. – С. 69-80.

7. Шевчук А. А. Особенности перевода терминов в сфере электронной музыки // Язык и культура: Сборник статей XXVIII Международной научной конференции (25-27 сентября 2017 г.) / отв. ред. С. К. Гураль. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. – С. 262-269.

8. Эшматова И.С. Семантическая и функциональная классификация музыкальной терминологии русского и таджикского языков: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. н. – Душанбе, 2013. – 152 с.

9. Англо-русский словарь музыкальных терминов // URL: http://opentran.net/dictionaries/ (дата обращения: 06.12.2023).

10. OnMusic Dictionary // URL: https://dictionary.onmusic.org/ (дата обращения: 06.12.2023).

11. Schmeling P. Berklee Music Theory, Book 1. Berklee Press; 2nd edition, 2005. – 120 p.

12. Schmeling P. Berklee Music Theory, Book 2. Berklee Press; 2nd edition, 2005. – 85 p.

THEMATIC ORGANIZATION OF ENGLISH MUSICAL TERMINOLOGY

Gilyazeva Emma Nikolaevna

Musical terminology functions as a constantly evolving system, enriched with new terminological units as music science develops. The purpose of this study was to identify thematic groups that form English musical terms. The analysis allowed us to conclude that English musical terms, extracted using a continuous sampling method from music theory textbooks, form seven main thematic groups: 1) musical forms and their components, 2) musical instruments and their components, 3) the science of music, 4) professions, specialties in the musical field, 5) genres, types and various areas of music, 6) musical works, 7) musical ensembles. The results of the study led to the conclusion that the most productive thematic groups in English musical terminology are “musical forms and their components” and “musical instruments and their components.”

Keywords: term, terminology, terminological system, music, thematic group.

УДК 811.111

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ И СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АРХИТЕКТУРНЫХ ТЕРМИНОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Мерешкова Хэди Рашидовна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры
"Иностранные языки и межкультурная коммуникация",
ФГБОУ ВО "Ингушский государственный университет"
E-mail: mereshkova2020@mail.ru

Терминология архитектуры представляет собой отдельную самостоятельную область в научной картине мира, привлекая внимание лингвистов, архитекторов и строителей. В работе проводится словообразовательная классификация и выделяются структурные типы архитектурных терминов английского языка, отобранных методом сплошной выборки из лексикографических источников. Анализ показал, что английские архитектурные термины представлены терминами-словами и терминами-словосочетаниями. В ходе анализа было установлено, что префиксальный и суффиксальный способы являются наиболее продуктивными средствами терминообразования в английской архитектурной терминологии. Наименее продуктивный путь формирования архитектурной терминологии в английском языке проявляется через метафоризацию.

Ключевые слова: термин, терминология, терминообразование, архитектура, морфологический способ, словосложение.

*****

На современном этапе лингвистической эволюции происходит заметное и динамичное усовершенствование нормативной базы, что вызывает необходимость систематической и последовательной обработки терминологического фонда. Терминология архитектуры требует урегулирования, поэтому ее изучение и систематизация приобретает особую актуальность.

В широком контексте архитектура концептуализируется в рамках «искусства проектирования и строительства сооружений, решающих эстетические и социальные проблемы» [11].

Термин как единица языка и научного дискурса неразрывно связан с системой других понятий и терминов. В ходе научных исследований возникают теоретические системы, создающие структурированную основу для понимания и формулирования знаний. Терминологическая система в этом контексте предстает как важная речевая модель, заключающая в себе систему профессиональных понятий, действующая как конденсированное выражение общего понимания в конкретной области знаний.

В исследовании терминосистем О.Ю. Шмелева применяет комплексный подход, рассматривая как синхронные, так и диахронические аспекты, определяя терминологическую систему как

сложную систему терминов, основанную на классификации понятий. При этом О.Ю. Шмелева подчеркивает необходимость того, чтобы единицы терминосистемы не только отражали свою индивидуальную специфику, но и передавали общность с другими терминированными понятиями [10, с. 18].

Т.Р. Кияк, рассматривая термин как лексическую единицу, концептуализирует терминосистему как тщательно упорядоченную совокупность терминов для адекватного формулирования системы понятий в рамках специализированной сферы человеческой деятельности. Важно отметить, что в этой системе термины не являются изолированными, а неразрывно связаны между собой, что предопределяет его внутреннюю организацию и общую структуру [6].

Сегодня насчитывается более трех тысяч определений понятия «термин», однако его содержание не выяснено до конца. Терминологи признают сложность его дефиниции и объясняют этот факт наличием различных дисциплин, которые используют это понятие: лингвистика, конкретные специальности, логика и философия. Такое разнообразие требует разнообразных подходов и интерпретаций [4, с. 165].

Понятие «термин» выходит за рамки понятия «терминологическая система»; он имеет основополагающий статус в сфере науки. Выполняя функцию стержня, термин обеспечивает точность, ясность и понятность научной мысли [8]. Терминологические единицы считаются универсальными лингвистическими средствами, облегчающими описание, категоризацию и систематизацию фактической реальности посредством конкретного мышления [7]. Описываемый как структура, аккумулирующая знания, термин играет важную роль в научном общении и профессиональной деятельности в научной области [1].

С традиционной точки зрения, изложенной С.В. Гринёвым, термин определяется как особая лексическая единица, будь то слово или словосочетание, в пределах специализированного языка. Его основная функция – точное наименование специальных понятий [3]. В данной работе термин понимается как единица, присущая исторически сложившейся терминосистеме, которая не только определяет конкретное понятие, но и очерчивает его положение в более широкой системе взаимосвязанных понятий. Термин выражается через слова или словосочетания и служит средством общения между людьми, объединенными общей специализацией. Термин относится к словарному запасу языка и придерживается его правил.

В данном исследовании под «архитектурной терминологией» понимаются лингвистические единицы, предназначенные для обозначения специальных понятий в области архитектуры.

Методология исследования включает анализ архитектурных терминов английского языка, отобранных с помощью сплошной выборки из лексикографических источников. Исследование направлено на выявление и описание основных способов и средств, используемых при формировании архитектурных терминов.

1. Морфологический способ образования архитектурных терминов.

а) Префиксальный способ образования архитектурных терминов.

В исследуемой области было выявлено значительное количество терминов, образованных с помощью префиксов. Приведем примеры таких терминологических единиц:

ante-: antechamber (небольшая комната или помещение, расположенное перед основным помещением), antefix (декоративный орнамент на карнизе классического здания, обычно используемый для скрытия концов черепицы), anteroom (комната, расположенная перед основной комнатой и часто служащая переходным пространством), ante-solarium (балкон или платформа, обращенная к солнцу, часто обеспечивающая солнечное открытое пространство) и др.

archi-: archicreation (обращение к новаторскому и инновационному архитектурному творению), archistyle (обозначает особый стиль, связанный с известным архитектором), archifoundation (обозначает основополагающие принципы или концепции архитектурного дизайна), archimansion (представляет собой архитектурно значимую и грандиозную резиденцию), archiform (описание конструкции, характеризующейся уникальной и самобытной архитектурной формой) и др.

dis-: dissymmetry (отражение намеренного отсутствия симметрии в архитектурном дизайне), disassemblage (описание преднамеренной разборки или деконструкции архитектурных компонентов), disconvergence (означает расхождение или разделение архитектурных элементов), disintegration (описание намеренного разрушения архитектурных элементов для достижения художественного эффекта), dispersed (представление архитектурного макета, характеризующегося разбросанными элементами) и др.

en-: enroof (относится к процессу устройства крыши или кровельного покрытия архитектурного сооружения), enclosure (обозначает ограждающие конструкции здания), eninterior (относится к архитектурным элементам, расположенным внутри конструкции), enconstruct (обозначает процесс конструирования или создания архитектурных элементов) и др.

in-: inarchitect (человек, специализирующемуся на внутренних архитектурных особенностях строения), incorridor (описание архитектурной особенности коридора), inreform (обновление или реформа архитектурного дизайна), inscribe (резьба или надписи на архитектурных элементах) и др.

trans-: transilluminate (описание архитектурного эффекта света, проходящего через конструкцию), transmutation (означает трансформацию или изменение архитектурной формы), transboundary (относящийся к архитектурным элементам, выходящим за пределы границ или границ), transfacade (представление архитектурного фасада, охватывающего несколько поверхностей) и др.

Из проанализированных префиксов самыми продуктивными оказались: ante- (= перед), archi- (= главный); in- (= внутри).

б) Суффиксальный способ образования архитектурных терминов.

Суффиксальный способ предполагает добавление суффиксов к базовым словам, придающих оттенки значения, функций или категорий в архитектурной сфере. В нашем анализе мы выявили в общей сложности 13 суффиксов, которые с разной частотой встречаются в терминах, используемых в специализированной литературе по архитектуре.

Приведем примеры наиболее продуктивных:

-able: adjustable panel (панель, которую можно модифицировать или регулировать в соответствии с конкретными требованиями), fabricable structure (относится к конструкции, которую легко обработать или

изготовить во время строительства), mountable curb (бордюр, изготовленный из модульных блоков, что позволяет легко собрать его), movable partition (раздел, который можно перемещать или корректировать по мере необходимости) и др.

-al: acoustical ornament (элементы, предназначенные для улучшения акустики помещения), internal partitional (относится к характеристике или функции, связанным с внутренними перегородками), periglacial structure (структура, спроектированная или адаптированная к перигляциальным условиям) и др.

-ation: foundation articulation (точка соединения или шарнира в конструкции фундамента), rectification column (колонна, предназначенная для процесса ректификации или очистки), deformation base (фундаментальная база, способная выдерживать деформации) и др.

-ent: tangent arch alignment (прямое выравнивание или размещение касательных дуг), crescent rib arching (архитектурная особенность арки с непрерывным ребром), ambient (окружающий, наружный) и др.

-ical: graphical framework (структура, характеризующаяся графическими представлениями), gertical curb (прямой бордюр, используемый для определения краев в вертикальных приложениях), spherical dome (купол, имеющий сферическую или шарообразную форму) и др.

-ing: waterproofing layer (слой, наносимый для предотвращения проникновения воды), breaking joint (стык или шов, намеренно расположенный в шахматном порядке), pouring structure (конструкция, образующаяся путем заливки и схватывания бетонной смеси) и др.

-less: hingeless frame (рама, характеризующаяся жесткой бесшарнирной конструкцией), girderless bridge (конструкция моста без традиционных балок), columnless hall (архитектурное пространство, лишенное обычных колонн) и др.

Следует заметить, что суффикс -ery относится, в основном, к помещениям (monastery = монастырь), -ian к происхождению (corinthian = коринфийский), -ical к форме (spherical = сферический), -ing к процедуре (paneling = обшивка панелями) и -less означает «отсутствие» (aisless = без нефов).

в) Префиксально-суффиксальный способ образования архитектурных терминов.

Префиксально-суффиксальный способ предполагает объединение префиксов и суффиксов для создания слов, передающих определенное значение в сфере архитектуры. Этот способ не так распространен, как другие, описанные выше. Приведем примеры: adjacent (structure) (относится к структурам, расположенным поблизости или примыкающим к ним), addorsed (расположение спина к спине, особенно в отношении парных фигур людей или животных в архитектурных украшениях), enclosure (сооружение или барьер, окружающий или ограждающий определенную территорию), incrustation (встраивание декоративных элементов в поверхность) и др.

Использование производных терминов оказывается довольно продуктивным способом пополнения англоязычной архитектурной терминологии. Несмотря на широкое использование производных терминов, они выполняют важную функцию, точно обозначая понятия,

обладающие особыми характеристиками, присущими сфере архитектурной деятельности. Это особенно важно в такой сложной и многомерной области, как архитектура, где точность коммуникации имеет первостепенное значение.

2. Словосложение как способ образования английских архитектурных терминов.

Словосложение как способ терминообразования представляет собой объединение основ лексем для создания новых специализированных терминов. Приведем примеры: strapwork (переплетающийся орнамент), sandstone (песчаник), bargeboard (доска, закрывающая фронтонные стропила), clapboard (вагонка), cornerstone (краеугольный камень), skylight (мансардное окно; стеклянная крыша), blackwood (черное дерево), bead-and-reel (орнамент из перемежающихся шариков с роликами), hardwood (твердая древесина), backdrop (фон) и др.

Эффективность словосложения становится более очевидной при рассмотрении сложных терминов, образованных путем соединения слов с элементами аффиксации: close-studding (декоративная стойка), wood-fibered plaster (гипсовая штукатурка с наполнителем-древесным волокном), weatherboarding (обшивка досками внахлест), high-pitched roof (крыша с крутыми скатами), five-aisled arch (пятицентровая арка) и др.

Словосложение в архитектурной терминологии способствует краткому выражению сложных идей и особенностей.

3. Метафоризация как способ образования архитектурных терминов.

По мнению Л.В. Ивиной, «метафорическая номинация представляет собой один из наиболее масштабных и продуктивных процессов словообразования в современной речевой деятельности; метафору можно охарактеризовать как один из основных источников терминообразования» [5, с. 47].

Сущность метафоризации заключается в переносе значения из исходной области, часто укорененной в повседневном опыте, в целевую область, которая включает в себя специфическую терминологию архитектуры. Этот образный язык обогащает архитектурный дискурс, предоставляя яркие и запоминающиеся термины, которые отражают суть сложных архитектурных явлений.

Приведем примеры образования архитектурных терминов путём метафоризации: drum («барабан» в архитектуре сравнивает вертикальную цилиндрическую часть конструкции с формой барабана, часто используемой для описания цилиндрического основания купола), arch («арка» метафорически относится к изогнутой конструкции, напоминающей форму арки или дуги, обычно используемой в различных архитектурных элементах), barrel (в архитектурном плане «бочка» обычно относится к сводчатому или арочному потолку, напоминающему цилиндрическую форму бочки), bead-and-reel (этот термин метафорически описывает образец архитектурного орнамента, напоминающий серию катящихся бусинок, способствующих декоративной детализации), fish shaped pattern (термин метафорически относится к архитектурному орнаменту, напоминающему форму рыбы, добавляющему уникальный визуальный элемент), knot (в архитектуре термин «узел» метафорически уподобляет декоративный элемент

замысловатым и скрученным узорам, напоминающим цветы и листья) и др.

Таким образом, в английском языке наблюдается достаточно широкое использование лексики в переносном значении.

В ходе анализа терминов, представленных в виде словосочетаний, стали очевидными основные принципы организации многокомпонентных терминов. Среди проанализированных терминов двухкомпонентные составили 28% от общего числа. Остальные многокомпонентные термины (трёх-, четырёх- и более) составляют 14% от всех отобранных нами терминов.

Были выделены следующие модели образования двухкомпонентных терминов:

1. «прилагательное + существительное»: gothic arch (арка, характерная для готической архитектуры), chamfered lintel (скошенная притолока), stained glass (стекло с добавлением цветов в декоративных целях), recessed doorway (дверной проем, отодвинутый назад или с углублением), corrugated metal (ребристый металл) и др.

2. «существительное + существительное»: gable roof (крыша с двумя скатами), clay tile (керамическая плитка), brick facade (передняя внешняя сторона здания, сделанная из кирпича), bay window (окно, выступающее наружу из основных стен), stone arch (арка, построенная из камней) и др.

Среди трехкомпонентных терминов наиболее часто встречающимся оказался способ образования «прилагательное + прилагательное + существительное»: jettied upper floor (верхний этаж, нависающий над нижним уровнем), fluted ionic pilaster (декоративная колонна с рифленой отделкой в ионическом ордере.); broken segmental pediment (фронтон арочной, ломаной формы) и др.

Приведем количественные данные по структурному анализу и способам образования англоязычных архитектурных терминов (Рис.1, Рис.2).

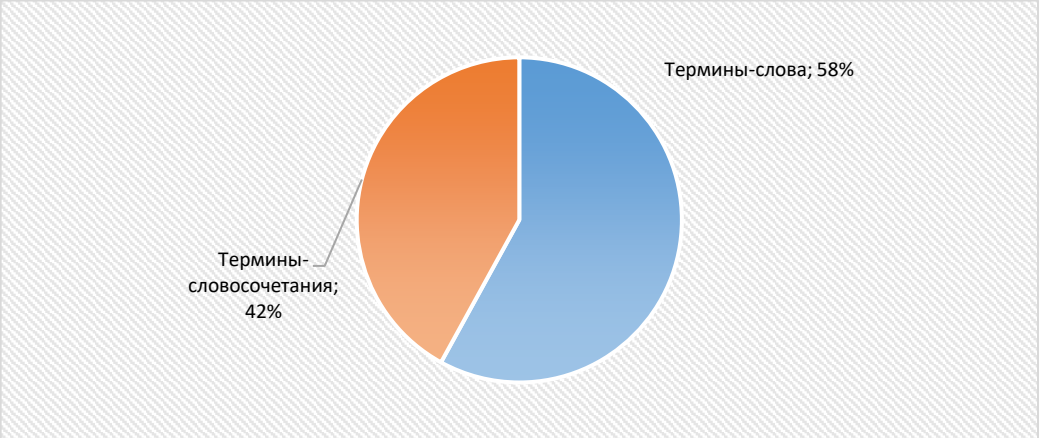

Рисунок 1 – Структурные типы архитектурных терминов в английском языке

Изучение архитектурной терминологии в английском языке выявило ее разнообразное представление в двух основных категориях: словесных терминах и терминах-словосочетаниях. Архитектурные термины, отнесенные к категории словесных терминов, представляют собой выражения из одного слова, которые содержат названия определенных

архитектурных элементов, материалов, стилей или функций. Термины-словосочетания состоят из нескольких слов или компонентов, которые в совокупности передают более конкретное архитектурное понятие. Эти термины часто включают комбинации прилагательных и существительных для выражения сложных архитектурных характеристик.

Термины-слова в англоязычной архитектурной терминологии превалируют над терминами-словосочетаниями.

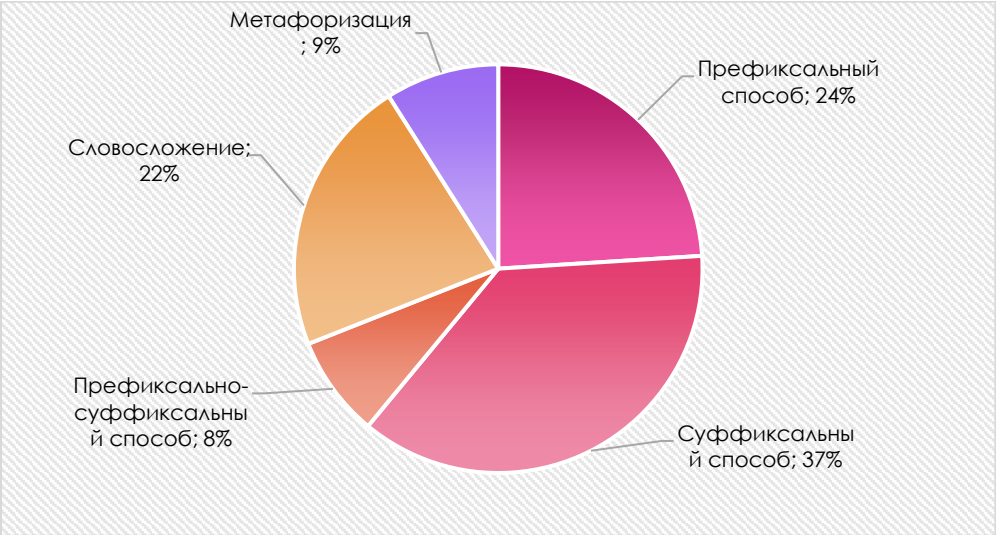

Рисунок 2 – Продуктивные способы образования архитектурных терминов в английском языке

Построение архитектурных терминов в английском языке включает в себя несколько морфологических способов, каждый из которых вносит значительный вклад в богатство архитектурного словаря. Важнейшими компонентами этого процесса являются префиксальный метод, составляющий 24%, и суффиксальный метод, составляющий 37%. Вместе с комбинированным использованием префиксов и суффиксов, составляющих 8% терминов, эти морфологические способы терминообразования в совокупности составляют 69% архитектурной терминологии. Словосложение представляет собой объединение слов в новый термин, что составляет 22% архитектурной терминологии.

Комплексное исследование способов образования и структурных особенностей архитектурных терминов в английском языке позволяет сделать следующие ключевые выводы:

1. архитектурные термины демонстрируют структурную дихотомию: 58% классифицируются как простые (состоящие из одного слова), а 42% – как сложные (состоящие из нескольких слов или словосочетаний);

2. сложные термины, характеризующиеся объединением отдельных значимых слов, преобладают в архитектурном языке; наиболее распространенные модели формирования двухкомпонентных словосочетаний включают «существительное + существительное» и «прилагательное + существительное».

3. префиксальные и суффиксальные способы образования терминов оказываются весьма продуктивными и вносят значительный вклад в архитектурный лексикон. Вместе эти морфологические подходы

составляют 61% (24% для префиксов и 37% для суффиксов) архитектурных терминов, что подчеркивает их важность в передаче точных значений.

4. метафоризация, доля которой составляет 9%, выделяется как наименее продуктивный способ формирования архитектурной терминологии на английском языке – это наблюдение связано с присущей архитектурным терминам семантической спецификой, предполагающей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базарова Л. В. Структурные особенности нозологических терминов-словосочетаний английского и русского языков / Л. В. Базарова, Э. Н. Гилязева // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2017. – № 4. – С. 185-189.

2. Бгашев В. Н. Учебный англо-русский иллюстрированный словарь-справочник по архитектуре и строительству: учеб. пособие / В. Н. Бгашев. – М.: Высшая школа, 2005. – 216 с.

3. Гринев С.В. Введение в терминоведение. – М.: Московский лицей, 1993. – 309 с.

4. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение. – М. Издательский центр «Академия», 2008. – 304 с.

5. Ивина Л. В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования): Учебно-методическое пособие. – М.: Академический Проект, 2003. – 304 с.

6. Кияк Т.Р. Лингвистические аспекты терминоведения: Учеб. пособие / Т. Р. Кияк; М-во высш. и сред. спец. образования УССР Учеб.-метод. каб. по высш. образованию, Черновиц. гос. ун-т. – Киев: УМКВО, 1989. – 104 с.

7. Клестер А. М. К вопросу о категориальном членении научного и обыденного знания / А. М. Клестер, Н. Ю. Шнякина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 1(54). – С. 144-150.

8. Лантюхова Н. Н. Термин: определение понятия и его сущностные признаки / Н. Н. Лантюхова, О. В. Загоровская, Т. А. Литвинова // Вестник Воронежского института ГПС МЧС России, 2013, выпуск № 1 (6).

9. Широкова Л. Н. Новый англо-русский и русско-английский словарь по архитектуре, строительству и недвижимости = New English-Russian and Russian-English Dictionary of Architecture, Construction and Real Estate / Л. Н. Широкова. – М.: Живой язык, 2009. – 275 с.

10. Шмелева О.Ю. Терминологические процессы в диахронии и синхронии (на материале английского языка). – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – 120 с.

11. Толковый строительно-архитектурный словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://building.slovaronline.eom/A (дата обращения: 5.12.2023).

METHODS OF FORMATION AND STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF ARCHITECTURAL TERMS OF THE ENGLISH LANGUAGE

Mereshkova H.R.

Architectural terminology is a separate independent area in the scientific picture of the world, attracting the attention of linguists, architects and builders. The work carries out a word-formation classification and identifies structural types of architectural terms in the English language, selected by a continuous sampling method from lexicographic sources. The analysis showed that English architectural terms are represented by word terms and phrase terms. During the analysis, it was found that the prefix and suffix methods are the most productive means of term formation in English architectural terminology. The least productive way of forming architectural terminology in the English language is through metaphorization.

Keywords: term, terminology, term formation, architecture, morphological method, composition.

УДК 811.111

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ВЕРБАЛЬНЫХ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Первак Татьяна Владимировна
Кандидат филологических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»,
факультет романо-германских языков, кафедра германской
и романской филологии
E-mail: alexfirst@yandex.ru

В статье представлен анализ лингвостилистических особенностей англоязычных вербальных товарных знаков, выполненный в русле актуального сегодня дискурсивного подхода. Исследование обусловлено необходимостью понимания языковых механизмов воздействия на адресата рекламного сообщения, поскольку целью изучаемых вербальных товарных знаков является побуждение адресата к приобретению рекламируемых товаров или услуг. В ходе исследования выявлено, что вербальные товарные знаки имеют ряд лексических, стилистических и синтаксических особенностей. Наиболее частотными лингвостилистическими средствами воздействия на покупателя, используемыми в англоязычных вербальных товарных знаках, оказались оценочная лексика, метафоры и императивы.

Ключевые слова: реклама, рекламный дискурс, вербальный товарный знак, английский язык.

*****

Реклама является уникальным социокультурным явлением: ее формирование обусловлено социальными, психологическими, лингвистическими факторами, особенностями массового «эстетического сознания» социума и его культурными традициями [4]. Основной целью рекламы как специфической разновидности коммуникации являются всевозможные средства повлиять на прагматическую сферу потребителей рекламы – активизировать интерес адресата и создать благоприятные условия для закрепления рекламного дискурса в сознании реципиента [6].

Современный подход к изучению дискурса рассматривает его как сочетание идей формального подхода (начало которого связывают с именем З. Харриса) [12] и функционального подхода (берущего свое начало от трудов Э. Бенвениста) [3]. С таких позиций дискурс представляется целостной совокупностью функционально организованных единиц языка, интерпретация которых предполагает учет социально, психологически и культурно значимых условий и обстоятельств общения, а дискурсивный анализ концентрируется на выявлении степени и характера влияния различных факторов коммуникативно-речевой деятельности: непосредственного ситуативного контекста и более

широкого экстралингвистического фона на формирование особенностей текста [8].

В.И. Карасик выделяет два особых типа дискурса с позиции социолингвистики: персональный (индивидуально-ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный) дискурс. В первом говорящий выступает как личность со своим богатым внутренним миром, а во втором – как представитель той или иной социальной группы [7]. Именно в коммуникативной среде наряду с другими типами институционального дискурса существует рекламный дискурс, который на современном этапе общественного развития оказывает значительное влияние на формирование массовой культуры и массового сознания.

Рекламный дискурс понимается как завершенное в смысловом и композиционном плане общение со строго ориентированной прагматичной установкой, сочетающей признаки устной и письменной коммуникации с комплексом лингвистических и экстралингвистических средств, которые существуют в форме комплекса семиотических кодов – вербальных что, в свою очередь, приводит его персуазивный потенциал и способность достичь его главной цели – убедить потребителя.

Для реализации потенциала рекламы используются рекламные тексты, рассматриваемые как «функционально организованные экстралингвистическими и лингвистическими знаками сообщения» [11, с. 190], «завершенные речевые произведения» [2, с. 222], «холистические образования, макрознаки» [9, с. 92], которые характеризуются спецификой формы, содержания, коммуникативной функции и прагматичной интенции.

В большом разнообразии продукции на современном рынке потребителям необходимо иметь ориентир, позволяющий им выбирать товары по своему вкусу среди аналогичных конкурентоспособных товаров. Следовательно, товары должны иметь имена, и именно товарный знак является средством для различения однородных товаров на рынке. Товарные знаки служат своим владельцам рекламой и помогают совершенствовать коммерциализацию товаров и услуг, предоставляемых предприятиями.

В лингвистике до сих пор нет четкого определения понятия «вербальные товарные знаки». Рассматривая это явление, Н. А. Стадульская указывает на то, что они «образуются в соответствии с речевой и речевой нормой, а также выступают в качестве вторичных (метафорических и метонимических) наименований» [10, с. 1496]. По определению О. В. Глуховой, вербальные товарные знаки – один из видов товарных знаков, являются оригинальными, часто искусственно созданными словами и словосочетаниями [5, с. 7]. А. А. Акимова считает вербальным товарным знаком «буквенное обозначение товарного знака, которое можно выразить словами» [1, с. 65]. Итак, вербальный товарный знак в лингвистике определяется как буквенное обозначение товарного знака, выраженное словами.

Анализ лингвостилистических параметров вербальных товарных знаков в англоязычном рекламном дискурсе показал, что они имеют ряд лексических, стилистических и синтаксических особенностей.

На лексическом уровне основными языковыми характеристиками вербальных товарных знаков является использование собственных названий (названий рекламируемых продуктов и услуг), оценочной

лексики, контекстуальной антонимии и стилизации лексики под заимствование. Рассмотрим их более подробно.

Названия рекламируемых товаров или услуг являются важным компонентом вербального товарного знака. Именно они позволяют бренду стать запоминающимся в сознании потенциального потребителя. При этом следует отметить, что родовое название продукта или услуги, хоть и может указываться в вербальном товарном знаке, например, "*Food tastes better with Hellmann's Ketchup*", однако чаще не указывается, поскольку изображение дает адресату возможность интерпретировать такое родовое название:

"*It's time to join MyBody*";

"*Just you, your ideas and Praktiker*";

"*Chicken Royale. Have it your way*".

Достаточно важным средством воздействия на адресата является использование оценочной лексики. Эффективность использования оценочной лексики как средства убеждения состоит в том, что при многократном повторении выражаемая идея начинает становиться читателю более близкой, а потому положительная оценка в тексте вербального товарного знака потенциально может превратиться в положительную оценку рекламируемого товара или услуги потребителем. Рассмотрим на примерах.

В рекламе пива: "*We're for the real thing*" оценочное сочетание *the real thing* позволяет положительно оценить избегание виртуализации и стремление к живому общению. В рекламе милкшейка: "*The real milkshake*" прилагательное *real* используется для того, чтобы отделить рекламируемый продукт от продуктов из ненатурального молока. Подобным образом в рекламе мороженого: "*Pure milk ice cream*" прилагательное *pure* используется для того, чтобы акцентировать внимание на чистоте молока, из которого делают мороженое, то есть, на отсутствии примесей, что делает его конкурентоспособным.

Кроме того, прямая эмоциональная оценка позволяет передать отношение рекламодателей к рекламируемому, а следовательно, прямо транслировать его читателю. Например, товар можно называть прелестным: "*Yours lovely breakfast*"; ценным: "*The most precious gift*"; редким: "*Because it is rare to be proud of a stain*".

Оценочная лексика также используется для обозначения преимуществ приобретаемых товаров или услуг. Вербальный товарный знак может прямо указывать на наличие преимуществ: "*Double advantage*"; так и описывать их через стандартные компоненты системы ценностей человека: "*Become one of the freshest smelling places on Earth*"; или давать им утилитарную оценку: "*Precision Parking*". К тому же вербальный товарный знак может содержать положительную оценку самой компании-производителя: "*Seeing what doesn't exist yet. That's our strength*".

Следующим средством воздействия на адресата является использование контекстуальной антонимии, например, в рекламе авто: "*For road to the track*", где слова *road* и *track* используются для обозначения противоположных типов дорог для того, чтобы показать, насколько универсальным является рекламируемое авто.

К стилизации под заимствование авторы рекламы прибегают с целью сделать текст более «изысканным» или придать ему дополнительные культурные смыслы. Например, один из продуктов от

McDonald's называется *Filet-O-Fish*, что создает у читателя ассоциацию с Францией – родиной лучших кулинаров.

Основными стилистическими параметрами вербального товарного знака являются эпитет, метафора, персонификация, игра слов и аллюзия.

В частности, использование эпитетов позволяет точно, кратко и образно охарактеризовать объект рекламы, например: "*Big fat sound*". В этом случае подчеркивается, что рекламируемая музыкальная аппаратура дает объемный качественный звук.

Часто в вербальных товарных знаках используются метафоры, позволяющие через ассоциации представить адресату именно тот образ, который необходим рекламодателю. В частности, метафоры могут характеризовать связи рекламируемого объекта с другими отраслями жизни, например связь рекламируемой пищи и образования: "*A new taste for knowledge*".

В других же случаях метафора просто создает образ продукта или потенциального покупателя, например: "*Don't be the weakest link in the information security chain*". В этом случае рекламируется продукция ИТ-компании, занимающейся информационной безопасностью, сама информационная безопасность представляется как цепочка, а те компании, которые игнорируют проблемы информационной безопасности – как слабые звенья такой цепи. Таким образом, посредством метафоры авторы рекламы агитируют лиц обратить внимание на информационную безопасность.

Вербальный товарный знак компании, занимающейся продвижением бизнеса, содержит следующую метафору "*We help your business take flight*". В этом случае метафора состоит в том, что продвижение бизнеса сравнивается со взлетом самолета, то есть подъем уровня бизнеса дополнительно гиперболизируется через расстояние.

Следующий пример – реклама продукта питания: "*Hell chili*". В этом случае соус чили изображается не просто как острый, а как «адский». Как и в предыдущем примере, метафора приводит к художественному преувеличению свойства продукта.

В рекламе молока используется метафора: "*Winners are made of Milk*". В этом случае метафора указывает на то, что молоко является строительным материалом для организма, поэтому анализируемая метафора призвана показать, насколько важным в жизни человека является употребление молока.

В отдельных же случаях метафора просто создает образность в тексте, прямо не представляя характеристики рекламируемого товара или услуги, например: "*When inspiration strikes*". В этом случае реклама Ebay концентрируется не на самом сервисе, а на чувствах, испытываемых лицом, пользуясь сервисом. Таким образом, метафора позволяет определить целевую аудиторию компании – вдохновенных людей.

Персонификация как разновидность метафоры позволяет акцентировать внимание на важных характеристиках рекламируемых объектов или явлений через сравнение их с живым существом, например: "*Gatorade always wins*". В приведенном вербальном товарном знаке персонификация позволяет представить конкуренцию на рынке спортивных напитков как соревнования, в которых именно рекламируемый напиток как конкурсант одерживает победу, таким образом, также дополнительно связывая свой продукт со спортом.

Другой пример – реклама Domestos: "*Germ killing experts*". В этом случае средства компании представлены как специалисты, которые благодаря научному подходу способны эффективно уничтожать микробы.

Очень интересны случаи игры слов, используемых в вербальных товарных знаках, например: "*No all species enjoy spots*". В этом случае наблюдаем игру слов *spots* как пятна на шерсти животных, являющихся для них естественными, и *spots* как черные точки на лице человека, для лечения которых и используется рекламируемое средство.

Следующий пример игры слов – вербальный товарный знак бассейна: "*Water fits you*". В этом случае *fits* может означать либо «что-то подобает человеку», либо может быть производным от *fitness*, то есть реклама указывает на то, что занятия в бассейне могут улучшить тело человека.

В рекламе аквалангов вербальный товарный знак "*Go beyond your world*" содержит игру слов *go beyond* между буквальным значением, понимаемым как погружение, и переносным значением как «выйти за пределы».

Следующее средство воздействия на адресата вербального товарного знака – аллюзия. Аллюзии достаточно широко используются в рекламе, создавая новые ассоциации на основе уже известных адресату фактов реальности, например:

1) объекты архитектуры: в вербальном товарном знаке пиццерии "*See the leaning tower of pizza*" аллюзия на Leaning Tower of Pisa;

2) религия: "*It's time to wash away your sins*" – аллюзия в смывание грехов путем омывания превращается в смывание грехов путем потребления пива;

3) кино: "*Game of straws*" – в вербальном товарном знаке напитка аллюзия на название популярного сериала Game of Thrones;

4) устойчивые выражения: "*Age is not just a number*" – обыгрывание выражения *Age is just a number*, которое говорят, когда не хотят, чтобы человек в определенном возрасте чувствовал себя слишком старым;

5) спорт: "*Float like a bee, sting like a butterfly*" – искажение фразы Мухаммеда Али "Float like a butterfly, sting like a bee".

На синтаксическом уровне лингвостилистическими средствами, используемыми в англоязычных вербальных товарных знаках, являются местоимения первого лица множественного числа, второго лица, императивы, сослагательное наклонение, повторы, неполные предложения и риторические вопросы.

В частности, местоимения первого лица множественного числа используются для обозначения общих черт между авторами рекламы и читателями, для акцентирования внимания на всеобщем охвате продуктом целевой аудитории: "*Because we do things we're not build for*".

Используя местоимения второго лица, авторы напрямую обращаются к потенциальным покупателям, как в следующих товарных знаках: "*With soup you are always at home*"; "*At least your feet won't be uncomfortable*"; "*Even on your most stressful day*"; "*How to increase your car's resell value*". Такой прием позволяет персонализировать рекламу, поскольку адресат воспринимает такую рекламу как обращение к нему лично.

Посредством императивов авторы вербальных товарных знаков призывают адресатов к осуществлению определенных физических

действий: *"Join Us! And the world will be as One"; "Play good. Pay the price"; "Place your business on the map"; "Come to life"; "Rock your future"; "Make new friends. Eat more salad"*.

Кроме того, императивы также могут относиться к ментальным действиям, как в следующих примерах: *"Decide where you will place your posters"*; *"Let it taste the way it should"*.

Используя сослагательное наклонение, авторы вербального товарного знака дают возможность адресату представить гипотетическую ситуацию и представить себя в такой ситуации: *"It is as if it never happened"*.

Лексические повторы используются для усиления сообщаемых характеристик: *"Good coffee for a good day"*; оценки действий: *"If you wanna kill them; kill them fast"*; последствий использования рекламируемых продуктов: *"Less oil in the pan, less oil in the food"*; или даже образных характеристик рекламируемых продуктов: *"We've made seriously juicy. Seriously good"*.

Поскольку вербальный товарный знак должен быть кратким и быстро запоминающимся, часто используются простые неполные предложения, которые могут состоять из:

1) одного слова – подлежащее или сказуемое: *"Anti-gravity"*;

2) подлежащего со второстепенными членами предложения: *"Power in safe hands"; "Pixel perfection";*

3) других членов предложения: *"Against bad breath"; "Better together"*.

Риторические вопросы также могут рассматриваться как прямое обращение к адресату: *"Are you just happy to hear us?"*.

Количественный анализ позволил установить частотность использования лексических, стилистических и синтаксических средств, реализуемых в вербальных товарных знаках. Чаще всего в вербальных товарных знаках используются стилистические и синтаксические языковые способы воздействия на читателя 37% и 35% соответственно. Лексические средства используются в 28% случаев. Наиболее частотными лингвостилистическими средствами воздействия на покупателя, используемыми в англоязычных вербальных товарных знаках, являются оценочная лексика (14%), метафоры (13%) и императивы (12%).

Прагматическая направленность рекламного текста проявляется через актуализацию тех элементов структуры, которые оказывают наибольшее влияние на адресата, активизируя интеллектуальные и эмоциональные реакции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова О. А. О перекатегоризации апеллятивированных словесных товарных знаков / О. А. Акимова // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 2(41). – С. 150-153.

2. Атякшева Д. А. Особенности речевого воздействия рекламных текстов в life-style изданиях / Д. А. Атякшева // Российский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8, № 3. – С. 221-232.

3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. 3-е изд. – Москва: Эдиториал УРСС, 2009. – 448 с.

4. Гилязева Э.Н. Лексико-стилистические особенности англоязычных рекламных текстов и способы их перевода на русский язык /

Э. Н. Гилязева, Э. М. У. Бобокандов // Ростовский научный вестник. – 2021. – № 1. – С. 14-18.

5. Глухова О.В. Ономастические и лингвокультурологические характеристики словесных товарных знаков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2010. – 21 с.

6. Гурин Д. О. Особенности рекламного дискурса: модус дискурса как категория его классификации / Д. О. Гурин // Казанская наука. – 2015. – № 11. – С. 145-147.

7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

8. Колышкина Т. Б. Модель анализа дискурса и рекламного дискурса / Т. Б. Колышкина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2010. – № 1. – С. 34-36.

9. Кушнерук С. Л. Методика когнитивного миромоделирования дискурсов русскоязычной и англоязычной рекламы / С. Л. Кушнерук // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 9-1(27). – С. 90-94.

10. Стадульская Н. А. Британские и американские товарные знаки как отражение ценностного отношения к окружающей действительности / Н. А. Стадульская // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 8-6. – С. 1495-1500.

11. Шокина А. Б. Языковая компрессия в рекламном тексте / А. Б. Шокина // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2009. – № 2. – С. 189-195.

12. Harris Z. Discourse Analysis // Language. – Baltimore, 1952. – Vol. 28, No. 1. – P. 1-30.

LINGUOSTYLISTIC PARAMETERS OF VERBAL TRADEMARKS IN ENGLISH LANGUAGE ADVERTISING DISCOURSE

Pervak T.V.

The article presents an analysis of the linguistic-stylistic features of English-language verbal trademarks, carried out in line with the discursive approach that is relevant today. The study is motivated by the need to understand the linguistic mechanisms of influence on the addressee of an advertising message, since the purpose of the verbal trademarks being studied is to encourage the addressee to purchase the advertised goods or services. The study revealed that verbal trademarks have the lexical, stylistic and syntactic levels. The most common linguistic-stylistic means of influencing the buyer used in English-language verbal trademarks turned out to be evaluative vocabulary, metaphors and imperatives.

Keywords: advertising, advertising discourse, verbal trademark, English language.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 808

РУССКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА КАК ХРАНИТЕЛЬ БАЗОВЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Соронкулов Гульжигит Умарович
Кандидат педагогических и доктор филологических наук,
Заведующий кафедрой русского языка и литературы
КГУ им. И. Арабаева (Бишкек, Кыргызстан)
E-mail: *soronkulov52@mail.ru*

Автор, рассуждая о базовых духовных ценностях, исследует народную сказку как особый вид фольклорного творчества, хранящего в себе информацию обо всем, что составляет содержание культуры того или иного этноса. Сказка каждого народа аккумулирует и свято остерегает свои национальные особенности, которые формируют абсолютно разное видение одной и той же проблемы, что проявляется в характере героев, их духовной культуре и жизненном укладе. В статье подчеркивается актуальность, вневременные смыслы русской народной сказки, которая помогает этносу сохранить свою идентичность.

Ключевые слова: актуальность народной сказки, базовые национальные ценности, жанр фольклора, менталитет, лингвокультурная общность, русская народная сказка, традиции и обряды, устное народное творчество.

*****

Наше сравнительно молодое российское государство, переживая яркие перемены 90-х годов прошлого века, находится в поисках выбора так называемой национальной идеи, позволяющей общество объединить… Основания для это выдвигаются разнообразные: цементирующий фактор, безусловно, необходим. Достаточно часто, в моменты полемик и рассуждений, политики, ученые и просто неравнодушные граждане возвращаются к анализу, прежде всего, базовых национальных ценностей, что само по себе вполне оправдано. В данной статье мы предпримем попытку проанализировать феномен народной сказки не только как аккумулятора, но и хранительницы этих ценностей.

Скажем, по мнению Е.А. Астаховой, народная сказка – древнейший вид фольклора, который многие века отражает и сберегает в своем образном мире «именно те идеалы, которые относятся к числу универсальных» [1, с. 162]. В.Я. Пропп по этому поводу писал об универсальности сказки, которая «столь же поразительна, как и ее бессмертие». Литературные жанры устаревают, сменяя друг друга, но «сказку понимают решительно все. Она беспрепятственно переходит все языковые границы, от одного народа к другому, и сохраняется в живом виде тысячелетиями» [2, с. 9].

По утверждениям Е.А. Астаховой, сказка – это «та система ценностных координат, которая прошла проверку временем и сохранила свою непреложность до наших дней» [1, с. 163].

Е.А. Заргарьян отмечает, что народная сказка, справедливо занимая нишу хранилища ценностей того или иного этноса, имеет неоспоримое воспитательное значение, а созданные народом сказки «впитали в себя ценности и нормы общества, особенности языка и эстетические взгляды», которые так просто и ненавязчиво усваиваются ребенком во время чтения [3, с. 48]. Последнее лишь подчеркивает факт доступности текста для понимания даже в столь нежном возрасте, с другой стороны, позволяет нам понять насколько же был гениален сам народ, который в такой лаконичной простоте передает пережитой веками опыт следующим поколениям.

В данном контексте мы вправе говорить о глубине народной мудрости, концентрирующей в себе нравственные и моральные нормы: по мнению Д.А. Гусева «фольклор сам по себе имеет педагогическую направленность» [4; цит. по 5, с. 214].

М.В. Беляева, к тому же, полагает, что сказка – это не только литературно-художественный жанр, но и «источник исследования менталитета того или иного народа, его лингвокреативного мышления и культурного кода (т.е. культурных особенностей, передающихся от поколения к поколению)» [6, с. 27]. В этом видится одна из причин актуальности обращения к сказке «в ее различном формате, таком, как народная (волшебная, бытовая, кумулятивная) сказка или авторская». Неслучайно сказка интересна и социо- и лингвокультурологии (отражение этнической и социальной обусловленности осознания бытия), и синергетике (инструмент кодирования реальности языковыми формами в виде метафоры, символизма, аллегории, сравнения) [6, с. 27]. Сказка – это продукт согласования всего того, что происходит в жизни человека, а сюжет концентрирует в себе историю этноса, которая преломляется в традициях и обычаях.

По мнению Э. Бобкова, русская народная сказка «повествует о коренных началах национальной жизни, отражает черты русского национального характера, формирует представление об идеалах русского народа», при этом, как утверждает автор статьи «Черты русской ментальности в русской народной сказке», «она отражает оптимизм народного сознания, его жизненную установку на благоприятный исход начатого дела» [7, с. 56].

Примечательно, что, проживая различные этапы своего становления и развития, всякий этнос сохранял неизменными определенные культурные ценности, приоритетные именно для данного народа. Они, по мнению исследователей различных форм фольклора, оставались незыблемыми. Базовое основание, базовая картина мира с имманентной

трактовкой его регулятивов и установок трансформировалась в традицию – элемент народной культуры. Традиция, в свою очередь, позволяет расшифровать ценностно-смысловые позиции конкретного этноса. А.Н. Афанасьеву принадлежит, в этой связи, следующее рассуждение: «Нет, сказка не "пустая складка", в ней, как и вообще во всех созданиях целого народа, не могло быть ни нарочно сочиненной лжи, ни намеренного уклонения от действительного мира» [8; цит. по 3, с. 48]. Несомненно, яркая и емкая характеристика феномена!

Как важно, что память связывает народ навсегда: наши предки, мы – ныне живущие, наши потомки… Но, есть основа, есть некий охранительный рубеж, который позволяет данному народу оставаться в ключевых положениях самим собой… Действительно, в таком случае важность фольклора, смысл и назначение сказок сложно переоценить: нехитрые сюжеты о лисе и волке, о царевне-лягушке, о курочке-рябе и репке, о колобке – «внимание приковывает актуальность социальной проблемы и мудрость героев в поступках. Народная разговорная речь является неотъемлемой частью сказки. Она гибкая, отражает тонкий смысл и необычайно разнообразна», – читаем мы у Е.А. Киселевой [5, с. 215].

В статье «Русская народная сказка как средство приобщения младших школьников к русской культуре» Е.А. Киселева отмечает социальную, художественную и педагогическую ценность народных сказок, которая «несомненна и общепризнанна» [5, с. 216]. И, далее читаем мы в работе Е.А. Жестковой и А.С. Клычевой «Духовно-нравственное развитие младших школьников на уроках литературного чтения посредством русской народной сказки» о том, что «складывавшаяся веками в тесной связи с бытом и всей жизнью народа, сказочная фантастика самобытна и неповторима. Эта самобытность и неповторимость объясняются качествами народа, которому принадлежит вымысел, обстоятельствами происхождения и той ролью, какую играет сказка в народной жизни [9; цит. по 5, с. 216]. Неслучайно в тексте статьи мы упоминаем название работ авторов: представляется необходимым подчеркнуть обучающий потенциал сказочного творчества и в части этической, и в части обретения опыта языкознания.

Солидарен с вышеуказанным мнением Э. Бобков, полагающий, что Иван-царевич, Иван-крестьянский сын, «олицетворяют героическое начало русского народа, его готовность бороться за справедливость, за родную землю, за утраченную любовь и красоту» [7, с. 56]. Приближаясь к слушателю или читателю, сказка подчеркивает реальность существования героев через демонстрацию их недостатков, таким образом, усиливая воспитательный эффект повествования – живой человек делает доброе дело, и ты так сможешь!

Героям всегда приходят на помощь – и это прием неслучаен: добро возвращается, когда-то помог ты, помогут тебе. Смелость и сила героев как бы усиливается их добротой и милосердием. Природа подарила физическую силу – контролируй ее, используя для приумножения хорошего.

Народная сказка в качестве идеальных для русского человека «проговаривает» такие качества, как «бескорыстие, нестяжательство, простодушие, бесхитростность». В популярных героях, таких как Иванушка-дурачок или Емеля, отсутствуют «зависть, злоба, гордыня и погоня за

материальными благами. За их нравственную чистоту им, по мнению создателей сказки, и покровительствуют высшие силы» [7, с. 56].

Весьма любопытна проповедуемая сказкой мотивационная поведенческая составляющая героев. Уточним, что данное преимущество сформировано для женских образов: речь идет о награде, которую «заслуживает тот, в ком есть трудолюбие, смирение, кротость, доброта». Что касается мужской органики – сказка четко разграничивает гендерные признаки: солдат должен быть смелым, удалым, умным, находчивым, хитрым, чтобы «в огне не гореть», и на жизнь смотреть философически, потому что «двум смертям не бывать, а одной не миновать». Что касается отсутствия ссылок на две последние цитаты – это тот самый случай, когда можно с гордостью сказать, слоганы изобретены и отшлифованы поколениями…

Учеными-этнографами подмечены не менее любопытные факты: национально окрашены в сказках и животные: волк и медведь, несмотря на их силовое превосходство, в определенных ситуациях проигрывают хитрой лисе. Житейская многовековая мудрость подсказала русскому народу, что «верх над хитростью берет не сила, а ум, отвага или та же хитрость». Не менее примечателен и факт отношения наших предков к числу «3»: «Сказка убеждает, что в национальном менталитете это число ассоциируется с завершенностью сделанного, с устойчивостью результата. Сакральный смысл этого числа объясняет пословица "Бог любит троицу"»[1] [7, с. 56].

Нельзя обойти вниманием лингвистическое пространство русской народной сказки, ведь она, по мнению Н.К. Рогожиной, обладает «исторически сложившимся языком, который буквально завораживает своей силой и красотой, точно загадочный и прекрасный древний орнамент», при этом текст произведения обязательно имеет «логично выстроенный, упорядоченный, повторяющийся узор» [10, с. 83]. Сказка имеет собственный стилевой рисунок, и это несомненно, если учесть наполненность текста иносказаниями, роль которых всегда строго целесообразна.

Трудно не согласиться с Н.К. Рогожиной, отмечающей образность особенно устного жанра, который сверхтребователен к выразительности слова. Действительно, «когда вода времени вымывает весь "песок", потомкам достается золото. Ценность его – в духовном опыте многих поколений, переданном через слово». К нам, в XXI век, пришли законченные жанровые формы, ставшие «символами, выражающими идеалы народа» [10, с. 83].

По мнению Е.А. Заргарьян, наше «успешное будущее напрямую зависит от преемственности опыта наших предков, в котором заложена богатейшая мудрость и духовная красота народа». И, несмотря на возраст создания сказок, они по-прежнему не теряют своей актуальности – русская народная сказка остается востребованной. Это тем более важно, поскольку мы живем в эпоху, когда крайне обострена проблема

[1] Аллегорический стиль характеризует русскую волшебную сказку как сказку христианскую, утверждает Н.К. Рогожина, анализируя мир народных сказок времен принятия христианской веры. Известно, что русские крестьяне были хорошо знакомы с книгами Священного Писания и его толкованиями и ясно понимали их смысл. Однако, как отмечает Н.К. Рогожина, сказка неслучайно использует иносказание, поскольку ориентирована, главным образом, на детскую аудиторию [10, с. 83-86].

цивилизационно-культурной идентификации России – существует «опасность потери национального лица» [3, с. 46].

С.С. Лаухина и вовсе полагает, что «знакомство с народными сказками позволяет, играя, приобщаться к культурным ценностям». Более того, по мнению ученого, сказка – это вид «особого культурного кода, свойственного и понятного людям одной национальности» Лингвисты, филологи, специалисты в сфере языкознания считают сказочные тексты «бесценным материалом» для изучения культуры, а анализ лингвистической стороны сказки позволяет «увидеть эту культуру, отраженную с помощью средств фразеологии и лексики» [11, с. 66].

Исследуя фразеологические концепты русской народной сказки, Е.И. Алещенко подчеркивает значительную роль в них фразеологических единиц, которые выполняют в сказочных текстах, «с одной стороны, традиционную изобразительно-выразительную функцию, с другой – являются немаловажным средством вербализации фразеологического концепта, поскольку в них закрепляются наиболее устойчивые, древние представления народа о различных предметах и явлениях действительности, а также о морально-нравственных законах и правилах» [12, с. 14-15].

С.С. Лаухина в работе «Репрезентация концептов русской народной сказки фразеологическими единицами, отражающими специфику национальной культуры» знакомит с результатами исследований, благодаря которым было выявлено 60 фразеологических единиц в 118 русских сказках, репрезентирующих 10 фразеологических концептов русской народной сказки, а именно: «страх», «жадность», «рассудок», «хитрость», «социальные отношения», «бедность», «богатство», «труд», «биологические функции и потребности», «система научных знаний о мире» [11, с. 67].

Концепт «страх» представляется таким образом: «душа в пятки ушла»; «стала как вкопанная»; «сидит ни жива, ни мертва». Концепт «рассудок» – «пали в ум-разум»; «не по нутру ей это»; «броситься без памяти». Концепт «хитрость» – «себе на уме» и др.

Социальная сфера человеческих отношений представлена следующим образом: «заткнуть за пояс»; «сбыть с рук»; «деваться некуда»; «остаться на бобах»; «ни солоно щи хлебала»; «не ломать шапки»; «ни ногой»; «нашла коса на камень»; «задать жару»; «полетят клочки по закоулочкам»; «подобру-поздорову»; «хлеб-соль»; «проходу не даѐт, на зуб берѐт»; «зубы чесать»; «самые что ни на есть»; «бить челом»; «брат был не промах»; «вывести в люди» и др. В данном случае, описывая качество жизни человека, использовались концепты «бедность» («ни гроша нет»); концепт «богатство» («жить припеваючи»; «как сыр в масле купалась», «как сыр в масле кататься»; «жить поживать и лиха не поминать»; «куры денег не клюют»).

Биологическая сфера характеризуется так: «червяка заморить»; «голод не тѐтка»; «и ухом не веди»; «расти не по дням, а по часам»; «выбились из мочи»; «лежать ничком»; «умаяли до полусмерти»; «наесться донельзя».

Научные знания о мире представляются фразеологизмами: «на все четыре стороны»; «хоть всю деревню шаром покати»; «ни свет, ни заря»; «прошло мало ли, много ли»; «в тар-тарары»; «до свету вернись»; «муха не пролетит» и пр. [11, с. 67-68]. Действительно, предложенная типологизация концептов, сам смысловой набор фразеологических единиц, позволяет

взглянуть на природу русской народной сказки с иной точки зрения: ее смысловая подоплека значительно глубже, нежели это кажется с первого взгляда: неслучайно, сказка – это намек, «добрым молодцам урок!»[1].

Хотелось бы в заключении ознакомить с выводами о природе описываемого нами феномена с точки зрения современной философии (не удивительно, что при такой глубине мысли сказка становится объектом изучения не только лингвистики, но и философии).

Диагностикой русской народной сказки с точки зрения философии занималась М.В. Роганина, которая утверждает, что, прежде всего, русские сказки отличает «принципиальность и актуальность вопроса о смысле жизни, мудрость, созерцательность, важность метафизических поступков, реализованных на пути к совершенствованию себя и окружающего мира». Целеполагание фольклорной сказки сосредоточено «на обеспечение гармонии в существовании отдельного индивида в социальной жизни»[2]. Само сказочное мышление, по мнению М.В. Роганиной, «открывает возможности, реализация которых может стать ориентиром для современного рационально-настроенного прагматичного человека информационного общества» [13, с. 400].

Н.К. Рогожина предприняла попытку ответить на вопрос о падении в XX веке фольклорного творчества, объясняя это «утратой значения христианства в жизни большинства людей», поскольку «река народного красноречия обмелела». При этом современная авторская сказка, по мнению Н.К. Рогожиной, ее художественный уровень, «не идет ни в какое сравнение со сказкой народной» [10, с. 89]. И, далее, размышляя о феномене фольклорной сказки, об этом прекрасном и живом наследии, с подачи автора примем истину: «При нас читано, да не при нас писано», чтобы смысл не проглядеть, так и оставив его «за семью печатями».

ЛИТЕРАТУРА

1. Астахова, Е.А. Народная сказка в курсе «русская культура» (для иностранных студентов-стажеров) / Е.А. Астахова // В сборнике: Культура. Литература. Язык. Материалы конференции «Чтения Ушинского». – 2010. – С. 162-167.

2. Пропп, В.Я. Русская сказка. Собрание трудов В.Я. Проппа / В.Я. Пропп // Научная редакция, комментарии Ю.С. Рассказова. – Издательство «Лабиринт». – М., 2000. – 416 с.

3. Заргарьян, Е.А. Сказка как феномен русской народной культуры / Е.А. Заргарьян // В сборнике: Инновационные процессы в науке и технике XXI века. Материалы XIII Межрегиональной студенческой научно-практической конференции. – 2015. – С. 46-49.

4. Гусев, Д.А. Педагогический потенциал народного творчества в контексте исторического анализа развития образовательных учреждений

[1] Добавим, что и стихотворная форма сложения текста позволяет, буквально, с первого прочтения, не напрягаясь, вызубрить рекомендацию на всю оставшуюся жизнь.

[2] В данном случае речь идет об универсальных функциях сказки, как-то: трансцендентальная (выход за пространственно-временные границы), мировоззренческая (формирование мировоззрения), интегративная (объединение реального и идеального миров) и др. [об этом более подробно см: Роганина, М.В. Русская народная сказка как отражение особенностей русского менталитета: философский анализ / М.В. Роганина // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2013. – Т. 3. – № 2. – С. 400.]

на селе / Д.А. Гусев // Гуманитарные науки и образование. – 2015. – № 1 (21). – С. 44-47.

5. Киселева, Е.А. Русская народная сказка как средство приобщения младших школьников к русской культуре / Е.А. Киселева // В сборнике: XX ЮБИЛЕЙНЫЕ ЦАРСКОСЕЛЬСКИЕ ЧТЕНИЯ. Материалы международной научной конференции. – 2016. – С. 214-217.

6. Беляева, М.В. Сказка как отражение национальной культуры народа (на материале русской и немецкой сказки) / М.В. Беляева, К.А. Ильинская // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста. – 2020. – Т. 1. – № 5 (13). – С. 26-31.

7. Бобков, Э. Черты русской ментальности в русской народной сказке / Э. Бобков, И. Варки, Р.А. Ткачева // В сборнике: МОЛОДЕЖЬ, НАУКА, МЕДИЦИНА. Материалы 62-ой Всероссийской межвузовской студенческой научной конференции с международным участием с проведением открытого конкурса на лучшую студенческую научную работу. – 2016. – С. 56.

8. Афанасьев, А.Н. Сказка и миф / А.Н. Афанасьев. – Воронеж, 1864. – 68 с.

9. Жесткова, Е.А. Духовно-нравственное развитие младших школьников на уроках литературного чтения посредством русской народной сказки / Е.А. Жесткова, А.С. Клычева // Международый журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 1-1. – С. 126-130.

10. Рогожина, Н.К. Слово и образ: русская волшебная сказка и христианская культура / Н.К. Рогожина // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (см. в книгах). – 2006. – Т. 171. – С. 82-89.

11. Лаухина, С.С. Репрезентация концептов русской народной сказки фразеологическими единицами, отражающими специфику национальной культуры // С.С. Лаухина, Е.В. Зыкова // В сборнике: Славянские чтения. Сборник статей международной научно-практической конференции. – 2014. – С. 66-70.

12. Алещенко, Е.И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки): автореф. Дис …. д.ф.н. / Е.И. Алещенко. – Волгоград, 2008 – 45 с.

13. Роганина, М.В. Русская народная сказка как отражение особенностей русского менталитета: философский анализ / М.В. Роганина // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2013. – Т. 3. – № 2. – С. 400.

RUSSIAN FOLK TALE AS A GUARDIAN OF BASIC NATIONAL VALUES

Soronkulov G.U.

The author, talking about the basic spiritual values, explores the folk tale as a special kind of folklore creativity, which contains information about everything that makes up the content of the culture of a particular ethnic group. The fairy tale of each nation accumulates and religiously guards its national characteristics, which form a completely different vision of the same problem, which is manifested in the character of the characters, their spiritual culture and way of life. The article emphasizes the relevance and timeless

meanings of the Russian folk tale, which helps the ethnic group to preserve its identity.

Keywords: the relevance of the folk tale, basic national values, folklore genre, mentality, linguistic and cultural community, Russian folk tale, traditions and rituals, oral folk art.

УДК 808

СТРАТЕГИЯ БРЕНДА КАК ФАКТОР ВЫБОРА СТИЛЯ КОММУНИКАЦИИ С ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИЕЙ

Лаврикова Дарья Валентиновна
Главный эксперт,
Государственное автономное учреждение,
Региональное Информационное Агентство "Верхневолжье",
E-mail: *ilavrikova@rambler.ru*

Конструирование удачного имиджа любого масштаба, тем более целого региона – процесс весьма трудоемкий, поскольку требует колоссальной подготовительной работы: многофакторность прямого или косвенного влияния в данном случае объяснима. В статье анализируются объективные и субъективные факторы успешности формирования бренда.

Автор статьи ставит перед собой задачу переосмыслить методику формирования символики пространства, для того чтобы успешно выдержать конкурентное мотивационное влияние на целевую аудиторию. В частности, автор рассуждает о подготовительной работе при формировании бренда, о важности учета влияния его эмоциональной составляющей, тесным образом связанной с национально-культурными особенностями целевой аудитории.

Ключевые слова: бренд, идентификация культурного многообразия, кросс-культурные особенности, позитивный имидж, факторы восприятия, целевая аудитория.

*****

Субъекты Российской Федерации, осознавая эффективность своего позиционирования и продвижения на рынке национальной и международной коммуникации, активно включаются в процесс конструирования удачного имиджа (бренда) любого масштаба (как на региональном, так и на федеральном уровнях).

Современная имиджелогия основания для формирования бренда территории[1] классифицирует на объективные и субъективные. Объективные основания – это географическое положение, история, культура, социальная и инновационная политика, научно-технический потенциал, ресурсная база и инвестиционный климат, статистические показатели и рейтинг территории. К субъективным рекомендуется отнести оценку уровня гостеприимства целевыми группами потребителей, которая формируется на фоне менталитета и национальных особенностей обеих сторон (хозяев и гостей). [1, с. 27-28].

Основой успешного мотивационного влияния на целевую аудиторию является методика формирования символики пространства. Для того, чтобы оптимизировать «портфель бренда», Д.А. Ещик предлагает сначала

[1] Заметим, что существенное влияние на имидж территории оказывает статус зонального лидера.

оценить уровень его эмоционального восприятия, поскольку моделирование эмоциональной картины восприятия покажет «верно ли выстроена коммуникация» и верно ли она позиционируется. По мнению Д.А. Ещика анализ аналитики продаж и информации о прибыли не даст полной картины эффективности предложенного знака, поскольку «бренд – это набор психологических и социальных обещаний условному потребителю, который является для него уникальным, значимым», и наилучшим образом позволяет реализовать желаемое [2, с. 322-323].

Выстраивая бренд, необходимо учитывать фактор эмоционального воздействия на аудиторию, и, в этой связи, требуется уделять время анализу кросскультурных особенностей поведения потребителей, поскольку, по мнению ряда ученых, именно они «обуславливают наличие разницы в восприятии одного и того же бренда»[1] [3, с. 100].

Уточним, что большая группа современных ученых представляют брендинг в качестве «коммуникационной технологии XX века» [6; 7, с. 18]. По мнению О.Ф. Русаковой, основными факторами, «формирующими привязанность потребителей к бренду, выступают его коммуникативные способности, а именно – способности налаживать тесные контакты с потребителем» [8, с. 239].

Как утверждает И.П. Ромашова, бренд – это и наиболее результативная социальная технология, и, в тоже время, – «новый социальный миф, формирующий особую культуру потребления» и, кроме того, «особый тип коммуникации (новый дискурс)». При таком видении, бренд представляется в качестве коммуникативного феномена, а брендинг – в качестве примера использования «дискурсивных

---

[1] По наблюдениям К.В. Лыковой, однозначного подхода в решении данного вопроса на сегодняшний день не выработано: часть работ подтверждают, часть, наоборот, опровергают данную гипотезу, и истину возможно искать лишь эмпирически, тем не менее, исследователи доступными средствами стремятся наиболее «точно определить психологические факторы и особенности подсознания», влияющие на восприятие бренда [3, с. 100].

В работе «К вопросу выбора формы сбора данных о кросс-культурных особенностях восприятия бренда потребителями» [3] К.В. Лыкова делится опытом моделирования на основе системы идентичности бренда Ж.-Н. Капферера [4]: речь идет об интервьюировании, когда вопросы предлагается группировать по блокам, что позволяет точнее отражать элементы модели восприятия. Автор указывает на возможность через ответы первого блока выявить «особенности восприятия внешних характеристик бренда», вторым – охарактеризовать бренд в категориях личностных черт». И далее, как пишет автор, через «самообраз» и «отражение» предлагается указать, как и кем себя ощущают респонденты-пользователи бренда и их окружение [3, с. 101].

Е.В. Звонова и Е.В. Старостина, анализируя теоретические положения У. Найссера, Дж. Брунера, пришли к выводу, что восприятие являет собой «стадиальный процесс построения образа, включающий процесс категоризации прошлого опыта», в его характеристиках значимы объем восприятия, виды ассоциаций, свойства воображения и др. [11, с. 3].

А.В. Макаров гипотезу о существенном влиянии на восприятие территориального бренда через призму особенностей национальной культуры (традиций, обычаев и т.д.) поддерживает; более того, он утверждает, что через данный символический маркер человек принимает национальную культуру данного пространства на подсознательном уровне [5, с. 171].

Рассуждая о восприятии бренда любого уровня (в том числе и другой страны, с иной национально-культурной идентичностью), А.В. Макаров полагает, что «это не просто сумма восприятий отдельных личностей, но именно групповое восприятие людей, это восприятие целой социально-этнической общности». В данном случае, согласимся, что восприятие бренда – это процесс, подчиненный законам групповой перцепции [5, с. 171].

Природу групповой перцепции детально исследовали А.П. Садохин и Е.Г. Фальков, по мнению которых (и ряда других специалистов по межкультурной коммуникации), выделяются четыре ключевых фактора, влияющих на процесс восприятия «чужой» культуры, что вполне применимо при анализе восприятия территориального бренда (в том числе и другого государства): фактор первого впечатления, фактор «превосходства», фактор привлекательности и фактор «отношения к нам». Рассматривая факторы, влияющие на восприятие бренда другой территории, следует отметить, что они также оказывают большое влияние и на процессы территориального ренд-билдинга [подробнее см 5, с. 171].

технологий для социального моделирования действительности в необходимом для компаний ключе» [9, с. 83].

По мнению представителя «Рэдиан 6»[1] Д. Алстона, канал коммуникации определяется тем, что «бренды начинают говорить с потребителями, в том числе через те каналы коммуникации, которым потребители доверяют. К ним не в последнюю очередь относятся социальные сети» [10; цит. по 9, с. 83].

Н.В. Антонова утверждает, что для «формирования приверженности» необходимо учитывать следующие социально-психологические механизмы восприятия брендов: «персонификацию, идентификацию, социальную категоризацию, формирование установки (аттитюда), влияние референтной группы» [12, цит. по 11, с. 4].

Более того, согласно Е.В. Звоновой, бренд возможно сравнить с искусством, в таком случае приверженность к нему [бренду] будет выражаться через критерии эстетического[2] [подробнее см 11; 13], естественно, с учетом исторических особенностей становления данной этнической группы и территории ее проживания[3].

«Каждый бренд имеет свою собственную индивидуальность, благодаря которой после он "цепляет" потребителя», – резюмирует автор [11, с. 9]. В этой связи не стоит сбрасывать со счетов цветовое воздействие бренда на целевую аудиторию[4], обратим внимание на результаты довольно любопытных исследований: маркетологи уверены, что женщины в основном предпочитают синие, фиолетовые и зеленые оттенки цветов, в то время как не любят серые, коричневые и оранжевые оттенки цветов. Мужское население предпочитает синий, зеленый и черный цвет, а коричневый, оранжевый и фиолетовый им не нравится [14; цит. по 13, с. 19-20]. Желтый в сочетании с черным обладает очень сильным воздействием и стимулирует внимание; белый цвет – символизирует свежесть и все новое и т.д. [13, с. 20].

На сегодняшний день известно, что одним из ключевых ориентиров успешной бренд-коммуникации компании является «доминирующий дискурс» в виде «фатического диалога», «типичного для неофициальной интернет-коммуникации. Для стилизации непринужденного общения в соцсетях компании применяются жанры фатики, такие как «small talk»,

---

[1] Компания по созданию программ отслеживания эффективности присутствия брендов в социальных сетях.

[2] Ряд факторов, влияющих на эстетическое восприятие бренда: логотип, цвет, форма, шрифт, звуковое сопровождение, запахи и материалы, выражаемые во вкусовых, обонятельных и осязательных ощущениях; создание эффекта синестезии; тематика бренда с определённой целью (вдохновение на успех, вдохновение на спорт, чувство домашнего уюта, стремление к мечте), ценности бренда, портрет целевого потребителя; влияние референтных групп, авторитетных личностей и лидеров мнений; индивидуальные ассоциации и воспоминания из прошлого опыта; чувства потребителей по отношению к брендам, выражающие имплицитные и эксплицитные цели (причастность к определённой социальной группе, успех, уважение, статус, уверенность в себе, выделение из толпы и т.д.); нарушение шаблонов восприятия (интересные и непривычные подходы к оформлению бренда); чувства спокойствия с брендом, ощущение родства и доверия; идентификация – соотношение собственного имиджа и образа бренда; создание интереса, посредством второстепенных выгод; простота и лёгкость восприятия [11, с. 12-13].

[3] Речь идет мифах, легендах – важнейших составляющих образа бренда.

[4] Примем к сведению существование противоположного мнения, согласно которому однозначность восприятия цвета опровергается, поскольку личностные характеристики человека оказывают бóльшее влияние на создание образа. Действительно, воздействие цвета на психику человека регулируется такими важными характеристиками, как «возраст, пол, культурный контекст, личный опыт и другие особенности», тем не менее «есть некоторые общие тенденции, отмеченные практиками и прочно вошедшими в брендирование» [13, с. 19].

разговор, шутка, совет и др.»[1]. Необходимо учитывать специфику продвижения бренда в соцсетях с их двусторонней коммуникацией[2]. Реклама директивного свойства, естественным образом, посетителями соцсетей могут и игнорироваться, и отвергаться, что приведет к «схлопыванию» группы. Поэтому, попав в «потребительский» канал коммуникации, «компании вынуждены стилизовать свои рекламные тексты под спонтанный фатический диалог, типичный для неофициальной интернет-коммуникации» [9, с. 84-85].

Индивидуальный Tone of voice – еще один значимый инструмент по эффективности воздействия на целевую общественность, природа которого подробно описывается в работе А.М. Дружининой «Влияние tone of voice на имиджевое восприятие бренда». Индивидуальный Tone of voice, по мнению автора, – это «манера подачи информационных массивов в фирменном для определенной организации стиле». И, далее: «К основным задачам Tone of voice очень часто относят ретрансляцию ценностей бренда, позиционирование на рынке, миссию организации, ее основные преимущества среди конкурентов» [15, с. 96].

Далее представим выделенный А.М. Дружининой «перечень тональностей при коммуникации с потенциальным или реальным потребителем»: тип общения с клиентом формальный[3], а также неформальный или дружеский[4]. Поскольку выбор тона зависит от эмоциональной составляющей (части рекламной кампании), автор утверждает, что Tone of voice – это всегда неотделимая от фирменного стиля часть взаимодействия с потребителем, при этом «Голос бренда – это отнюдь не самостоятельный инструмент, он является отражением целостности и полноты визуальной аутентификации бренда и его смысловой нагрузки». В контексте изучения национальных особенностей восприятия бренда подобные уточнения лишь подчеркивают влияние определенной культуры (с ее отличиями в воспитании, образовании и пр.) на то, как целевая аудитория станет декодировать предложенный рекламный материал.

И, далее, автор отрицает спонтанность или неосознанность имиджа, настаивая, что «все действия, направленные на повышение лояльности среди целевой аудитории должны быть осознанны и выверены PR-специалистами» [15, с. 97]. Голос бренда словно маркер позволяет подчеркнуть индивидуальность объекта, способствуя повышению уровня лояльности и, в конечном счете, становится, своего рода, залогом конкурентоспособности в условиях перенасыщенности рынка.

Далее проанализируем влияние культур5 на восприятие и действия потребителей. Например, по мнению Н.Б. Спиридоновой, «определенные культурные ценности способствуют большей лояльности к покупаемому

---

[1] См. классификации жанров фатики Р. Якобсона, Б. Малиновского, М.-Л.А. Драздаускене, А. Вежбицкой, Т.Г. Винокур, В.В. Дементьева и др. [9, с. 85].

[2] В отличие от однонаправленной рекламной.

[3] Стиль коммуникации сдержанный, с большим количеством формализмов, учтивого обращения и «протокольных» фраз – все это подчеркивает статусность объекта.

[4] При воздействии на молодежную среду, изобилует сленговые выражения для поддержания иллюзии «на одной волне».

[5] Н.Б. Спиридонова утверждает, что на образ мышления значительно влияет культурный фон, поскольку именно «культура проводит границу между миром концепций и реальным миром», помогая буквально расшифровать ценность бренда. Оказывается, что зависимость между ценностями и верностью потребителя «варьируется в разных культурах»: верность свойственна обществу, транслирующему коллективизм, который распространяется не только на людей, но и на услуги [19; цит. по 16, с. 178].

бренду» [16, с. 177], а ряд эксперимент показал, что лояльность к бренду зависит и от ориентации этнической группы [17; цит. по 16, с. 177], при этом «люди с низким показателем индивидуализма больше следуют групповым нормам… Напротив, люди с высоким показателем индивидуализма более склонны полагаться на себя и делать то, что им выгодно» [18; цит. по 16, с. 177]. Подмечено[1], что «культуры с высокой степенью избегания неопределенности не в такой степени готовы к переменам или неопределенности как культуры с высокой степенью, поэтому культуры с высокой степенью избегания неопределенности с большей вероятностью будут верны выбранному бренду» [16, с. 177].

Если мы рассуждаем о продвижении выбранного бренда и ставим перед собой задачу по выявлению наиболее удачной его версии, мы должны принимать важность эффективных на сегодняшний день стратегий, позволяющих уточнять отношение к предложенному.

Отметим, что современный маркетинг полагает визуальные идентификаторы «основным элементом бренд-стратегии на рынке» [23; цит. по 21, с. 93]. Более того, как указывает А.В. Платонова, «создание лаконичной и подходящей айдентики для организации» решает ряд стратегических задач: создание узнаваемости, уникального стиля и внутрикорпоративной культуры; повышение конкурентоспособности, имиджа компании и уровня оказания услуг. Как показывает практика, в фирменный стиль рекомендуется включать: фирменный знак – логотип; фирменный лозунг (слоган); фирменные цвета и их сочетания; фирменную типографику, фактуры в композиции, униформу и прописанные концепции упаковки товара [21, с. 94]. В таком случае айдентика становится «основой всей коммуникации» и «главным средством в борьбе за покупателя» [21, с. 96].

Итак, при создании бренда надо помнить, что «отправной точкой в борьбе за лидирующее положение не только на рынке, но и в сердцах потребителей» является воздействие на чувственное восприятие человека. По мнению Е.В. Звоновой и Е.В. Старостиной, «истинная цель психологии брендинга – помочь своему потребителю проделать большую часть жизненного пути», обогатив его эмоционально и эстетически [11, с. 13]. Более того, данные ученые проводят аналогию между брендами и произведения искусства, поскольку, опираясь на знания психологии «отражают различные системы ценностей и эстетические предпочтения человека» [11, с. 14].

Далее, именно в связи со столь серьезной ролью при восприятии реального мира бренд необходимо тщательнейшим образом выверять, обдумывая и концепцию взаимодействия, и алгоритм влияния на мнение целевой аудитории.

Кроме того, согласимся с Е.А. Луневой и К.В. Асламовой в том, что «перспективной задачей формирования бренда территории является не только и не столько повышение заинтересованности туристов, сколько получение максимальной выгоды для жителей, сохранение населения и привлечение трудовых ресурсов, инвесторов» [1, с. 28]. Действительно, тактически важно, чтобы благоприятное представление гостей совпадало с тем, как это пространство изнутри наблюдается живущими на данной территории, то есть ее непосредственными пользователями. Таким

[1] Более того, как пишет автор, показатель индивидуализм/коллективизм надо полагать «ключевым в маркетинговых исследованиях» [16, с. 177].

образом, бренд, созданный тактически грамотно, с учетом элементов культурной самоидентификации, позволит запустить как минимум два ключевых процесса: значительно повысить уровень качества жизни местного населения, одновременно стабилизируя лояльное отношение жителей к собственной среде обитания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лунева, Е.А. Роль социальной политики региона в формировании позитивного восприятия бренда территорий (на примере омского региона) / Е.А. Лунева, К.В. Асламова // В сборнике: Проблемы, опыт и перспективы развития туризма, сервиса и социокультурной деятельности в России и за рубежом. Сборник материалов II Международной научно-практической интернет конференции. под ред. О.А. Лях. 2015. – С. 27-30.

2. Ещик, Д.А. Формирование портфеля брендов на основе модели эмоционального восприятия бренда / Д.А. Ещик, Е.М. Карпенко // В сборнике: Беларусь-2030: государство, бизнес, наука, образование. Материалы VI Международной научной конференции. Редколлегия: А.А. Королева (гл. ред.) [и др.]. – 2019. – С. 322-323.

3. Лыкова, К.В. К вопросу выбора формы сбора данных о кросс-культурных особенностях восприятия бренда потребителями / К.В. Лыкова // В сборнике: Конкурентоспособность территорий. Материалы XXI Всероссийского экономического форума молодых ученых и студентов. В 8-ми частях. Ответственные за выпуск Я.П. Силин, Е.Б. Дворядкина. – 2018. – С. 100-102.

4. Ле Пла, Ф.Дж. Интегрированный брэндинг / Ф. Дж. Ле Пла, Л.М. Паркер. – СПб. : Нева ; М. : ОЛМА-Пресс, 2003 (М. : ПФ Красный пролетарий). – 318 с.

5. Макаров, А.В. Факторы восприятия бренда территории / А.В. Макаров // Успехи современного естествознания. – 2013. – № 4. – С. 171.

6. Шишкина, М.А. Связи с общественностью в системе социального управления / М.А. Шишкина : диссертация … доктора социологических наук. – Санкт-Петербург, 1999. – 472 с.

7. Почепцов, Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века / Г.Г. Почепцов. – Москва : Рефл-бук, Киев, Ваклер, 2000. – 352 с.

8. Русакова, О.Ф. PR-Дискурс : теоретико-методологический анализ / О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург : УрОРАН, Дискурс-Пи, 2011. – 336 с.

9. Ромашова, И.П. Лингвистический анализ бренд-коммуникации / И.П. Ромашова // Научный диалог. – 2016. – № 6 (54). – С. 80-93. – https://elibrary.ru/item.asp?id=26341889).

10. Алстон, Д. Брендинг в эру цифровых коммуникаций, 2010 [Электронный ресурс] / Д. Алстон. – Режим доступа: http://anthropology.rchgi.spb.ru/munie/ munie_s1.html.

11. Звонова, Е.В., Старостина Е.В. Эстетический аспект восприятия брендов потребителями / Е.В. Звонова, Е.В. Старостина // Bulletin of the International Centre of Art and Education. – 2019. – № 2. – С. 1-15.

12. Антонова, Н.В. Восприятие брендов и стратегии потребительского поведения / Н.В. Антонова, О.И. Патоша. – Изд. дом ВШЭ, 2017. – 208 с.

13. Звонова, Е.В. Воздействие цвета на восприятие бренда / Е.В. Звонова, Е.В. Старостина // Ekonomické Trendy. – 2018. – № 3. – С. 19-21.

14. Ciotti, G. The Psychology of Color in Marketing and Branding / G. Ciotti // HelpScout.net URL: https://www.helpscout.net/blog/psychology-ofcolor (дата обращения 10.02.2024).

15. Дружинина, А.М. Влияние tone of voice на имиджевое восприятие бренда / А.М. Дружинина, А.А. Фадеев // Аспирант. – 2021. – № 5 (62). – С. 96-98.

16. Спиридонова, Н.Б. Национальная культура и восприятие бренда / Н.Б. Спиридонова // Панорама. – 2011. – № 2. – С. 177-183.

17. Shim, S. Hispanic and Native American Adolescents: An Exploratory Study of Their Approach to Shopping / S. Shim, K.C. Gehrt // Journal of Retailing. – 1996. – Vol. 72. – No 3. – P. 307-324.

18. Bagozzi, R.P. Open source software communities: a study of participation in Linux user groups / R.P. Bagozzi, U.M. Dholakia // Management Science. – 2006. – Vol. 52. – No 7. – P. 1099-1115.

19. Lam, D. Cultural Influence on Proneness to Brand Loyalty / D. Lam // Journal of International Consumer Marketing. – 2009. – Vol. 19. – No 3. – P. 7-21.

20. Шепеленко, Н.С. Влияние smm-дизайна на продвижение и восприятие бренда / Н.С. Шепеленко, М.П. Руденко // В сборнике: Информатика, управляющие системы, математическое и компьютерное моделирование (ИУСМКМ-2019). Материалы студенческой секции X Международной научно-технической конференции в рамках V Международного Научного форума Донецкой Народной Республики. – 2019. – С. 344-350.

21. Платонова, А.В. Айдентика как метод формирования образа и восприятия бренда / А.В. Платонова // В книге: Инновация. Медиакомуникация. Медиакультура. Информация. Дизайн. Коллективная монография. Под общей редакцией А.М. Тимохина. – Симферополь, 2022. – С. 91-97.

22. Рэнд, П. Дизайн, форма и хаос / П. Рэнд – Москва : Студия Артемия Лебедева, 2013. − 244 с.

23. Туэмлоу, Э. Графический дизайн: фирменный стиль, новейшие технологии креативные идеи / Э. Туэмлоу // Перевод К.Н. Крутских. – Москва : АСТ Астрель, 2006. – 256 с.

BRAND STRATEGY AS A FACTOR CHOOSING THE STYLE OF COMMUNICATION WITH THE TARGET AUDIENCE

Lavrikova D.V.

Designing a successful image of any scale, especially of an entire region, is a very laborious process, since it requires enormous preparatory work: the multifactorial nature of direct or indirect influence in this case is understandable. The article analyzes the objective and subjective factors of the success of brand formation.

The author of the article sets himself the task of rethinking the methodology of forming the symbolism of space in order to successfully withstand the competitive motivational influence on the target audience. In particular, the author discusses the preparatory work in the formation of a

brand, the importance of taking into account the influence of its emotional component, which is closely related to the national and cultural characteristics of the target audience.

Keywords: brand, identification of cultural diversity, cross-cultural characteristics, positive image, perception factors, target audience.

УДК 81

ОСОБЕННОСТИ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА

Сунь Цзе
Магистрант,
Даляньский университет иностранных языков
E-mail: *yc2023mail@163.com*

Синхронный перевод представляет интерес с позиций нескольких дисциплин – это и лингвистика, и психология, и культурология, и социология. Он имеет свои особенности, которые значительно отличают такой вид перевода от других и делегируют определяющую роль переводчику – синхронисту. При передаче информации с одного языка на другой необходимо учитывать и обороты речи, и соответствующую профильную лексику, и определяющий синтаксис, а также принимать во внимание тот факт, что языки оригинала и перевода могут быть разносистемными, соответственно, появляются некоторые конструкции, которые не имеют полных соответствий в языке перевода. Переводчику – синхронисту важно оперативно ориентироваться в данном контексте и использовать эквивалентность в качестве способа достижения наиболее верного соответствия оригинала и перевода.

Ключевые слова: синхронный перевод, переводчик, оперативность, язык оригинала, язык перевода, эквивалентность, психологические особенности.

*****

Перевод материала с одного языка на другой всегда очень интересен как для преподавателей, так и студентов, а также методистов и, главным образом, для переводчиков. Переводоведение всегда привлекало внимание различных специалистов в силу востребованности международной коммуникации в современных условиях, а также актуальности вопроса трансляции материала с одного языка на другой.

Существуют различные виды перевода, одним из которых является устный перевод.

Синхронный перевод представляет собой разновидность устного перевода, осуществляемого на слух и параллельно с речевым сообщением на языке перевода. Начало развития указанного вида перевода положил Нюрнбергский процесс, на котором работали две команды переводчиков – синхронистов из СССР и США. Они прекрасно справились с задачей и доказали преимущества синхронного перевода перед последовательным при работе с многоязычной аудиторией [1].

Синхронный перевод имеет свои характеристики, которые представляют следующее.

Во-первых, в синхронном переводе ориентировка, поиск и выбор переводческих решений происходят одновременно, в то время как в других видах перевода они осуществляются постепенно, пошагово. Все зависит от речи оратора, пауз в тексте и прочих факторов. Все процессы

в синхронном переводе совмещены во времени, по факту, один человек, переводчик – синхронист, является их производителем. Синхронист ориентируется в тексте прерывисто, при этом речедвигательный анализатор частично ограничен, в результате наблюдается неполнота представлений. Это не страшно, так как переводчик упорядочивает лексико-грамматическую организацию речи и содержание исходных высказываний [2]. При выборе переводческих решений специалист опирается на использование стереотипов. В своей работе он частично выключает слуховой контроль за речью на языке перевода.

Во-вторых, синхронный перевод характеризуется высокой скоростью. Действия специалиста происходят очень быстро, за пару секунд. Ориентировка в условиях переводческого задания занимает 2 секунды, поиск или выбор решения предусматривает долю секунды, реализация занимает 1-2 секунды. Это означает, что каждые 2-3 секунды в сознании переводчика обрабатываются отрезки текста изначально на языке оригинала, а затем на языке перевода. По сути, за указанное время переводчик выполняет поставленную задачу и переходит к следующей.

В-третьих, оперирование языковым материалом происходит в зависимости от речи оратора. Полагают, что при среднем и быстром темпе речи говорящего переводчик сжимает материал, при этом текст уменьшается непроизвольным образом, без нанесения ущерба выполнению речи оратора. Речевая компрессия необходима для сохранности умеренного темпа речи переводчика и сбалансированного сочетания процесса реализации переводческих решений с другими задачами. В случае, если речь оратора очень быстрая, материал может сократиться на третью часть. Речевая компрессия происходит посредством использования синонимических и подобных замен словосочетаниями и предложениями, более короткими словами, исключением отрезков речи, в которых содержится уже известная информация, опущением избыточных речевых единиц [3].

При медленном и очень медленном темпе речи процесс характеризуется обратным действием. Синхронист использует указанное время для развития речи оратора, дополняет ее, но в рамках логики и не отклоняясь от коммуникативной задачи. Подчеркнем, что данным аспектом нельзя злоупотреблять, иначе можно нанести вред речи оратора и ее верному восприятию.

Следует также отметить, что синхронист особым образом пользуется ресурсами языка перевода, а именно, упрощает синтаксическую структуру высказывания, производит более стандартные предложения и обороты, шире и интенсивнее использует знаменательные части речи, не служебные.

Деятельность переводчика – синхрониста происходит циклично. Цикл представляет собой предельную совокупность переводческих действий, которая ограничена постоянным составом участников коммуникативного акта, а также тематикой общения [4]. Например, циклом можно назвать работу переводчика в рамках какой-либо международной конференции.

Цикл деятельности переводчика складывается из сеансов. Сеанс представляет собой совокупность переводческих действий, которая ограничена определенным временем, обычно это порядка получаса. Переводчики сменяют друг друга через каждый сеанс.

Подчеркнем, что синхронный перевод является одним из сложнейших видов перевода и требует от специалиста особых навыков и умений, в целом, высокой квалификации. Для качественной работы синхронисту необходимо в совершенстве владеть не только иностранным языком, но и родным. Кроме того, важно быть подготовленным к тематике работы конференции или форума. Также важно уметь сконцентрировать внимание таким образом, чтобы одновременно слушать то, что говорит оратор, а также воспроизводить это на иностранном языке. Переводчик – синхронист должен быстро реагировать на ситуацию, быть стрессоустойчивым и выносливым, владеть методиками устного перевода.

Подчеркнем, что при передаче материала с одного языка на другой важно сохранить контент, стиль и особенности изложения. Но при синхронном переводе, который осуществляется быстро в условиях ограниченного временного промежутка, полного тождества достичь, к сожалению, невозможно. В данном ключе следует использовать эквивалентность, которая предусматривает привлечение тех или иных фраз, которые отличают указанный материал от другого, а также полное сохранение смысла [5].

Существует несколько видов эквивалентности текста. Во-первых, это полная эквивалентность, которая означает, что перевод полностью сохраняет значение, аналогичные варианты отсутствуют. К такой лексике, как правило, относятся термины. Во-вторых, это частичная эквивалентность, при которой для перевода выбирается одно из значений слова или фразы. Для английского языка характерна полисемия, поэтому в некоторых случаях перевод затруднен и требует особого внимания [6]. В-третьих, это контекстуальная эквивалентность, которая означает перевод в зависимости от контекста. Такая эквивалентность сходна с частичной, но существует определенная существенная разница – частичные эквиваленты предусматривают схожее значение в переводе, а контекстуальные – вовсе нет, их значения абсолютно разные. В-четвертых, переводческие трансформации предполагают перевод слов и фраз в узком, понятном не всем смысле [7]. Эквивалентность перевода должна достигаться на различных языковых уровнях.

При переводе с использованием русского языка важно учитывать его характеристики и особый характер. Он отличается от европейских языков и морфологией, и синтаксисом, и расширенной, богатой лексикой. Отметим, что русский язык изобилует морфологическими категориями и грамматическими формами, что и определяет его синтетический характер. В отличие от него, в других языках грамматическое значение выражается не морфологически, а с помощью предлогов, союзов, вспомогательных глаголов, а также при помощи порядка слов. Это аналитические языки.

Отличия в языках также характеризуются наличием категории переходности – непереходности. В русском языке часть глаголов – переходные, другая – непереходные. В других языках такая категория либо отсутствует, либо совпадает, как в китайском языке, например, в котором один и тот же глагол может быть переходным и непереходным одновременно в зависимости от выполняемой функции и контекста.

В русском языке глаголы, как правило, представлены видовыми парами совершенного и несовершенного вида, в других языках такая

градация незначительна. В русском языке существует категория лица у глаголов, также имеются безличные глаголы.

Подчеркнем, что разным частям речи в русском языке свойственны свои характеристики, морфологические показатели, в других языках одна единица может быть и существительным, и прилагательным, и глаголом одновременно.

Подчеркнем, что при переводе нужно учитывать эквивалентные соответствия. Как уже было сказано выше, они служат достижению адекватности перевода с одного языка на другой и не зависят от контекста. Кроме того, эквиваленты ускоряют и упрощают процесс перевода и, имея постоянные соответствия в родном языке, помогают переводчику понять контекст даже при наличии незнакомых слов. В специальном переводе эквиваленты несут роль терминов. Они обладают значительной семантической определенностью и самостоятельностью, гораздо более высокой, чем слова обиходной лексики [8].

При синхронном переводе политического дискурса, например, следует обратить внимание на идеологемы, которые представляют собой политические термины, но с расширенным в отличие от узкого термина значением. Идеологема охватывает часть идеологии, элемент некой идеологической системы. Она всегда маркирована, т.е. окрашена эмоционально.

Следует подчеркнуть, что синхронный перевод имеет как положительные, так и отрицательные характеристики.

Плюсами синхронного перевода являются следующие аспекты.

Во-первых, он обеспечивает непрерывное восприятие речи оратора, исчезает языковой барьер между оратором и публикой. Благодаря этому спикер держит внимание аудитории, чувствует ее настроение и соответствующую реакцию.

Во-вторых, время проведения мероприятия сокращается в половину, как если бы в работе использовался последовательный перевод.

В-третьих, перевод может происходить сразу в формате нескольких языков с целью охвата большего количества слушателей.

Минусами синхронного перевода могут быть следующие аспекты.

Во-первых, данный перевод требует особой подготовки специалиста как языковой, так и психологической. Такие специалисты много практикуются и постоянно совершенствуют свои компетенции.

Во-вторых, огромная умственная нагрузка и постоянное внимание переводчика истощают его силы, нужно периодически менять переводчиков, давая им возможность отдохнуть. Некоторые специалисты полагают, что вообще умение слушать и говорить одновременно является некой аномалией, а по сути, это особый навык, очень специфический, требующий постоянного совершенствования.

В-третьих, при синхронном переводе теряется большее количество информации, чем при других видах перевода. Это связано с применением приема речевой компрессии, при которой информация немного сокращается, не теряя своей значимости, смысла и коммуникативной задачи. Такой прием используется в силу нехватки времени на перевод в режиме отражения реальных событий здесь и сейчас. Однако стоит отметить, что многие слова в языке не несут особого смысла, аудитория их в любом случае не воспринимает, поэтому они опускаются в синхронном переводе.

Подчеркнем, что, проанализировав все положительные и отрицательные характеристики синхронного перевода, его преимущества все же важнее некоторых огрехов. В современных реалиях именно синхронный перевод является незаменимым средством в международной деятельности. Он позволяет представителям разных стран говорить на одном языке, лучше понимать друг друга, сокращает время проведения мероприятия. Подчеркнем, что аудитория при таких мероприятиях очень большая, однако использование синхронного перевода способствует сохранению и поддержанию внимания публики, вовлечению ее в процесс [9].

Такой перевод в современном контексте используется не только в политических мероприятиях, он привлекается для работы с международным бизнесом, туризмом, спортом, образованием и наукой. Его нужно развивать и совершенствовать как в теоретическом, так и в практическом поле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гербовский Н.К. Теория перевода. Учебник. М.,2020, 544 с.
2. Гурин И.В. Проблема речевой компрессии в синхронном переводе. Подходы и методы исследования. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота., 2008. С.85-88
3. Лихачева О.Н. Сущность гуманитарного компонента в рамках неязыкового вуза на примере английского языка. Булатовские чтения. 2018. Т.7. С.113-114
4. Лихачева О.Н., Шилович О.Б., Королева Ю.В. Влияние личности преподавателя на формирование студенческой мотивации в современном техническом вузе. ЦИТИСЭ, 2019. № 3С.37
5. Ли Сядун. Языковые различия и их отражение в лексической семантике китайского и русского языков. Вопросы филологии. М.,2003, №2. С.30-34
6. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. Учебное пособие для студентов. М., Академия, 2020, 352 с.
7. Алтаева М.Т., Абдраимова Н.Б. Трудности перевода дипломатической терминологии китайского языка. Вестник КазНУ, Востоковедение, Алматы, 2013, 140 с.
8. Тихонова Е.В. Обучение будущих лингвистов устному последовательному переводу на основе анализа дискурса аудио и видео материалов. Томск, ТГУ, 2018, 134 с.
9. Прудникова В.А., Бузук Л.Г. Синхронный перевод как особый вид переводческой деятельности. Преимущества и недостатки синхронного перевода. Филологический аспект. № 4. 2017. С.20-23

FEATURES OF SIMULTANEOUS TRANSLATION

Sun Jie

Simultaneous translation is of interest from the perspective of several disciplines – linguistics, psychology, cultural studies, and sociology. It has its own characteristics that significantly distinguish this type of translation from others and delegate the decisive role to the interpreter – simultaneous interpreter. When transmitting information from one language to another, it is necessary to

take into account figures of speech, the corresponding specialized vocabulary, and defining syntax, and also take into account the fact that the original and translation languages can be of different systems; accordingly, some constructions appear that do not have complete correspondences in the target language. It is important for a simultaneous interpreter to quickly navigate this context and use equivalence as a way to achieve the most accurate correspondence between the original and the translation.

Keywords: simultaneous translation, translator, efficiency, original language, target language, equivalence, psychological characteristics.

УДК 81

ЗНАЧЕНИЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Тымчук Елена Викторовна
Доктор филологических наук, профессор,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный технологический университет»,
E-mail: *elena-timchuk@mail.ru*

Судя по результатам социологических опросов, в век тончайших технологий современное российское общество страдает от пандемии сквернословия. Автор статьи предпринимает попытку проанализировать происходящее с научной точки зрения, а именно ознакомиться с природой феномена, с его мощным противостоянием к образовательным средам и способностью к «революционному размножению».

Основываясь на материалах множественных неравнодушных публикаций, автор знакомит с мнением современных ученых по поводу активного пользования обсценной лексикой. В статье речь идет об истории и причинах ее табуирования нашими предками, отношении к сквернословию со стороны церкви и государства.

Автор обращает внимание на возможные последствия столь массового принятия ненормативной лексики обществом и открыто высказывает свою позицию на предмет чистоты речевой культуры как базового элемента успешной, прежде всего, национальной коммуникации.

Ключевые слова: культура речи, ненормативная лексика, нецензурные слова, обсценная лексика, речевой этикет, риски и последствия, пандемия сквернословия**.**

*****

Рассуждения о значении речевой культуры настолько многогранны и многоплановы, что представляется правильным сразу же обозначить предмет исследовательского интереса: речь пойдет о фактической «блокаде сквернословия», которая окружает современное российское общество повсеместно. Подобное положение дел в сфере живой речи И.Н. Сыкеева и Ю.В. Молотков назвали «культурным кодом новой эпохи» [1] …

Обилие сквернословия вынуждает ученых изучать природную цепкость явления, его «иммунитет», стойкость к противодействию со стороны многочисленных образовательных мероприятий: речевая антикультура, к великому сожалению, с революционным маршем, равно таким же размножением идет по нашей стране уже не одно десятилетие.

Прежде всего, хочется обратить внимание на тот факт, что непристойность, мат, обсценная лексика превратились в объект для изучения значительного количества ученых. По крайней мере, об этом

свидетельствует банальный запрос в известных электронных библиотеках, когда в соответствии с поисковой строкой предлагается массив современных статей и книг, посвященных сложившейся речевой ситуации.

С.А. Бобровой была выполнена колоссальная работа по созданию библиографического перечня произведений, в той или иной мере соприкасающихся с темой сквернословия. Представляется значимым хотя бы бегло перечислить фамилии ученых, неравнодушных к культуре русского слова: П.Н. Киричек (публикации 2019 и 2021 годов); А.К. Мамедов (публикации 2018-2020 годов); А.М. Шилин (публикации 2021 года); Т.В. Епремян и С.А. Шилина (публикации 2021 года); А.В. Васильев (публикации 2019 года); Е.В. Чухачева (публикации 2021 года); О.Е Коханая (публикации 2014 и 2016 годов); О.А. Головачева (публикации 2018 года) и др. Естественно, что данный список ученых не носит исчерпывающий характер, поскольку пандемия языковой скверны не может оставить равнодушным тех, кто сопричастен нести культуру профессионально. В скобках намеренно указываются даты публикаций, для того, чтобы подчеркнуть злободневность темы…

По выражению Г.А. Орлова, «на авансцену повседневной вербальной коммуникации все более выходят "неканонизированные формы"» [2, с. 26], которые в свете современных информационных успехов заполняют даже ранее для них заблокированные пространства.

В публикации 2021 года под названием «Проблема ненормативной лексики в социокультурной сфере» В.А. Шахов и М.Н. Арсланова обращают внимание на тот факт, что использование непристойной лексики превращается в норму для многих людей; более того, «складывается ощущение, что это вирус, не поддающийся лечению». Авторы статьи возмущены тем, что в социальные сети выкладываются многочисленные ролики «с ругающимися матом детьми и малышами», при этом родители подобные действа не пресекают [3, с. 1].

Вот что по этому поводу пишет В.В. Елькин: «Интернет создал свободные, практически ничем неограниченные просторы для самовыражения в любой форме, любыми средствами». И, далее, ученый подчеркивает, что отношение к бранной речи претерпело настолько радикальные перемены, что «ранее табуированная лексика стала значимым объектом наблюдений и изысканий в научной сфере, принося с собой новые открытия[1]» [4, с. 152]. Далее, возникает несомненное желание порассуждать о положительном значении обсценной лексики, которая стала причиной для научных прорывов. Однако, будем надеяться, что полученные результаты послужат хорошему: в частности, у человечества появиться рычаг, избавляющий от речевой антикультуры, последствия пользования которой не столь безобидны, как это выглядит с точки зрения неосведомленного человека.

Тем более вынужденно-активное исследовательское внимание к столь масштабному и открытому использованию сквернословия выглядит печально на фоне сведений о том, что научное изучение языка до настоящего времени «старалось обходить ненормативную лексику

[1] Дело в том, что детальное изучение ненормативной лексики позволило расширить понимание того, как мозг порождает язык. В частности, согласно исследованиям Б. Бергена, «локализация спонтанных ругательств как особого рода языковых единиц происходит в правой части мозга, а не в левой, как локализация традиционных языковых центров» [5; 4, с. 153]. Таким образом, рациональная речь и спонтанная ругань как разные способы использования языка порождаются разными отделами головного мозга [4, с. 152].

стороной», что базировалось на институциональных опасениях, испытываемых учеными «по поводу возможного непонимания со стороны общественности и ответной регулятивной реакции со стороны государства в виде цензуры» [4, с. 152]. По утверждениям Н.Е. Мусиновой, активный исследовательский интерес к русской ненормативной лексике в XX веке проявляли в большей степени зарубежные ученые. Поэтому, в последнюю четверть ушедшего века на Западе «был опубликован целый ряд статей и монографий на эту тему» [9, с. 207].

Хотелось бы сделать некоторые незначительные акценты на имеющиеся сведения об истории возникновения «лингвистической скверны». Вновь вернемся к статье В.А. Шахова и М.Н. Арслановой. В ней указывается в качестве ошибочной версия о связи речевой непристойности с нашествием монголо-татар [6; цит. по Арсланова, с. 2]. Согласно расшифровке надписей на берестяных грамотах Новгорода и Старой Руссы, датируемых XII веком, мы имеем подтверждение о самостоятельном ее хождении по Руси в более ранний период [7; цит. по 3, с. 2].

Ряд ученых матерную брань связывают с языческими обрядовыми действами, дабы отпугнуть нечистую силу, или, наоборот, призвать ее на помощь. В 1997 году[1] в России выходит в свет одна из первых научных монографий, посвященная проблемам сквернословия – «Поле брани. Сквернословие как социальная проблема», в которой ее автор, В.И. Жельвис, данную связь уточняет: «Поэтому иногда нецензурную лексику называют инфернальной лексикой или, иными словами, “адской”» [8; цит. по 3, с. 2].

Н.Е. Мусинова, изучая культ мата среди современной молодежи[2], рассуждает на предмет причины сквернословия как «неотъемлемой части славянской культуры». Автор полагает, что лингвистическое разнообразие мата основано на так называемой обсценной триаде – трех базовых ругательствах, означающих женские и мужские гениталии и половой акт. Поскольку наши давние предки акту зачатия и деторождения придавали сакральное значение, Н.Е Мусинова поддерживает гипотезу, согласно которой «мат восходит к древнеславянским заговорам: его произносили в трудную минуту, обращаясь за помощью к магической силе, которая содержится в половых органах». Упоминается и тот факт, что «брань выражала проклятия и использовалась колдунами». Однако, автор отмечает принятие табуированного запрета[3] на употребление обсценных выражений в присутствии женщин: подобное отношение было закреплено «именно в языческую эпоху у древних славян – этнических предков русских, белорусов и украинцев». С принятием христианства на Руси соблюдение запрета на пользование сквернословием контролировалось церковью. Не менее интересно знать, что литературная и разговорная лексика в России

---

[1] Переиздана и дополнена в 2001 году.

[2] Подробнее см: Мусинова, Н.Е. Культ ненормативной лексики в молодежной среде / Н.Е. Мусинова // В сборнике: Культура и искусство в современном образовательном пространстве. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Кострома, 2023. – С. 205-210.

[3] В том числе о табуировании сквернословия подробнее см: Жельвис, В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В.И. Жельвис. – Москва : Ладомир, 2001. – 330 с.; Кубрякова, Е.С. Основа: лингвистический энциклопедический словарь / Е.С. Кубрякова, Ю.Г. Панкрац Ю.Г. // Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.; Левин, Ю.И. Об обсценных выражениях русского языка / Ю.И. Левин. – Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М. : Языки русской культуры, 1998. – С. 809-819.

категорически начинают разделяться во второй половине XVIII века, именно тогда бранные слова и попадают под жесткий запрет. Именно в это период «использование в печатных изданиях ненормативной лексики стало невозможным» [9, с. 207-208].

С церковными механизмами противостояния нецензурной брани мы можем ознакомиться, например, в статье Е.В. Балдиной, которая указывает: «считалось, что произношение таких слов и сама энергетика этой лексики навлекает болезнь и несчастье. Поэтому после принятия христианства на Руси стали усиленно бороться с бранью. Начала распространяться идея о том, что мат убивает человеческую душу, а значит, губит и самого человека» [12, с. 203].

Куда же «спряталась» нецензурщина? Она «ушла» в неофициальную часть творческого литературного наследия, которая не была доступна широкой публике, поскольку сами авторы тексты со «срамными» словами не публиковали, обнародованию на территории России они не подлежали. Важно отметить, что в Советском Союзе тексты пристально цензурировались на предмет использования сквернословия, поэтому материалы с подобными включениями к средствам массового информирования не допускались. Более того, «слова и выражения цензурировались полностью таким образом, что исключалось даже их подразумевание» [9, с. 208].

Современное российское государство для того, чтобы воспрепятствовать пользованию обсценной лексики публичное употребление мата квалифицирует как мелкое хулиганство (Кодекс Российской Федерации, статья 20.1, штраф от пятисот до одной тысячи рублей или административным арестом на срок до пятнадцати суток) [11]. Кроме того, Роскомнадзор запрещает использовать в СМИ четыре матерных слова[1] и «от этих слов образованные единицы» [10]. Мы же, как активные пользователи массового информационного продукта наблюдаем типичное «запикивание» в случае аудиовоспроизведения речевых непристойностей, либо замену ряда букв на звездочки, которые совсем не мешают слов реконструировать, что называется, в первозданном виде.

Так как несколько выше уже была затронута тема исторического отношения религии к сквернословию, хотелось бы понять отношение современной церкви к пандемии мата. В этой связи обратимся к публикации 2023 года, в которой Д.С. Манченко, А.В. Сальников и Л.В. Филоненко указывают, что все мировые религии обозначают сквернословие большим грехом, который «нарушает заповеди Божьи», то, что человек произносит, «является показателем состояния его души. Нельзя верить в Бога и при этом допускать в своей речи слова, неугодные ему. Об этом в Евангелии отмечено, что за каждое сказанное свое слово человек будет отвечать перед Господом. Библия повествует о том, что “благословением праведных возвышается город, а устами нечестивых разрушается” [14]. В Русской Православной Церкви матерные слова считаются бесовскими и призывают на человека и его род темные силы. Если человек использует в речи матерные слова, то он проклинает себя, свою семью и род». И, далее, «по мнению священнослужителей,

[1] «Нецензурное обозначение мужского полового органа, нецензурное обозначение женского полового органа, нецензурное обозначение процесса совокупления и нецензурное обозначение женщины распутного поведения» [10].

причинами сквернословия выступают: отсутствие духовности, подмена ценностей, вседозволенность, распущенность, эгоизм, ущемленная гордыня, праздность и др.» [13, с. 194-195].

Надо отметить, что статья Д.С. Манченко, А.В. Сальникова и Л.В. Филоненко «Ненормативная лексика в осмыслении военнослужащими» отличается остротой слова и высокой эмоциональностью – это невозможно не отметить в момент знакомства с текстом. Хотелось бы привести некоторые выкладки на предмет «социально обусловленного характера нецензурной лексики». Авторы отмечают, что сквернословие – это продукт уровня культуры в обществе, «где мат (брань) распространен буквально повсюду», а ненормативную лексику «неслучайно называют сквернословием, от слова "скверна"». Согласно В. Далю под скверной понимается «мерзость, гадость, пакость, все гнусное, что мерзит плотски и духовно». По мнению К. Маликовой, Е.Ю. Положенковой, и С.В. Нотченко, «такой тип общения наиболее характерен для славянских народностей. Существующие взгляды определяют разнообразие источников возникновения и распространения нецензурной лексики, начиная от монголо-татар, колдунов, ворожей, невольников, заключенных, отсидевших в тюрьмах и лиц низших слоев общества» [13, с. 194].

Для того, чтобы подчеркнуть неравнодушие современного российского ученого сообщества на предмет победного продвижения ненормативной лексики среди населения, обратим внимание на точку зрения И.В. Мешковой. По мнению ученого, на ситуацию интенсивного распространения сквернословия «особенно в молодежной среде» обращается внимание «уже с 90-х годов прошлого века» [18, с. 2], при этом «нынешняя русская речь находится в состоянии глубокого кризиса» (Н.Р. Москвина) [19, с. 306]; «мат пронизывает все русское общество по вертикали и по горизонтали, формирует нашу среду обитания: его мы слышим везде!» (А. Ермакова) [20] и др.[1]

Сделав короткое, но, как представляется, важное отступление, вернемся к фактам: любопытно, что в конце XX в. рамках науки о культуре речи было разработано понятие «хорошая речь» (эталон речевого поведения для носителей языка) и предложены критерии такой речи. «В число основных критериев вошли грамотность, краткость, точность,

[1] Кроме того, общению посредством ненормативной лексики посвящены следующие работы: Михайлин, В.Ю. Русский мат как мужской обесцененный код: проблема происхождения и эволюция статуса / В.Ю. Михайлин // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 43. – С. 347-393; Пацыба, В.И. Ценностная структура личности и ненормативное речевое поведение / В.И. Пацыба // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования, психология развития. – 2014. – Т. 3, № 1. – С. 74-77; Седов, К.Ф. Русский мат и уровни развития языковой личности / К.Ф. Седов // Дом бытия. Лингвофилософский альманах. – М., 1994. – Вып. 1. – С. 31-40; Попов, В.А. Изменение мотивационно-ценностных ориентаций учащейся молодежи / В.А. Попов, О.Ю. Кондратьева // Социологические исследования. – 1999. – № 6. – С. 96-99; Батыров, Э. О проблеме использования ненормативной лексики в современной русской речи / Э.В. Батыров // В сборнике: Язык. Общество. Медицина. Материалы XI Республиканской научно-практической студенческой конференции, посвященной 150-летию со дня рождения М. Богдановича, Материалы VIII научно-практического семинара и семинаров. Отв. редактор А.А. Мельникова. – Гродно, 2011. – С. 19-21; Власян, Г.Р. Проникновение ненормативной лексики в язык повседневного общения / Г.Р. Власян // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 7 (336). – С. 15-17; Овезова, М. Ненормативная лексика и ее влияние на человека / М. Овезова // В сборнике: Язык. Общество. Медицина. Сборник материалов XIII Республиканской студенческой научно-практической конференции и научно-практического семинара, посвященных 20-летию кафедры русского и белорусского языков. – Гродно, 2014. – С. 51-53.

ясность, уместность, богатство речи [15]; хорошая речь воспринимается как современная, она понятна адресату, она является творческой, целесообразной [16]», – отмечают Г.Н. Аксенова и Е.Н. Татаринцева в статье с весьма символичным названием «Идеи лингвоперсонологии в профилактике употребления ненормативной лексики молодежью» [17, с. 4].

К сожалению, социологические исследования, проведенные среди современной молодежи, дают неутешительные результаты.

Итак, в 2022 году в статье «Причины распространения ненормативной лексики у молодежи» публикуются результаты опроса среди молодежи 14-22 лет (опрошено 30 человек). Оказалось, что почти все употребляют ненормативную лексику[1] (91,7%); на вопрос «Как часто вы употребляете нецензурные слова (мат)?» 66,7% опрошенных ответили «часто»; 16,7% – «иногда»; 8,3% – «всегда» или «никогда»; в большинстве случаев (91,7% респондентов) нецензурные слова используют при общении с друзьями; сленговые слова большая часть молодежи (50%) употребляет часто; 25% – «иногда»; 16,7% – «редко», 8,3% опрошенных – «всегда».

На вопрос «Как часто в вашей семье употребляют ненормативную лексику?» 50% участников ответили «иногда»; 33,3% – «часто»; на вопрос «Какие люди больше всего склонны к употреблению ненормативной лексики?» 83,3% опрошенных ответили, что «молодежь в силу своего возраста». Причинами употребления ненормативной лексики назывались «снятие напряжения», «случайность», «выражение эмоций», «нервное состояние», «привычка».

На вопрос «Как вы считаете, почему люди употребляют нецензурные слова?» были получены ответы: «желание казаться авторитетнее», «плохое воспитание», «подражание моде», «считают, что объяснения становятся более понятными», «помогает снять напряжение», «более краткая и красочная форма придания эмоциональной окраски действиям и ситуациям», «эмоции». 83,3% респондентов ответили, что их «отношение к человеку, который употребляет нецензурные слова не изменится», половина из них (54,2%) даже не хотят прекращать употреблять матерные слова.

По результатам опроса его авторы – С.М. Мальцева, А.А. Воронкова, И.Е. Цыбуцинина сделали следующий вывод: с помощью ненормативной лексики молодежь борется с внешней агрессией, защищает себя. Вдобавок, на это влияет воспитание и уровень культуры и образования, молодые люди не видят необходимость соблюдать речевой этикет и не хотят формировать у себя речевую культуру [более подробно см: 21, с. 141-142].

С.А. Боброва в публикации 2022 года «Социальная проблема использования ненормативной лексики среди молодежи как проявление влияния интернет-медиа» делится результатами социологического опроса на тему «Проблема использования ненормативной лексики среди молодежи». Автор уточняет, что анкетирование проводилось в Брянской области среди людей в возрасте от 14 до 35 лет.

Некоторые результаты впечатляют абсолютно: на вопрос «Употребляете ли Вы нецензурную брань на фоне эмоционального стресса?» утвердительно 86,8% респондентов. «Когда Вы начали

[1] Разница между ненормативной и обсценной лексикой была разъяснена перед опросом.

использовать ненормативную лексику в речи?»: 68,4% респондентов считают, что начали употреблять брань в лексиконе в возрасте 14-17 лет, 18,4% – с совершеннолетия, 7,9% с возраста 11-13 лет, а 5,3% в 7-10 лет. При этом, часто мат употребляется в компании друзей (92,1%) и одногруппников (36,8%), среди родителей и родственников (13,2%). Авторы исследования подчеркивают, что сквернословие в некоторых семьях является «нормой», и молодежь не видит в этом ничего плохого и активно использует его при общении с другими людьми. 26,3% не стесняются использовать выражения в личных отношениях, с незнакомыми людьми доля составляет 15,8%. Причины использования ненормативной лексики выглядели следующим образом: «так выражаю свои эмоции» – 73,7%; «вошло в привычку» – 28,9%; «не могу сдержаться»/«так отвечаю на грубость» – 18,4%; «дома часто слышу нецензурные слова» – 5,3%. Подводя итоги опроса, авторы сделали акцент на формировании языковой среды под значительным влиянием средств массовой информации, и в том числе интернет-медиа [более подробно см: 22, с. 75-77].

Перед автором статьи не стоит задача шокировать результатами подобных опросов, поскольку каждый, кто читает данный текст, сам находится в окружении многократно и публично используемой обсценной лексики, однако, представляется важным высказать свое персональное отношение к происходящему. Необходимо понимать последствия столь масштабного использования дурно-и сквернословия… И.Н. Лаврикова в статье «Пандемия сквернословия: возможные риски и последствия» (2023 год) предпринимает попытку систематизировать последствия использования обсценной лексики, к которым относит «трансформацию ненормативной лексики в норму»[1]; «формирование языковой бедности»[2]; «смену приоритетов языкознания»[3], кроме того, называется «риск распространения обсценной лексики как разновидность проявления субкультурного экстремизма»[4] [более подробно см: 23].

В обыденной жизни мы становимся свидетелями того, что регулярное пользование ненормативным лексическим рядом приводит к забыванию обычных слов, при этом речь, если в силу причин в диалоге важно избегать сквернословия, выглядит несколько странной: она наполняется паузами, бормотанием, бессвязанностью и пр. С другой стороны, как мощна драматургия и эмоционален речевой поток скверны у мастеров ее плодить: речь превращается в своего рода маркер речевой агрессивности, распущенности и публичного насилия… По мнению С.В. Чистова и С.С. Юрова, последнее и есть следствие «упрощенного понимания», порождающего «многофункциональный и общедоступный

---

[1] По мнению С.М. Мальцевой бранная лексика среди молодежи «уже является нормой», без которой они не могут обойтись, объясняя это тем, что «в наше информационное время общественная мораль и нравственность ускоренно меняется и многие ценности уже не актуальны» [21, с. 140].

[2] По утверждениям С.А. Бобровой «современный человек не может обходиться без нецензурной лексики, поскольку она есть везде: на телевидении, в виртуальном пространстве, в фильмах» [22, с. 77].

[3] В данном случае автор подразумевает тесную взаимосвязь языковой культуры и речевой агрессии.

[4] Например, Е.В. Балдина приравнивает регулярное пользование языковой непристойностью зависимости от алкоголя и наркотиков [12, с. 203]. По мнению Е.В. Балдиной, на фоне смены культурных приоритетов, согласимся, что язык в этом процессе играет одну их главенствующих ролей, у следующих за нами поколений существует риск неспособности «принимать самостоятельные решения. …В связи с этим нельзя воспринимать нецензурную лексику из уст детей как нечто незначительное или забавное» [12, с. 204].

язык с высоким уровнем условности» [24, с. 14]. К великому сожалению, экспансия языковой антикультуры продолжается: великий русский с его литературным ядром, с его традиционными нормами, заложенными несколько столетий назад, старается противостоять периферии … Об этом важно помнить, ему важно помогать, поскольку язык – главнейшая, ключевая основа любого вида, прежде всего, национальной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сыкеева, И.Н. Ненормативная лексика как культурный код новой эпохи / И.Н. Сыкеева, Ю.В. Молотков // Культура: управление, экономика, право. – 2022. – № 3. – С. 13-17.

2. Орлов, Г. А. Современная английская речь / Г.А. Орлов. – Москва : Высшая школа, 1991. – 238 с.

3. Арсланова, М.Н. Проблема ненормативной лексики в социокультурной сфере / М.Н. Арсланова, В.А. Шахов // Вестник молодежной науки. – 2021. – № 1 (28).

4. Елькин, В.В. К проблеме лингвокогнитивного и психолингвистического обоснования порождения и использования ненормативной лексики / В.В. Елькин // В сборнике : Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы VII Международной научной конференции, посвященной 85-летию Донецкого национального университета. Под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк, 2022. – С. 152-155.

5. Bergen, B. What Profanity Teaches Us About Ourselves / B. Bergen. – Текст:электронный // Time: [сайт]. – 2016. – 13 September. – URL: https://time.com/4474754/profanity/ (дата обращения: 01.02.2024).

6. МИРТЕСЕН «Факты о монголо-татарах. Летописи» : [Электронный ресурс]. – URL: https://historicaldis.ru/blog/43295222273/FAKTYI-O-MONGOLO-TATARAH-LETOPISI (дата обращения 01.02.2024).

7. Нецензурная брань, ее пагубная сущность. – Москва, Благо, 2000. – 32 с.

8. Жельвис, В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В.И. Жельвис. – Москва : Ладомир, 2001. – 330 с.

9. Мусинова, Н.Е. Культ ненормативной лексики в молодежной среде / Н.Е. Мусинова // В сборнике: Культура и искусство в современном образовательном пространстве. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Кострома, 2023. – С. 205-210.

10. Зыков, В. Роскомнадзор накажет СМИ только за четыре материных слова / В. Зыков, А. Кондратьев // Известия. – 25 дек. 2013 г.

11. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – URL.: http: // consultant.ru/document (дата обращения 02.02.2024).

12. Балдина, Е.В. Ненормативная лексика как разновидность проявления субкультурного экстремизма / Балдина Е.В. // В сборнике: Проблемы патриотического воспитания сотрудников правоохранительных органов и противодействия идеологии неонацизма и экстремизма. Сборник научных трудов. Московский университет Министерства

внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя и др., RUS, 2023. – С. 203-205.

13. Манченко, Д.С. Ненормативная лексика в осмыслении военнослужащими // Д.С. Манченко, А.В. Сальников, Л.В. Филоненко. // В сборнике: Личность курсанта: психологические особенности бытия. Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар, 2023. – С. 192-201.

14. Нецензурная лексика: причины употребления и способы борьбы. [Электронный ресурс]. [URL]: https:// nsportal.ru/tikhonova-anna-anatolevna.https://scienceforum.ru/ 2019/article/2018013036 (дата обращения 12.09.2022 г.).

15. Головин, Б.Н. Основы культуры речи / Б.Н. Головин. – Серия «Лингвистическое наследие XX в.». – Изд. 3. – М., 2005. – 320 с.

16. Сиротинина, О.Б. Основные критерии хорошей речи / О.Б. Сиротинина // Хорошая речь. – Саратов, 2001. – С. 16-28.

17. Аксенова, Г.Н. Идеи лингвоперсонологии в профилактике употребления ненормативной лексики молодежью / Г.Н. Аксенова, Е.Н. Татаринцева // Межкультурная коммуникация и СМИ. – 2017. – № 8. – С. 4-10.

18. Мешкова, И.В. Отношение современной молодежи к ненормативной лексике в контексте воспитания подрастающего поколения / И.В. Мешкова, Л.П. Завьялова // Мир науки. Педагогика и психология, 2021. – №4, https://mir-nauki.com/PDF/19PDMN421.pdf (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

19. Москвина, Н.Р. Ненормативная лексика как социокультурная проблема современной молодежи / Н.Р. Москвина // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы: материалы юбил. Всерос. науч.-практ. конф. «XX Уральские социологические чтения». г. Екатеринбург, 27-28 февраля 2015 г. / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневского. – Екатеринбург: УрФУ, 2015. – С. 306-310.

20. Ермакова, А. Русский мат как феномен культуры / А. Ермакова // Высшее образование в России. – 2001. – № 3. – С. 104-106.

21. Мальцева, С.М. Причины распространения ненормативной лексики у молодежи / С.М. Мальцева, А.А. Воронкова, И.Е. Цыбуцинина // В сборнике: Будущее науки-2022. Сборник научных статей 10-й Международной молодежной научной конференции. В 4-х томах. Отв. редактор М.С. Разумов. – Курск, 2022. – С. 140-143.

22. Боброва, С.А. Социальная проблема использования ненормативной лексики среди молодежи как проявление влияния интернет-медиа / С.А. Боброва // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2022. – № 1. – С. 74-79.

23. Лаврикова, И.Н. Пандемия сквернословия: возможные риски и последствия / И.Н. Лаврикова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – Т. 14. – №3. – URL: https://sfk-mn.ru/PDF/61KLSK323.pdf. – DOI: 10.15862/61KLSK323. (дата обращения: 03.02.2024).

24. Чистов, С.В. Ненормативная лексика как средство управления / С.В. Чистов, С.С. Юров // Бизнес и дизайн ревю. – 2022. – № 1 (25). – С. 8-15.

THE IMPORTANCE OF SPEECH CULTURE IN SOCIAL COMMUNICATION

Tymchuk E.V.

Judging by the results of opinion polls, in the age of the finest technologies, modern Russian society is suffering from a pandemic of profanity. The author of the article attempts to analyze what is happening from a scientific point of view, namely, to get acquainted with the nature of the phenomenon, with its powerful opposition to educational environments and the ability to «revolutionary reproduction».

Based on the materials of multiple non-indifferent publications, the author introduces the opinion of modern scientists about the active use of obscene vocabulary. The article deals with the history and the reasons for its taboo by our ancestors, the attitude towards profanity on the part of the church and the state.

The author draws attention to the possible consequences of such a massive adoption of profanity by society and openly expresses his position on the purity of speech culture as a basic element of successful, first of all, national communication.

Keywords: culture of speech, profanity, obscene words, obscene language, speech etiquette, risks and consequences, the pandemic of profanity.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Файл с текстом статьи должен иметь расширение *.doc или *.docx. Разметка страницы: поля со всех сторон 2 см, ориентация книжная, формат А4. Текст набирается шрифтом Times New Roman, размер (кегль) 14, абзацный отступ 1,25 см, межстрочный интервал полуторный с использованием автоматической расстановки переносов. Страницы должны быть пронумерованы (внизу страницы, выравнивание по центру).

Структура статьи:

- *индекс УДК в соответствии с классификатором (в левом верхнем углу);*
- *название статьи;*
- *инициалы и фамилии авторов (полностью);*
- *место (-а) работы (учебы) автора (-ов);*
- *аннотация (от 50 до 150 слов) на русском языке;*
- *ключевые слова на русском языке (от 10 до 15 слов);*
- *название статьи на английском языке;*
- *аннотация на английском языке (перевод);*
- *ключевые слова на английском языке (перевод);*
- *текст статьи;*
- *список использованных источников;*
- *сведения об авторах на русском языке (с указанием полного ФИО, названия учебного учреждения, должность, звание, научные степени и т.д.)*

Для публикации в журнале необходимо направить на адрес электронной почты: Acabem.rus@yandex.ru **текст статьи. Название файла -фамилия первого автора**

Максимальное число авторов в статье – 4.

Все статьи проверяются на **ПЛАГИАТ**.

Процент авторского текста должен составлять не менее 75%.

Учредитель: Тихонова Жана Сергеевна
Издательство: ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «РОСТПОЛИГРАФ»,
Адрес издательства: 105187 г. Москва, ул. Вольная д. 28/4 к.1
Типография: Индивидуальный предприниматель Тихонова Жанна Сергеевна, ИНН 615108078357, ОГРНИП 322619600168289
Адрес типографии: 346715, РОССИЯ, обл РОСТОВСКАЯ, р-н АКСАЙСКИЙ
ISSN электронного сетевого издания 3034-1337
Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-86774 от 05 февраля 2024 г.
E-mail: Acabem.rus@yandex.ru
Вебсайт: https://rostizdat.ru/nachala-russkogo-mira/
Подписано в печать 31.01.2024г. Выход в свет 05.02. 2024г., объем 7,11 п.л.
Тираж 200 экз. Заказ № 012-24/3.
Цена свободная